

Валентин Иванов

ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС ФЮРЕРА

ЛАРНАКА 2000

Авторские права Валентина Иванова защищены. Все перепечатки данной работы, как полностью, так и частично, категорически запрещены, в том числе запрещены любые формы репродукции данной работы в печатной, звуковой или видеоформе. Любое нарушение закона будет преследоваться в судебном порядке.

Валентин Иванов

Последний рейс фюрера. Повесть.

Издание: “Ben Publishing Ltd”, Nicosia, Cyprus,
2000. 229 с.

Читателю предлагается необыкновенное повествование, изложенное загадочным человеком, которого встретил автор на Кипре. Назвавшись Иоахимом Штальбергером, он делает сенсационное признание о полетах с Адольфом Гитлером и Мартином Борманом на Северный Кавказ и Тибет на летающей тарелке, и рассказывает о секретных работах по ее созданию в Баварии.

© Текст. Валентин Иванов, 2000

© Оформление: “Ben Publishing Ltd”, 2000

Отпечатано в типографии “J.G.CASSOULIDES & son Ltd.,
Nicosia

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прежде чем рассказывать эту историю, я вспомнил несколько событий, свидетелем и очевидцем которых являлся. Все имена и фамилии не вымышлены, этих людей я знал лично. Все это косвенно связано с историей Третьего Рейха и личностью Адольфа Гитлера. После того, как на площадке берлинского бункера были обнаружены советскими военными обгоревшие трупы мужчины и женщины, череп, принадлежавший мужчине, был переправлен в Москву и поныне находится в секретных хранилищах бывшего КГБ. С тех пор бытует версия, что Адольф Гитлер и Ева Браун покончили жизнь самоубийством и завещали своим самым близким сослуживцам сжечь их останки.

Итак, первое событие произошло в Москве. Уже во времена перестройки, в бытность председателем нового КГБ Бакатина, часть архивов была рассекречена и мой знакомый московский журналист Виталий Семин, знавший Артема Боровика по журналистской работе, просматривал у него некоторые материалы с грифом “Секретно”. Там он случайно наткнулся на неприметный документ - рапорт начальника дивизиона загради-

тельных аэростатов полковника Федулкина И.Л. коменданту Московского Кремля: “24 августа 1942 года в 4 часа 11 минут по не установленным пока причинам, произошло возгорание 7 из 13 заградительных аэростатов, окружающих Кремль. Звукоулавливающие системы обнаружения вражеских самолетов не засекали никаких звуков, идентифицирующих акустические характеристики немецких бомбардировщиков. Оператор, - старший лейтенант Мордвина Л.А., - засекала в момент возгорания аэростата светящийся предмет, напоминавший шаровую молнию, что она и отразила в рапорте. Сгоревшие аэростаты были заменены новыми и вся схема защита была восстановлена”. Из других источников он узнал о том, что якобы Сталин устроил нагоняй Берия за то, что защита от немецких бомбардировщиков при помощи аэростатов должна быть усилена, так как он сам наблюдал их возгорание..

Хотя не было никаких документальных подтверждений этого события, можно предположить, что оно имело место быть, так как Сталин всегда работал всю ночь в своем кремлевском кабинете и держал в постоянном напряжении членов Политбюро и Генштаба, которые вынуждены были бодрствовать и в любой момент ждать звонка “хозяина”.

Второе событие связано непосредственно с самоубийством Гитлера и Евы Браун. Этот акт

имеет временную характеристику, и считаются почти достоверными время и дата - 30 апреля 1945 года в 18.45 по берлинскому времени.

Как раз в это время продолжались ожесточенные бои в центре Берлина. Ст. лейтенант Вишневский, известный в истории Великой Отечественной войны как радист, передавший радиограмму Маршала Жукова о капитуляции гитлеровской Германии в Москву, был профессиональным связистом и досконально знал обстановку в радиоэфире. Он знал все тонкости проведения радиосвязей на коротких волнах, а также условия и причины нарушения радиосвязи. После войны он получил радиолюбительский позывной УЦ2АБ в Белоруссии, работал в органах КГБ и перед отъездом из Минска, в 1950 году, на квартире своего сослуживца и радиолюбителя Короленко рассказал интересный случай из своей богатой событиями жизни военного радиста.

Я тогда был начинающим коротковолновиком, и Тимофей Прокопьевич Короленко как бы шефствовал надо мной, и я часто пропадал у него дома за его радиостанцией, наблюдая за радиосвязями с такими же, как и он, фанатиками, находящимися за тысячи километров от Минска - в Англии, Африке, Америке, Австралии.

Так вот, в тот вечер к нему зашел Вишневский, и я не знаю по какому поводу жена Тимофея Зинаида - тоже бывшая военная радистка, - накрыла

стол. Тимофей Прокопьевич оставил меня с наушниками у своей радиостанции, а сам с гостем и Зиной о чем-то оживленно говорили, время от времени, наполняя рюмки коньяком. Через некоторое время пригласили и меня. Как назло, приемник в этот вечер только шипел, и не было слышно никаких любительских радиостанций. Я сказал, что может быть, что-то испортилось, раз ничего нет, кроме шипения в наушниках. Тимофей покровительственно посмотрел на меня и сказал:

- Это нарушение коротковолновой радиосвязи вызвано магнитной бурей, и такие явления довольно часто встречаются. А магнитные бури возникают от взрывов на Солнце.

Мои старшие товарищи по радиолюбительству были уже навеселе, а я все донимал Тимофея вопросами - как долго длится такое нарушение радиосвязи, на каком расстоянии, нарушается ли местная радиосвязь. Тут мне ответил Вишневский:

- Местная радиосвязь не нарушается, так как она осуществляется поверхностной волной и не отражается от ионосферы. Правда, в моей практике был один случай, когда связь с моим корреспондентом, находящимся на расстоянии пару километров от меня, вдруг прервалась, и в наушниках был слышен один треск и шипение.

Тут он посмотрел на Тимофея, как бы молчаливо спрашивая, можно ли мне рассказать об этом случае, не сболтнули я когда-нибудь. Тимофей

незаметно кивнул головой - мол, я этого парня знаю и он не проболтается, а Вишневецкий продолжал.

Это было в Берлине в конце войны, аккуратно вечером 30 апреля. Мы штурмовали рейхстаг, и я обеспечивал связь командира минометного батальона с командиром танковой бригады, находящейся на расстоянии 2 - 2,5 км от нас. Связь мы проводили на частоте 2800 кГц, и слышимость была великолепной, хотя нам и мешали немецкие радиостанции. Вдруг в наушниках раздался сильнейший шум и треск, в котором пропал сигнал радиста танкового батальона. Я перешел на запасную частоту, но там был тот же ужасный шум. Командир минометного расчета матюгался и грозил отдать меня под трибунал, так как я не давал ему данных для корректировки огня, и он не мог производить прицельный залповый огонь по указанной цели.

Телефонная связь, конечно же, не работала, так как пройти телефонисту с двухкилометровой катушкой провода по развалинам Берлина, где простреливался каждый метр, было невозможно, да и не нужно - для таких случаев существовала радиосвязь. Это необычное явление длилось несколько минут - минут 5, не больше. Потом шум также внезапно исчез и в наушниках громко раздался голос "калинка": "сосна пятая, сосна пятая, я калинка, прием". Связь восстановилась, и мы продолжили бой. Я сделал пометку в журнале о нарушении

радиосвязи, указал время и частоты. По инструкции нельзя было ничего, кроме сообщений командира, передавать, но я не удержался и в одном из сеансов, когда был перерыв - ждали новых данных корректировщика, и я спросил у “калинки”, что он слышал, когда у нас прервалась радиосвязь. “Шум” - ответила “калинка”.

На следующее утро меня вдруг вызвали в особый отдел, забрали журнал, выдав взамен новый, и заставили подробно описать случай нарушения радиосвязи. Старший офицер-особист в звании подполковника кому-то звонил по телефону и когда кто-то ответил на другом конце, он вдруг выпрямился, как по стойке “смирно” и я услышал: “Понятно, товарищ генерал, все сделаем, товарищ генерал”.

Он повесил трубку и уже не так строго обратился ко мне:

- Сам командующий войск связи товарищ Пересыпкин тобой интересовался. Ты все подробно написал в рапорте? - спросил он, и, ознакомившись с содержанием, продолжал: - А теперь пиши расписку о неразглашении.

Ну, а что это такое, Тимофей знает, а тебе знать не надо - молод еще. За время моей службы случаев нарушения радиосвязи было много, но никогда меня не вызывали в особый отдел и не заставляли писать расписки о неразглашении. И хотя офицер-особист посоветовал мне об этом случае забыть, как будто

его и не было вообще, в моей голове все время крутился чисто технический вопрос - что же это за чертовщина была такая? Может быть, наши испытывали какое-то новое средство подавления радиосвязи, и я стал невольным свидетелем этого события, и поэтому меня и вызвали в особый отдел? С другой стороны, во время того боя ничего не могло испытываться, так как нарушение радиосвязи было чревато невыполнением приказа командования и было нелогично.

Когда немцы капитулировали, я встречался со своими коллегами - военными радистами, воевавшими в Берлине, и пытался в разговоре выяснить обстановку в тот злополучный вечер. Все, с кем я разговаривал, ничего не говорили о помехах и нарушениях связи - у них было все нормально. Я попытался найти и "калинку", но танкисты сказали, что Червоненко срочно отозвали в штаб дивизии и его в части нет. Я выразил сожаление, так как хотел с ним выпить победную чарку, ибо как раз наша работа пришлась на день перед официальной капитуляцией немцев в Берлине. Тут наш разговор услышал капитан, сидящий на люке СУшки.

- Так ты минометчик? Вот наш Санек матюгался (а Санек был как раз тот радист) - тут как раз приказ пришел по новой цели бабахнуть (разведчики говорили, что по логову фюрера) - точно на юг развернуться, а он кричит, что связь с тобой потерял.

Мы чокнулись фляжками на здоровье Саньки, и

на этом я успокоился. В голове проскочила мысль, что мы переносили огонь на северное направление, а логово - нас перед отъездом из Берлина возили на то место, где оно было - как раз находилось между нами. Так до сих пор я и не разобрался, что же это было такое.

Третье событие, так или иначе связанное с этой темой, произошло в городе Грозном, в бывшей Чечено-Ингушетии, в 1972 году. По работе я часто ездил в командировку на завод автоматики, входящий в состав Минпромстройматериалов СССР. Там я познакомился с главным инженером завода Смыковым, с которым сложились у нас дружеские отношения. Однажды, когда я в очередной раз приехал в Грозный, Смыков предложил мне съездить к своему другу в Шатойский район - это горная часть Чечни, и провести там пару деньков на природе, ощутив в полной мере кавказское гостеприимство. Я с удовольствием согласился.

И вот утром следующего дня мы на заводском УАЗике двинулись в горы. Ехали мы часов пять и к полудню прибыли в красивое горное место. Небольшое чеченское поселение находилось в очень живописном месте, на границе горных лугов и снега. Здесь кончался великолепный буковый лес - вообще, место было сказочное.

Там он меня познакомил с Асланом - они вместе служили в армии, после дембеля подружились и стали близкими людьми. Когда Аслан приезжал в

Грозный, то всегда останавливался у Смыкова в квартире, а высокое начальство из Москвы и Ленинграда главный инженер завода всегда возил на шашлыки и охоту к Аслану в горы. Не буду описывать, как приятно мы провели время - кавказское гостеприимство ощутил на себе каждый, кто имел друзей или знакомых на Кавказе. Мы говорили о многом, а к концу разговора я неосторожно задел тему депортации чеченцев Сталиным в 1944 году, тем самым желая выразить свое сочувствие. Смыков меня не предупредил, что эта тема является запретной при любом разговоре, так как каждый чеченец потерял близких и родных в то страшное время. Но, как говорят, слово - не воробей, вылетело - не поймаешь.

К удивлению Смыкова, Аслан довольно спокойно отнесся к моим сочувствиям чеченцам, - может быть, я расположил его к себе, своим поведением и разговорами на разные темы заслужил его уважение, - не знаю, только он сказал, что мы сейчас ходим в гости к одному старому чеченцу, который имеет свой взгляд на все произошедшее.

Старец по имени Алхан жил на краю аула со своей женой и немым племянником. На русском он говорил плохо и переводчиком выступил Аслан. Мы почтительно поздоровались со старцем, и он пригласил нас на широкую скамейку возле небольшого каменного дома старой постройки. Он что-то сказал по-чеченски своей жене и через

некоторое время на низком, наподобие нашего городского журнального столика, только на толстых ногах, появилась брынза, зелень, глиняные стаканы и кувшин вина. Аслан неторопливо завел “светскую” беседу о том да сем, мы к ней подключились, выражая свою благодарность гостеприимству хозяина. Видимо, Аслан знал норы своего старшего товарища и не хотел с наскока затрагивать столь щекотливую для чеченцев тему, да еще в присутствии - хоть и друзей Аслана, - но все же русских.

Тем не менее, на втором кувшине вина, Аслан сказал старцу, что я, как бы искренне сожалею о случившемся, и приношу извинения чеченцам от имени многих русских, кто знает эту страшную историю.

Когда Аслан это сказал Алхану, тот из-под густых бровей просверлил меня колючим взглядом, наши глаза встретились, и мне показалось, что смотрит на меня не 90-летний старик, а молодой мужчина, полный сил и внутреннего благородства. Посмотрев друг на друга некоторое время, я заметил, что взгляд старца подобрел, а в глазах что-то засветилось.

- Харашо, я скажу тебе историю, толко Алхан тебе скажет русским, я плохо говорю - и он начал что-то говорить Алхану по-чеченски.

То, что мне поведал старец, не было для меня открытием. Я спросил только у него - а почему

немцы, а не англичане, итальянцы или другие, кто был против Сталина? Тут он немного помолчал, а потом поднялся с лавки, пригласив нас рукой следовать за ним. Солнце почти коснулось кромки гор, и когда мы взошли на небольшой холмик за его домом, Солнце лежало, как большой красный бильярдный шар на плоском мраморном столе, причем было ощущение, что оно вот-вот скатится влево или вправо. Было ощущение чего-то нереального, неземного. Необычной была форма горного плато, изумительная резкость пространства и красный шар Солнца. Прозрачный горный воздух не искажал границы между горами и светилом, и поэтому казалось, что Солнце кто-то режет острым ножом, оставляя все меньшую и меньшую часть его для нашего созерцания. Наконец, последний кусочек красного шара спрятался за плато, и в это время с этой точки на мгновение вспыхнул острый, тонкий и яркий зеленый луч, пронизавший все небо. Алхан и Аслан сложили руки, ладонями провели по лицу с закрытыми глазами, бороде, и так несколько раз, повторяя на своем языке какие-то молитвенные слова.

Когда они повернулись к нам - а было еще светло, - лица их были светлыми и одухотворенными, а добрые глаза излучали удивительный свет.

- Сегодня Аллах послал нам хорошую весть и хоть Вы не мусульмане, его милость коснется и Вас - перевел Аслан слова старика.

Перед моими глазами все еще горел тонкий изум-рудный луч и тут я вспомнил Грина, или Паустовского (к стыду своему не помню, кто из них автор рассказа, который так и назывался “Зеленый луч”). А суть его заключалась в том, что такое явление бывает при заходе Солнца на море в полный штиль за счет каких-то оптических эффектов - таково материальное объяснение. А метафизическое заключается в том, что человек, которому посчастливилось присутствовать при этом явлении, может ждать исполнения своих желаний и судьба будет к нему благосклонной. Или что-то в этом роде - в любом случае увиденное и услышанное навеяло какой-то трепет и страх, и хотя я был, как и все советские люди, атеистом, меня все это привело в состояние животного трепета.

Мы молча спустились к дому. Каждый был потрясен увиденным, мы молча сидели за столом, осмысливая произошедшее. Наконец Алхан прервал молчание и сказал:

- Сегодня нам надо все осмыслить, а завтра утром приходите ко мне, и мы продолжим наш разговор.

Мы поблагодарили Алхана за гостеприимство, и пошли к Аслану домой. У Смыкова была своя комната, в которой он всегда останавливался, к ней добавили раскладушку, и я сразу уснул, едва мое тело приняло горизонтальное положение. Ночью мне снился какой-то бред про самолет, опускаю-

щийся на горное плато, за которое зашло сегодня вечером Солнце, какую-то чечевицеобразную конструкцию, оказавшуюся верхом на самолете; потом я каким-то образом очутился вместе с Алханом на этом плато и там нас встретил высокий блондин с голубыми прозрачными глазами и сказал нам на немецком языке, который мы вдруг стали понимать, что фюрер благодарит чеченцев за гостеприимство и никогда не забудет их помощи в его путешествии. Полная чушь!

Проснулся я от голоса Аслана, который приглашал к завтраку. Мы помылись, побрились и, перекусив, пошли к дому Алхана, который уже нас поджидал, держа в руках тонкую крепкую палку.

До плато три километра - сказал он. - Чтобы на него подняться, нам надо пройти 5 километров по горной тропе, это займет 3 часа времени.

Мы двинулись в путь. Через три часа мы уже стояли на плоской, как полированный стол, поверхности скалы, обрамленной со всех сторон невысоким кустарником. Длина этой естественной (или искусственной) площадки была примерно 800 метров, а ширина - метров 100 в узкой ее части, и метров 200 - в широкой. С запада она была открыта и в этом направлении, вдалеке, просматривались горы с заснеженными вершинами. С востока, севера и юга она была закрыта близлежащими горами, причем северная и южная части этого плато упиралась в отвесные скалы высотой метров 300-400,

являющиеся частью горы, а восточная плавно переходила в отрог большого хребта, который тянулся километров десять и заканчивался высокой заснеженной вершиной. Поверхность этой, я так думаю, гранитной породы, была абсолютно ровной, как будто гигантский фантастический фуганок прошелся по ней. На протяжении 800 метров не было ни одной трещины. Поверхность плато была шероховатой от действия осадков и ветров, но эта шероховатость скорее напоминала шероховатость бетонного покрытия современного аэродрома, чем естественное природное образование. Алхан молча шел впереди, и пока мы не обошли по периметру всю площадку, не останавливался. В одном месте он, правда, замедлил шаг, и показал рукой на окружность диаметром метров пять, края которой представляли собой как бы небольшое углубление в скальном грунте, сантиметра 2-3 - не больше, с оплавленными, как остеклованными, краями. Это же был естественный аэродром!

Старец взглянул на меня и подозвал Аслана.

- Первый раз я увидел здесь самолет в августе 1931 года - из окна моего дома он казался маленьким. До этого я никогда их не видел и даже не знал о существовании железных птиц. А второй и последний раз - в 1942 году и тоже в августе. Когда самолет взлетал, на его спину опускалось большое серебристое блюдце, и так они вместе очень быстро исчезали из вида.

Аслан расстелил холстяную скатерть и извлек из рюкзака съестные припасы. Мы подкрепились, выпили из кожаной емкости вкусного сухого вина и стали спускаться вниз. Обратная дорога заняла меньше времени, и через два часа мы уже были дома. Увиденное нами внесло еще больше сумятицы в мои мысли о событиях прошедшего дня.

Когда мы стали прощаться с Алханом, он пристально посмотрел мне в глаза, и сказал на русском языке:

- А что было на вершине, ты видел вчера во сне. Да хранит тебя Аллах!

Вечером мы были в Грозном, у Смыкова было испорчено настроение, и он был явно не в своей тарелке.

- В конце концов, мало какого бреда не слушаешься от старых людей, – как бы оправдываясь передо мной, произнес он. - Думал, отдохнем с тобой, а случилась такая чертовщина. А ведь то, что мы видели - самый настоящий аэродром, причем высшего качества. Надо будет узнать у наших особистов, знают ли они о его существовании.

Утром я уехал рейсовым автобусом в Тбилиси. После этого я больше не приезжал в Грозный, а через пару лет, позвонив по какому-то вопросу на завод, узнал, что месяц назад Смыков скончался от сердечного приступа. Со временем забылась и стерлась из памяти вся эта история с аэродромом,

немецким самолетом, зеленым лучом, Асланом и Алханом.

И, наконец, четвертый случай совсем свежий и от-носится к 1999 году. Проходя курс лечения в Лимассоле, в лечебном центре “КЛАХЕБО”, я познакомился с мануальным терапевтом Марковым из Москвы. Специалист он был классный и за пять сеансов мой позвоночник стал гибким, а от острохандроza остались одни воспоминания.

Так вот, во время этой лечебной процедуры пациент получает удовольствие, а врач отдает все силы, что бы размять окаменевшие хрящи и кости, и, на исходе положенных 45 минут, его белая рубашка становится мокрой, происходит обычный в таких случаях ничего не значащий разговор о том, да о сем. Не знаю, по какому поводу Марков спросил, не интересуюсь ли я проблемами НЛЮ, на что я ответил утвердительно, хотя и сказал ему откровенно, что это было лет 30 назад, и больше этими вопросами я не интересовался. К сожалению, я не был свидетелем встреч с НЛЮ, хотя, если бы представился такой случай, я бы уж точно постарался все осмыслить.

В конце мая, или начале июня - я уже точно не помню, - Марков спросил у меня, имею ли я доступ к Интернету. Если имею, то он даст мне подробное описание летающей тарелки на Кипре, в районе Лимассоле, которую он наблюдал, причем даже несколько раз. В одном случае - вместе со своими

сотрудниками. Я передал его сообщение по электронной почте, адрес которой был приведен в этом сайте, и совсем забыл об этом письме.

И если бы не встреча с незнакомцем, о которой сейчас расскажу, я и не вспомнил бы всего этого.

РАССКАЗ НЕЗНАКОМЦА

22 июня 1999 года в Ларнаке было прекрасное утро. Часы еще не показывали 8 утра, а воздух уже прогрелся до плюс 30 градусов по Цельсию. Было спокойно и тихо, и зеркальную гладь моря, вдоль набережной Фуникудес, искажали только маленькие волны от пловцов, совершающих утренний моцион. За красными пластмассовыми шарами, ограничивающими безопасную зону для купающихся, море было спокойное и ровное, как чай в блюде. Все купались до буйков, где глубина моря не превышала 2-2,5 метров, а у берега было мелко, - надо было пройти метров 50, что бы погрузиться в воду до пупа. Утром вода была прохладная, а за буйками, метров 100 от них, средиземное море было стабильно прогрето до температуры 27-28 градусов тепла по Цельсию. У берега вода была холоднее градусов на пять. До 9 часов утра, когда Солнце еще стояло не так высоко, можно было понежиться на песочке, так как уже к 11 часам все побережье прогревалось до температуры 29 градусов. К полудню Солнце припекало с особой свирепостью, так как год удался очень жарким и даже киприоты не припомнят случая, что бы в полдень температура в тени доходила до 45-47 градусов по Цельсию. Находится на открытом местебыор равносильно самоубийству, - в отдельные дни термометр

показывал 55-57 градусов, и понятие отдыха на Кипре означало способность скрыть свое тело от палящих солнечных лучей между 11 и 17 часами по местному времени. Кондиционеры не справлялись с такой тепловой нагрузкой, а в закупоренных апартаментах стоял прохладный, вязкий и влажный воздух, спасавший от жары на Солнце, но не спасавший от духоты в помещении.

Приехав к 8 утра в свой офис, который находился на улице Термопилоне, я дал поручения своим сотрудникам. Пока было еще не жарко, решил посидеть под навесом кафе у гостиницы Sunhill, выбрав столик в дальнем левом углу, в тенечке, и выпить пинту любимого мною холодненького кипрского пива КЕО. Благо, что здесь, несмотря на жару, в любое время подавали покрытый толстым слоем инея матовый бокал и холодную бутылку КЕО с орешками, кукурузой, горохом и белыми семечками. Читатель согласится со мной, что отхлебнуть глоток ледяного пивца и затянуться сигареткой Camel в тридцатиградусную жару если и не было верхом блаженства, то, как минимум, наслаждением. Ибо, часом позже, даже ледяное пиво не спасало от жары, а к вечеру зной так изматывал организм, что единственным желанием было быстрее залезть в теплую морскую воду, заплывать подальше и насладиться вечерним купанием до захода Солнца.

Мое умиротворенное состояние нарушил

мужской голос:

- Извините, у Вас свободно, можно присесть?

Сказано это было на русском языке с едва заметным акцентом, скорее, европейского происхождения. Я поднял глаза и увидел высокого пожилого мужчину с седыми, густыми волосами. На нем были брюки из белой материи, матерчатые туфли, а на белой безрукавке безукоризненно сидел бежевый пиджак спортивного покроя. “ Не хватало мне собеседника подумал я, - “кругом все столики свободны”. Видимо, заметив на моем лице досаду, или почувствовав это другим способом, о котором я не догадывался, он вдруг сказал:

- Я Вам не помешаю, не беспокойтесь.

Я покраснел и как-то неловко произнес:

- Ну что Вы, садитесь, пожалуйста, Вы никак не стесните меня.

Я встал и протянул руку незнакомцу.

- Меня зовут Валентин, Валентин Иванов.

- Иоахим, Иоахим Штальбергер - представился он, и мы обменялись рукопожатием.

Обычно при знакомстве, когда подаешь руку, то смотришь в лицо, в глаза человека, с которым здороваешься. Теперь я почему-то отвлеченно прошелся взглядом по лицу моего гостя и невольно остановил глаза на нашем рукопожатии.

То, что я увидел, настолько обескуражило меня, что Иоахим забеспокоился и, как мне показалось, извиняющимся голосом произнес:

- Валентин, не волнуйтесь, это все реально. Давайте присядем.

Призыв моего собеседника не возымел действия, и внутри у меня засосало под ложечкой, - так, как при падении самолета в воздушную яму, когда он внезапно теряет высоту и падает, а в это время внутри у тебя все обрывается и подступает к горлу неприятная тошнота.

Эта картина никакими сознательными, подсознательными и интуитивными аргументами я не мог объяснить - я держал, физически ощущал материю ладони Иоахима, чувствовал его пальцы и кожу, хотя самой ладони... не видел. Я видел свои согнутые пальцы, охватывающие запястье, через его пальцы видел свою внутреннюю сторону ладони, а рука Иоахима была невидимой.

Созерцание этой картины, когда ты точно чувствуешь руками материальный объект, а глазами видишь рукав пиджака, заканчивающийся ничем, вызывало не то что бы ужас, а какой-то мистический страх. Я разжал пальцы и опустился на стул. Как-то машинально взял свой бокал, отхлебнул пива, поставил его на кругленькую, цветную бумажную салфетку с надписью "КЕО", жадно затянулся сигаретой. Кроме неприятного ощущения, сковавшего мою речь, прибавилось какое-то оцепенение, и я с ужасом подумал: "Или я схожу с ума, или влип в какую-то историю".

Видимо, Иоахим читал мои мысли, но, оценив

мое состояние, не стал ничего объяснять, а только заметил:

- Мне неловко, что я доставил Вам столько волнений, но поверьте мне, эта встреча является очень важной для меня, и я думаю, Вам она не нанесет никакого вреда. Все, что я Вам расскажу сейчас, является исполнением приказа фюрера, отданного в конце войны, в апреле 1945 года. Была назначена дата - 22 июня 1999 года, и место - остров Кипр, Ларнака, первый отель, построенный возле муниципалитета на набережной Фуникудес, крайний столик в левом углу под навесом от ресторана этой гостиницы. Утром в 8.15 я должен за этим столиком увидеть сидящего человека и ознакомить его с одним событием в истории Третьего Рейха. Если за столиком никого не будет, я должен буду покинуть это место вместе с этой тайной и никогда сюда больше не возвращаться.

Все еще находясь под впечатлением необычной встречи, я попытался осмыслить сказанное моим собеседником и пристальней рассмотреть его, пытаюсь найти ответ на главный вопрос - что это, гипноз, галлюцинация, помутнение рассудка, и кто это сидит рядом со мной в образе Иоахима Штальбергера.

Иоахим выдержал паузу, давая возможность мне сосредоточиться на восприятии его рассказа, а не думать о причинах столь неординарного поведения обыкновенного человека, каким я был для него. А

в его необыкновенности я не сомневался, да и сам Иоахим об этом, безусловно, знал.

На вид ему было лет 70, но выглядел он моложе, лицо было без глубоких и частых морщин, глазные яблоки белого цвета, а радужная оболочка вокруг голубых прозрачных зрачков была очень тонкой и резкой, как у молодых людей. В 70-ти летнем возрасте она обычно размытая, а сам зрачок как бы выцветший от многолетнего восприятия мира.

Кожа на шее не была тугой, но и не дряхлой, свежесбритое лицо было бежевого цвета, а за ушами не было видно старческих складок кожи. Короче говоря, хотя внешний вид странного собеседника и соответствовал предполагаемому возрасту, сохранился он очень хорошо. Серые волосы были жесткие и густые, зубы были белые, с матовым оттенком. Правая рука лежала у него на колене, и я не мог ее видеть, а левая находилась на столе, и я мог разглядеть наружную сторону ладони. Ее покрывали редкие волосы с рыжеватым оттенком, сквозь загар проступали голубые вены, складки на изгибах пальцев были мягкие и эластичными. Правильная форма ногтей и их розовый цвет свидетельствовал о хорошем кровоснабжении. Нос был прямой, рельеф ноздрей не был чувствительно выделяющимся, а сонная артерия, проходящая голубой полоской по шее, ритмично пульсировала. Лицо было европейского типа и если бы не немецкая фамилия, я бы подумал,

что передо мной сидит швед. Но это был немец. Когда я, наконец, взглянул ему в глаза, в глубине моего сознания отразилось что-то похожее, но никакого определения проскользнувшему, как молния, образу, я не мог дать. Память подала какой-то сигнал, а из каких глубин он выплыл, я так и не определил.

Выдержав небольшую паузу и дав мне окончательно прийти в себя, Иоахим продолжил.

-То, что я Вам расскажу, Вы по завершению моего сообщения забудете и вспомните только через три месяца. К этому времени я буду уже далеко, и Вы сможете всю эту информацию использовать по своему усмотрению.

* * *

Итак, я, Иоахим Штальбергер, родился 22 июня 1910 года в Баварии, в маленьком городке Кирхеншлассере. Отец мой был адвокатом, имел достаточно высокий заработок, что бы содержать свою семью - жену и троих детей. Я в семье был младший - две сестры Эльза и Катрин были на 3 и 5 лет, соответственно, старше меня. Когда окончилась первая мировая война, мне было 8 лет, и отец определил меня в гимназию. Я успешно ее окончил и, по настоянию отца, поступил в Берлинский университет на юридический факультет. Там у меня обнаружилась способность быстро усваивать

иностранные языки, и я параллельно, со второго курса, посещал отделение иностранных языков, где уже через год профессор Шрайдер, известный полиглот, настоял на моем переводе на его отделение.

Отец воспротивился этому, и мне пришлось совмещать учебу на двух факультетах, причем занятия на факультете иностранных языков было для меня скорее отдыхом, чем учебой. К удивлению профессора Шрайдера, на освоение одного языка у меня уходило не более двух месяцев. К концу первого года обучения я без акцента мог разговаривать на французском, английском, шведском, итальянском, испанском, греческом языках, а еще через год я освоил все славянские языки: русский, украинский, чешский, польский, болгарский, и мы перешли к изучению ближневосточных языков. Мои необычные способности настолько вдохновили профессора, что он специально для меня разработал методику обучения и мечтал о 50-ти основных языках, которыми я должен был владеть - ровно столько, сколько он знал сам.

К этому времени в Германии бурно развивались политические события, но мой учитель, так же как и я, были далеки от них и все время уделяли знакомству с культурой и историей государств Европы, Америки, Ближнего Востока, Китая и России.

И все же, политика не обошла и нас. В начале 30-х годов началось возрождение Германии и я, как

немец, не мог остаться в стороне от этих событий, хотя относился к ним больше с исторически-философских позиций, чем текущей политики, экономики, социального устройства и других атрибутов государственности. В Баварии возрождение немецкой государственности и немецкого духа имели большее влияние на молодежь, чем в остальной Германии, и приезжая на каникулы к себе домой, я мог наблюдать энтузиазм немцев, стремящихся опять занять достойное место в Европе. К этому времени профессор Шрайдер предложил мне вместе с ним исследовать истоки германской культуры и религии, а также, на основании исторических документов-первоисточников, попытаться объяснить некоторые факты в истории человечества, которые никак не могли быть осмыслены с позиций теории эволюции. Мы были материалистами в том смысле, что отдавали предпочтение пространственно-временному фактору в истолковании тех или иных явлений, и не пытались использовать метафизические, оккультные или парапсихологические механизмы интерпретации этих необъяснимых до сих пор явлений материальной природы. Короче говоря, свое знание языков, истории и культуры разных народов мы использовали для натурфилософских исследований прошлого и их влияния на современную историю.

Как раз в это время - шла весна 1931 года, - я

попал под сильный дождь с грозой, возвращаясь с прогулки по горам к себе домой. Обычно, мы ходили компанией из 4-5 человек на эти мероприятия, а тут стояла замечательная весенняя погода, светило солнце и ничего не предвещало появления стихии. Дождь застал меня уже на подходе к дому - мне оставалось спуститься метров 500 по склону горы и выйти на дорогу, ведущую в наш город. Внезапно появился яркий свет, раздался сильный треск и сразу за ним раскат грома. Молния ударила по макушке высокого бука, раздался треск и я увидел, как верхняя часть дерева, как будто срезанная ножом, перегнулась и полетела вниз, застряв в густых и прочных ветвях рядом стоящих деревьев. На месте разлома дерева вверху горел ствол, и синий дым окутал макушки деревьев. Дождь не прекращался, и потоки воды не дали огню разгореться и перекинуться на другие деревья. В этот момент меня ослепила яркая вспышка, мне показалось, что огненный шар сплюснулся, как лепешка, в глазах засверкали тысячи искр, и я потерял сознание. Когда я очнулся, дождь уже прекратился, светило солнце и лишь мокрая земля да отсеченная обуглившаяся макушка большого дерева напоминали о прошедшей стихии.

Я не мог оценить, сколько прошло времени с момента потери сознания до моего пробуждения - когда стихия началась, я не посмотрел на свои часы, которые я носил на правой руке, а сейчас они

почему-то стояли и стрелки показывали 3 часа 44 минуты по полудни. Все части тела были целы и невредимы, я без труда поднялся с земли, и уже собрался продолжать спуск с холма, как необычное зрелище заставило меня замереть от страха: ладонь моей правой руки и часть запястья не были видны, хотя я шевелил пальцами, держался за ветку дерева. И в то же время мои часы как бы висели в воздухе, хотя они были на моей правой руке и ремешок, промокший от дождя, плотно обтягивал мое запястье. Машинально спускаясь с горы, и направляясь к дороге, я вдруг отчетливо представил себе реакцию моих близких и знакомых, и мне стало муторно.

К этому времени я уже был если не сторонник, то, по крайней мере, сочувствующий идеям национал социализма, и каждое выступление их партийного лидера слушал с интересом.

В стране шла борьба за избирателей, и главным оппонентом Адольфа Гитлера был, пожалуй, Тельман - лидер немецких коммунистов. Число сторонников Гитлера и Тельмана было примерно равным, лозунги и символика похожи своим красным цветом и разница была лишь в том, что национал-социалисты предлагали немцам самим поднять свою страну из руин. А коммунисты призывали объединиться с другими коммунистическими партиями, и, прежде всего, с советскими коммунистами, для достижения социального

равенства не только в Германии, но и во всей Европе, а потом и во всем мире. Видимо, глобализм немецких коммунистов пугал обывателя и ему ближе был порядок, работа и обеспеченная жизнь - то есть, те лозунги, которые взял на вооружение Адольф Гитлер. Если добавить к этому и чисто буржуазные ценности, которые он обещал сохранить, сделав капиталистов социальными партнерами немецкой нации, то становилось ясно неизбежная победа национал-социалистов.

В этих условиях любое мое обращение к медицинским работникам или ученым непременно вызвало бы заинтересованность официальных представителей власти, и моя жизнь была бы полностью подчинена чужой воле. Мысль о том, что я могу потерять свою свободу - я имею в виду свободу заниматься своим любимым делом, - была ужасной. И теперь моя голова была занята лишь одним - как скрыть от людей состояние моей правой руки.

Я возвратился домой, прошел в свою комнату, нашел плотный пакет с медицинским бинтом и перебинтовал правую руку, придумав историю для родителей, что получил небольшую травму во время грозы. К моему ужасу, по мере того, как я забинтовывал руку, бинт становился невидимым, и кисть моей правой руки осталось невидимой, вместе с намотанным на нее бинтом. Отчаяние и любопытство заставили лихорадочно искать какой

то выход, и я стал исследовать мою кисть, пытаюсь найти хоть какое-нибудь логическое объяснение этому феномену. Я снова разбинтовал ладонь и обратил внимание, что действие невидимости заканчивается на расстоянии примерно 3-4 сантиметра от поверхности кожи - остаток бинта телепался в воздухе, как будто парил. Я достал из стола швейную иглу, опустил ее конец во флакон с одеколоном для дезинфекции и сделал прокол на подушечке указательного пальца - ее я не видел, но совершенно определенно и точно находил левой рукой. Сделав прокол, я стал сжимать палец, и на пол капнуло несколько капель крови, причем эти капли я видел, как и бинт, только через 3-4 сантиметра от поверхности руки. Они возникали как бы из пустоты, и зрелище это вызывало у меня полную растерянность. Попытки объяснить это явление ничего, кроме паники, не вызывали. Не зная, что предпринять - а меня уже звали к столу, - я стал лихорадочно шарить в рюкзаке, сам не знаю, почему-то вдруг вываливая его содержимое на пол.

И тут я увидел один предмет, которого раньше у меня не было. Это была перчатка серебристого цвета, и когда я ее поднял, она оказалась очень легкой, вернее, невесомой, а материя, из которой она была сделана, на ощупь была абсолютно гладкой и эластичной. Бессознательно я натянул ее на мою злополучную, невидимую правую руку и - о, чудо! - увидел свою кисть в полной сохранности,

а на указательном пальце застыла капля крови. Перчатка как бы растворилась, и я ее совсем не ощущал. Я стал ощущивать ладонь, щипать за кожу и сжимать пальцы, ничего необычного не замечая - ладонь снова была моей ладонью. И только у запястья, когда я проводил пальцами левой руки от локтя, сразу за часами я почувствовал какую-то неравномерность, как бы неровность.

Первым моим осмысленным желанием было попытаться снять эту перчатку с руки, но я не знал, как это сделать. Машинально я пальцами левой руки обхватил правую ладонь и стал делать движение, как бы имитируя снятие перчатки с руки. К моему удивлению, невидимая перчатка легко поддалась моему усилию и легко стала скользить по ладони, причем она делалась видимой, а оставшаяся часть ладони снова становилась прозрачной.

Эта находка в моем походном рюкзаке спасла меня от помешательства, и я, не задумываясь о ближайшем будущем, которое ограничивалось рамками семейного обеда, спустился вниз к столу. Семья была в сборе, мои сестры были еще незамужние, хотя старшей уже пошел 28 год. За столом, как всегда, говорили о семейных делах и, конечно же, о Гитлере. Он был самой популярной личностью среди немцев, и особенно среди тех, кто осилил его книгу "Моя борьба". Отец был его сторонником и юридически обосновывал все действия, которые

проводила его партия. Поверженная в первую мировую войну Германия, унижительные условия Версальского договора - все это как нельзя лучше отражало стремление немцев пойти за лидером, который снял с нации этот комплекс неполноценности.

Отец поинтересовался моими успехами в учебе, рассказал о беседе со своим старым другом в Берлине, который работал в крупной адвокатской конторе и обещал ему взять меня на работу, если мои успехи будут внушительными. Я ему рассказал, что пока я на хорошем счету и дополнительно сделал определенные успехи в изучении иностранных языков (отцу я не говорил о своем истинном увлечении и о моем учителе профессоре Шрайдере). Он был обрадован этим сообщением и попросил меня продемонстрировать успехи в лингвистике и сказать на нескольких языках “приятного аппетита”, “спасибо за угощение” и “добрый день”. Когда я ему все это выпалил на трех десятках языков, включая тибетский и чеченский, отец потерял дар речи. Он встал из-за стола, подошел ко мне, обнял за плечи и сказал:

- Я горжусь тобой, Иоахим. Ты должен служить Германии, и я уверен, принесешь ей пользу.

В последнем, я усомнился, так как сейчас требовалось участие в политической жизни, а меня больше привлекала перспектива исследовательской работы. Но я промолчал и только сказал отцу, что

постараюсь выполнить его советы.

Мои успехи в учебе высоко оценило руководство университета, и за год до официального завершения учебы мне предложили, по просьбе профессора Шрайдера, защитить экстерном диплом. Я должен был взять за основу мою научную работу, которую проводил под руководством профессора. Суть ее, заключалась в исследовании историко-религиозных корней немецкой нации, и ее связи с поздними евроазиатскими цивилизациями.

Хотя работа была не завершена полностью, и находилась в стадии системного обобщения данных, ее признали отличной, и летом я получил дипломы бакалавра сразу по двум специальностям. Стараниями Шрайдера мне было предложено место работы в самом университете в качестве его ассистента. За несколько месяцев, прошедших с того памятного грозового дождя я, сам того не замечая, совсем забыл о своей руке, ибо она ничем не отличалась от левой, и не создавала никакого дискомфорта. Возможно, я даже мог забыть все произошедшее со мной, - за это время я не разу не вспомнил об этом случае, а моя память странным образом как бы заблокировала любые воспоминания, эмоции и подсознательные сигналы о наличии в моем физическом теле некоего феномена. Наверно, так оно все и было бы, если не одно событие, результатом которого явилось немислимое изменения образа моей жизни.

* * *

В начале августа 1931 года я, как обычно, направлялся к себе на работу. Жил я в небольшой, но уютной квартирке на Даймлерштрассе, минутах в 15 ходьбы от университета. На перекрестке с Дитершлиц впереди меня остановилась легковая машина, из нее вышел невысокий человек плотного телосложения в кожаной куртке.

- Господин Штальбергер? - спросил он, и, получив утвердительный ответ, продолжил.

- Иоахим - назвал он меня по имени, - я понимаю твое изумление и растерянность столь бесцеремонным обращением, однако прошу мне поверить и серьезно отнестись к тому, что я тебе скажу, мой мальчик.

Обращение постороннего лица ко мне в такой форме меня смутило и если бы не доброе выражение глаз этого человека и искренность, которая присутствовала в его обращении ко мне, я, наверно, сказал бы что-нибудь грубое и постарался избавиться от назойливого господина.

- Чем я обязан такому вниманию к моей персоне уважаемого господина, который даже не представился? Я польщен столь теплым и фамильярным обращением ко мне и думаю, что Вы знакомы с нашей семьей, или имеете к ней какое-то отношение, так как обратились ко мне по имени и в форме, которая предполагает, по крайней мере,

знакомство с моей семьей - ответил я.

- Так оно и есть, Иоахим. Зови меня престо Мартин. Если ты не против, садись в машину, и мы поедем ко мне в лабораторию, с профессором Шрайдером я договорился, что до обеда ты будешь работать у нас.

У меня не было причины отказаться от предложения Мартина, я не почувствовал какого то подвоха, и, согнувшись, я расположился на заднем сиденье. Рядом со мной с правой стороны сел Мартин захлопнул дверцу, и мы двинулись по направлению к университету.

Я не разбирался в марках автомобилей, и не мог определить, что это за машина, хотя мне и приходилось пользоваться такси и ездить на машине профессора Шрайдера. Здесь был просторный салон, на заднем мягком кожаном сиденье могло уместиться, как минимум, три человека, салон от водителя отделяла перегородка, верхняя часть которой была прозрачной.

Машина двигалась бесшумно, не было слышно работы двигателя, а слегка затемненная поверхность стекол делала их прозрачными только с внутренней стороны. Это я бессознательно отметил про себя, когда машина остановилась у перекрестка - стекла показались темными.

- Я прочитал внимательно твою дипломную работу, Иоахим, и был поражен глубиной исторического анализа, что редко встречается в

исследованиях такого уровня. Эта работа достойна большей оценки.

- Извините, Мартин, но Вы переоцениваете мои заслуги, без помощи профессора Шрайдера я бы не смог так системно изложить свое видение этой проблемы.

- Нет, Иоахим, я настаиваю на своем утверждении. Интерпретация древних рукописей и манускриптов на языке оригинала - это нечто большее, чем подстрочный перевод с логической увязкой материальных закономерностей. Интуитивная, я бы даже сказал, подсознательная составляющая, просматривается в твоей работе очень ясно не в ущерб чистоте логического анализа в пространственно-временном континууме.

Мартин высказал как раз то, что я никогда не говорил вслух, но всегда чувствовал в процессе работы над первоисточниками и многие выводы, действительно, были сделаны на основании каких-то необъяснимых механизмов работы моей головы. Я уже освоился, а суждения Мартина были не только интересны, но и свидетельствовали об отличной эрудиции моего собеседника.

Дальше мы перешли к обсуждению деталей моей работы и проблем дальнейших исследований. Незаметно пролетело время, и машина замедлила ход. Я посмотрел в стекло и увидел вокруг высокие деревья, дорога была ровная, а через переднее окошко в водительской перегородке я заметил

высокий забор, массивные ворота с караульной пристройкой и за воротами, вдалеке, старинный особняк. Массивные металлические ворота бесшумно раздвинулись, пропуская машину, и тут же закрылись. Мы подъезжали к большому двухэтажному дому с широкими окнами и высокой черепичной крышей, над которой возвышались несколько дымоходов.

Машина сделала разворот, Мартин отворил дверцу, мы вышли из машины и направились к высоким дубовым двухстворчатым дверям. Мартин пропустил меня вперед и, как только я приблизился, они отворились вовнутрь, пропуская меня и Мартина, в большую светлую гостиную. Как только мы вошли, двери также бесшумно затворились.

- Вот мы и приехали, Иоахим, располагайся, как у себя дома.

Я осмотрелся. Комната была огромной по моим представлениям и имела форму квадрата со стороной не менее 20 метров. Большие окна - по два с левой и правой сторон, если стоять спиной к входу, и по одному сзади, слева и справа от входной двери. С противоположной стороны окон не было, а в центре была большая дверь, над которой, в полуметре от потолка, висела большая картина, изображающая сцены из жизни нибелунгов. Потолки были высокие, не меньше 5 метров, на потолке в центре зала находилась большая люстра, а по четырем углам - маленькие люстры. На трех

стенах, в которых были окна, также помещались картины - как между окнами, так и наверху, сюжеты которых были посвящены историческим событиям и персонажам, связанные, по замыслу художника рисовавшего их, с историей немецкой нации. В левом углу комнаты располагался большой камин. У камина располагались три огромных кресла вокруг небольшого низкого столика, на котором стояла большая ваза с грушами и яблоками.

С правой стороны, почти на всю стену, стоял большой стол из красного дерева и десятка два стульев с высокими спинками и резными ножками. В центре стола стояла ваза из прозрачного стекла, в которой находились не меньше дюжины белых роз на высоких ножках, обрамленных папоротниковыми листьями.

Я присел на кресло у камина, оно было удобным, и казавшийся издали низкий столик приходился как раз по локоть, так что бы за ним можно работать с бумагами.

Кресла были выполнены так, что при перемещении туловища вперед, к столику, спинки занимали почти вертикальное положение, так, чтобы можно было легко и удобно, например, кушать за ним. Если упереться в спинку, а ноги поставить на подножку, то спинка кресла отклонялась назад, и можно было, полулежа, отдыхать, наблюдая за живым пламенем камина.

Короче, все, что я увидел, укрепило меня в

мысли, что нахожусь я в очень богатом доме, где каждая мелочь и деталь сделаны так, что бы обитавшему здесь человеку и его гостям доставить максимум комфорта и удовольствия.

Мартин усмехался от моего восхищенного обозрения комнаты и когда он почувствовал, что я задам вопрос о лаборатории, которая и являлась целью нашего, по его словам, визита в этот райский уголок, он предложил мне отведать свежих яблок и груш и спросил, не голоден ли я и не желаю ли чего-нибудь перекусить? Я вежливо поблагодарил, потому что, на самом деле, плотный завтрак с куском холодной говядины, овощами, горчицей, копченым сыром и крепким чаем заряжали меня калориями часов до пяти вечера, и я на самом деле не был голоден. Груши были великолепны, а сорт яблок мне был незнаком - по крайней мере, до сих пор у себя в Баварии я ничего подобного не пробовал. Скорее всего, это были привозные яблоки с южных стран - подумал я.

Удобно расположившись в кресле, я грыз яблоко и пытался перебрать в памяти всех наших знакомых и гостей, но так и не нашел никого, отдаленно напоминавшего мне Мартина. Между тем, пока я блаженствовал в кресле, Мартин направился к двери, ведущей, вероятно, в следующие апартаменты, расположенные в глубине строения, оставив меня одного. Спокойная обстановка, вкусная груша, красивый интерьер расслабили

внимание и волю, в голове было пусто от удовольствия, и на мгновение мне показалось, что я задремал.

Когда я открыл глаза, напротив меня в кресле восседал Адольф Гитлер, а справа от него развалился Мартин, с усмешкой наблюдая за моей реакцией. Я несколько раз открыл и закрыл глаза, что бы убедиться, что это не сон. Когда уже почувствовал, что я не сплю, и что увиденное мною не галлюцинация, - а живой вождь немецкого народа, - я как-то неловко попытался вскочить с кресла. Так как я полулежал на нем, то нога моя нажала на подножку и вместо того, что бы подняться, я завалился спиной на опустившуюся спинку кресла, неестественно задрывав ногами.

Видимо, моя поза была такой нелепой, что фюрер не удержался и громко засмеялся, а Мартин еле сдерживал приступ животного смеха. Страх, уважение, почтение были настолько сильны перед этим человеком, что я, нелепо перевалившись на бок, свалился на пол, быстро вскочил и встал возле кресла, как солдат на карауле, не в состоянии что-нибудь сказать. Гитлер поднялся, подошел с улыбкой ко мне и ласково сказал:

- Спасибо, Иоахим, мой мальчик, за искренность. Успокойся и не волнуйся, я рад с тобой познакомиться.

Я, наконец, стал обретать дар речи, посмотрел на хитрую физиономию Мартина и, сбиваясь, как

ученик перед учителем, произнес:

- Мой фюрер, я не достоин такого счастья, что бы находиться рядом с Вами и если это не сон, я готов служить Вам и сочту за высшую честь быть чем-то Вам полезным.

- Дорогой Иоахим, служить надо Великой Германии - и я, и Мартин, и миллионы немцев служат нашей Родине, и если ты искренне все это сказал, - а я в этом не сомневаюсь, - значит, ты и есть тот человек, который нам нужен. Но, прежде всего, ты сам должен все осмыслить и принять решение, потому что такая встреча не может быть праздным случаем, и никто еще не был здесь, кроме нас с Борманом. Ведь ты далек от политики, тебя больше интересует наука, причем та ее часть, которая имеет большее значение для философского осмысления мира, чем конкретные исследования в области математических, физических и химических наук, результатом которых является создание новых орудий труда, технологий, вооружений. Готов ли ты посвятить жизнь борьбе за возрождение немецкой нации, за ее великое будущее? Готов ли ты посвятить свою жизнь тайне и сохранить эту тайну до конца? Готов, Иоахим?

Он пристально посмотрел мне в глаза, и я вдруг увидел в их глубине яркий свет и горящую, обрубленную ударом молнии, вершину дерева. "Теперь я знаю, кому я должен открыть свою тайну" - подумал я, и стоя перед ним, поведал ему

загадочную историю, приключившуюся со мной в баварском лесу. Он внимательно меня выслушал и, обращаясь к Мартину, сказал:

- Ты был прав, Мартин, все так и есть.

Он обнял меня за плечи, и мы пошли в глубь комнаты, - туда, где находилась приоткрытая дверь, над которой красовалась грива льва и картина из эпоса нибелунгов. Мартин продолжал нежиться на кресле, уплетая яблоки, и я понял, что мое дальнейшее времяпровождение будет связано только с присутствием фюрера.

Как только мы зашли в комнату, - а это уже была именно комната, метров семь в длину и пять в ширину, уставленная различными предметами, назначение которых я не мог определить, - Фюрер закрыл дверь и жестом предложил мне расположиться на деревянном стуле. Сидалище было отполировано до матового блеска, а края плоских дощечек, составляющих конструкцию этого стула - сиденье, спинка, подлокотники, ножки - имели закругленную форму, как будто кто-то миллионы раз садился на него и вставал, полируя и округляя поверхность и края древесины, в результате чего они приобрели именно ту форму, которую имели. Адольф Гитлер сел напротив и пристально посмотрел на меня.

- Иоахим, волею высших сил, ты оказался участником глобального процесса, которым управляют могущественные силы. Я не буду

излагать тебе основы моей теории возрождения немецкой нации. Так, как процесс общественного осознания той или иной политической идеи - дело земное, хотя и определяется не в последнюю очередь харизмой лидера, человека, вождя, который эти ожидания и надежды облекает в форму, доступную для понимания массой, народом, конгломератом живых существ, которым ученые придумали не совсем удачное название – homo sapiens. В мире на пороге наступающего третьего тысячелетия, скапливается много моральных и физиологических отходов, которые, будучи отданными Господу нашему, к сожалению, не дают оснований для надежд на счастливое будущее. Моления в храмах, религии, вера в Бога, Мухаммеда, Будду не привело человечество к благополучию, а людей к благочестию. Мораль человека постоянно подвергается жестоким испытаниям, и если бы всевышний благословил человечество на примирение и вечный мир, мы должны были получить от этих сынов божьих какой-то знак, сигнал, предупреждение. Увы, люди продолжают истреблять друг друга, эгоизм самовывживания сменился эгоизмом апокалипсического противостояния национальному врагу, и крупные нации начинают процесс искусственного устранения человека от главного, в чем состоит его божье назначение - рождение, работа, жизнь и смерть.

В СССР с ее 210-ти миллионным населением, говорящем на 130 языках, ближе всего подошли к решению сверхзадачи социального равенства. Америка погрузилась в материалистическую революцию, и лучшие умы Европы открывают Демону технического прогресса души своих сограждан. В Китае происходит демографический бумю К нему скоро присоединится Индия. Юго-Восточная Азия и Индонезия находятся на пороге такого же взрыва. Господь наш Бог сильно прогневался на людей, хотя и сам дал нам в поводыри Иисуса Христа. Он не может нас надоумить, как устроить мир, что бы люди были достойны своего создания, а не уподобились четвероногим тварям, которых Дарвин нарек нашими прародителями. Иоахим, ты знаешь много языков, ты прочитал много древних манускриптов, и попытался разобраться в их содержании. Скажи мне, нашел ли ты хоть один ответ на эти вопросы, которые поглотили мой разум, и опустошили мою душу.

Столь откровенные высказывания человека, который взял на себя возрождение Третьего Рейха, меня ошеломили.

- Мой фюрер, мое ничтожество, как человека, удостоившегося чести быть рядом с Вами и вникать в смысл сказанного Вами, не позволяет мне ничего сказать. Я никогда не задумывался над этими проблемами, и моя жизнь была подчинена лишь

исследованию некоторых исторических фактов, подтверждающих или отрицающих роль немецкой расы в становлении европейской цивилизации, почерпнутых из старинных рукописей и манускриптов. Я не в состоянии дать какую-нибудь оценку того, что я узнал, и тем более интерпретировать эти знания на общечеловеческую историю. Я добросовестный писарь и переводчик, и ничего более.

- Это так, это так - сказал он. - Но в твоей жизни случилось событие, которое, не по твоей воле, изменило твою судьбу, и теперь ты стал не только свидетелем, но и участником исторических событий, которые должны изменить мир. И я рад, что выбор провидения оказался правильным. Я рад, что Иоахим Штальбергер, немец в двадцатом колене, ариец, готов служить фюреру. Ты готов, Иоахим?

Охватившее меня внезапно чувство благодарности и благоговения перед этим человеком вылилось в совершенно нелепую форму - я бухнулся на колени, схватил его руку и прижал ее к своим губам.

То, что я увидел, лишило меня дара речи и реального восприятия места, времени и смысла моего присутствия в этом доме.

- Поднимись, Иоахим, поднимись. Я твой старший товарищ и друг. Сними перчатку.

Как во сне, я привычным движением стянул с

себя то, что фюрер назвал перчаткой, наши ладони вновь соединились в крепком рукопожатии, а когда я перевел свой взгляд на наши руки, то увидел картину, которая, не смотря на всю торжественность и эпохальность момента, вызвала у меня приступ смеха.

Гитлер, посмотрев на трясущиеся щеки и подбородок своего юного друга, также не смог сдержать смеха и мы вдвоем, глядя на культияпки правых рук, громко смеялись. Закончив рукопожатие, фюрер обнял меня за плечи и сказал:

- Иоахим, я с тобой расстанусь в надежде, что мое сердце не обмануло меня. Все дальнейшие действия ты обсудишь с Мартином - это единственный человек, которому я доверяю и который предан мне до гробовой доски.

Он крепко меня обнял, жесткие усики защекотали мою щеку, и быстро повернувшись, он исчез в глубине комнаты. Пока я приходил в себя от столь фантастической встречи и пытался осмыслить, почему у фюрера такая же прозрачная ладонь, как и у меня, и откуда у него такая же перчатка, Мартин бесшумно подошел ко мне и сказал, приблизив губы к моему уху:

- Иоахим, тебе надо отдохнуть и снять эмоциональное напряжение. Я тебя проведу в твои апартаменты, а завтра мы продолжим нашу дискуссию о проблемах возрождения арийской нации на просторах древней Европы. С этого

момента ты принадлежишь третьему рейху и дай бог тебе здоровья и спокойствия. Все вопросы, связанные с твоим отсутствием в университете, в лаборатории профессора Шрайдера, а также домашние хлопоты будут улажены таким образом, что бы никто ни волновался, и все были спокойны за твою дальнейшую судьбу.

Я уже понял, что моя прежняя жизнь закончилась и началась новая - таинственная, неизвестная, манящая, а главное - интересная и необыкновенная. Потому что встреча с Адольфом Гитлером, человеком, который имел такую же прозрачную правую руку, перчатку и глаза, проникающие в самые дальние уголки подсознания, изменили не только мое мировоззренческое состояние, но и физическое самоощущение.

И хотя я был молод и полон сил, события прошедших полутора часов отняли столько энергии, что как только Мартин провел меня в спальню, я свалился на кровать и заснул мертвецким сном.

* * *

Мне шел 22 год, я был знаком с Кюльхен - прекрасным созданием, которая работала лаборанткой у профессора Шрайдера. Она мне нравилась, но строгие обычаи моей семьи не позволяли мне представить ее дому, а тем более сообщить, что мне нравится такая девушка. Мать давно мечтала, что бы я женился на дочке

Гейдрихов. Родители были давно знакомы, - наверно и брак по взаимной договоренности родителей будущих жениха и невесты, был в обычаях немецких семей. Гретхен - так звали мою нареченную, - была симпатичной девочкой, лет на пять младше меня. Мы несколько раз встречались на домашних праздниках и вечеринках, она была смешливой и веселой, рыжие волосы и веснушки на ее курносом носу делали ее похожей на звезду немецкого кино Дину Дурбин. Пухленькая попочка и ровные ножки завершали вполне симпатичное создание, обладать которой не согласился бы только круглый дурак, или импотент. Мы с ней даже несколько раз целовались, но это, скорее, была юношеская шалость, так как никакого взаимного желания продолжить это интимное занятие ни у меня, ни у нее не вызывало.

С Кюльхен мы познакомились два года назад и сразу прониклись взаимной симпатией друг к другу. Она специализировалась на методах радиационно-химического анализа древних рукописей с целью определения их возраста и истинности, и помогала мне сортировать многочисленные материалы, поступающие в лабораторию профессора Шрайдера. Мы испытывали взаимное влечение друг к другу, и в редкие мгновенья, когда мы были наедине, прикосновение к ней вызывало во мне бурю эмоций и страстей, она это понимала и отвечала взаимностью, но все это дальше плато-

нических контактов не заходило. Я знал, что ее отец служил в канцелярии Гесса, а мать была учительницей, у нее был брат и младшая сестра, и что жили они в собственном доме под Берлином в районе Ваффенкафен. Она мне снилась иногда по ночам, сны бывали настолько натуралистическими, что утром я обнаруживал в своей пижаме следы непроизвольной эрекции. Я даже обращался к доктору с просьбой дать мне какие-нибудь таблетки, на что он, услышав мою историю “болезни” со смехом отвечал, что лучше мне вступить с ней в половую связь, если это желание взаимно, и тем самым решить свою сексуальную проблему, а заодно помочь Третьему Рейху в репродукции немецкой нации.

Так вот, мое пробуждение оказалось райским подарком, которого я при всем желании не смог предвосхитить сладким ожиданием сновидений на тему любви.

Теплое тело женщины не только соприкасалось со мной, но и проникло во все клетки моего существа. Некое создание ласкало меня, мой фаллос погружался в нежное влагалище, а чувственные губы источали аромат любви. Я не хотел лишать себя этого удовольствия, и не открывал глаза, хотя по запаху чувствовал, что рядом со мной находится кто-то близкий и родной. В экстазе я выпускал потоки спермы, снова и снова возбуждался, и когда, обессиливши, рухнул на кровать, мою спину

защекотали шелковые волосы, и до боли знакомый голос прошептал:

- Как хорошо, что мы с тобой, мой любимый Иоахим!

Это была Кюльхен, моя возлюбленная.

- Как ты здесь оказалась? - спросил я.

В моей голове часть мозга, отвечающая перед телом за сознание, давно была блокирована тайной, и мысль о том, что это состояние могло быть нарушено появлением в моей постели любимой девушки, вызвало у меня состояние тревоги.

- Не волнуйся, Иоахим. Ты у меня единственный и самый любимый человек на свете, я хочу иметь от тебя ребенка, и если Бог будет благосклонен к нам, я рожу маленького Иоахима, твою копию, и в этом состоит смысл моей жизни. А теперь прощай, мой любимый. Я буду молиться за тебя и фюрера. Я хочу перед нашим прощанием навсегда насладиться твоим прекрасным телом, твоими губами, сосками твоей груди, твоим фаллосом, ягодицами.

И Кюльхен страстно стала меня ласкать, и вся моя плоть снова и снова возбуждалась, ее горячие губы обжигали мое тело, а я впился в ее влагалище и язык мой слился в поцелуе с тем, что должно в скором времени послужить колыбелью нового существа, зачатого двумя безумно любящими друг друга людьми. Страсть, в конце концов, отняла все мои силы, и я опять заснул безмятежным сном.

Когда я проснулся, на столике у изголовья лежало чистое белье, а на металлической вешалке висели мои брюки, пиджак, галстук, белая рубаша, трусы и майка, а внизу стояли начищенные туфли, на которых лежали чистые коричневые носки с подтяжками. Теплое пуховое одеяло все еще согревало меня и пахло Кюльхен, хотя этот запах был скорее воспоминанием бурно проведенной ночи. Я все еще находился в состоянии ангельского блаженства, и только истома всех членов моего тела напоминала о бурно проведенной ночи. Я был обнажен, и, осмотревшись, стремительно спрыгнул с широкой кровати, быстро натянул трусы и майку и направился в туалетную комнату. Закончив мытье и бритье, я вернулся в спальню, оделся, и направился к двери, которая, как мне казалось, должна была привести меня в каминный зал.

К моему удивлению, открыв дверь, я попал в некое помещение, напоминавшее по фотографиям и рисункам производственный цех, в котором находились различные механизмы, стеллажи, платформы и весь этот мини-завод занимал площадь, как мне показалось, не менее 5000 квадратных метров.

Кроме механизмов, в зале никого не было, и только какое-то жужжание придавало всему этому набору механизмов рабочий вид. Мне ничего не оставалось, как пройти по этому цеху и попытаться выяснить назначение его агрегатов и узлов, коль

скоро мне была предоставлена свобода перемещения в этой прекрасной тюрьме. О Кюльхен я уже не вспоминал, так как по мере ознакомления с содержимым этого заведения, мои мысли были уже поглощены тем, что находилось впереди меня, в самом центре необычного зала.

А там, на пьедестале, окруженном лестницами, красовалось некое сооружение, напоминавшее увеличенную в сотни раз чечевицу, поверхность которого была серебристо-белого цвета, а ее размер не превышал в поперечнике 5 метров. Когда я приблизился к этой машине, сзади кто-то прикоснулся к моему плечу и голосом Мартина сказал:

- Это то, что сделало твою ладонь невидимой.

Я обернулся и увидел Мартина, который держал в руках какие-то бумаги. Сначала я не обратил внимания на его слова, но потом вдруг четко и во всех деталях представил картину того полудня, дождь, грозу, вспышку молнии.

Мартин знал до мелочей все подробности того события, и я воспринимал его слова скорее как шутку, чем обоснованное утверждение. Мартин догадался, о чем я подумал, и снова повторил:

- Да, Иоахим, это так на самом деле. Возьми эти документы и внимательно их изучи. Я думаю, многое из того, что ты прочтешь, покажется тебе невероятным и фантастическим, однако каждый описанный случай подтвержден письменно людьми, не доверять которым у нас нет основания.

И еще. Над этим проектом работают лучшие умы Третьего Рейха, но после того, как ты волею фюрера стал участником исторической миссии и в силу твоего необыкновенного космического дара, только три человека - фюрер, я и ты будем знать все детали этой работы. И больше никто. Никогда и ни при каких обстоятельствах. Впрочем, это тебе не грозит, так как ты еще не знаешь того, на что ты способен.

С этими словами он удалился, оставив меня одного. Я сел за большой стол, заваленный бумагами, чертежами, какими-то железками и углубился в чтение.

Я не буду пересказывать содержание этих бумаг, хотя каждый лист я помню и могу во всех деталях воспроизвести его содержание. Главное, что почти все, что там было написано, касалось технических вопросов, в чем я был некомпетентен, а такие слова, как электромагнитный потенциал гравитационного скаляра перемещений или органолептическое восприятие момента пересечения линий гравитационного и лептонного полей, были для меня полной абракадаброй. Все эти научные исследования, с формулами и рисунками, как я понимал, сводились к одному - объяснению принципа действия конструкции, расположенной в лаборатории, и названной ротационный волчок чечевицеобразной формы. Понял я еще и то, что прототип, или оригинал этой конструкции - неземного происхождения. Много веков назад, на

Земле потерпел аварию летательный аппарат с другой цивилизации, похожей на нашу по основным элементам. Этот аппарат прилетел с планеты, подобной Земле, только больших размеров. Там есть такое же Солнце, планеты и луны. Поверхность планеты, с которой прилетели к нам пришельцы, покрыта растительностью, морями и океанами, а уровень знаний об окружающем их мире настолько велик, что уже много веков они перемещаются в космическом пространстве и имеют контакты с цивилизациями, общим для которых является разум.

Еще я понял, что небо и звезды, которые мы наблюдаем ночью, являются ничтожной частью мироздания. Весь этот бесконечный мир населен разумными существами, которые создали свои цивилизации. Многие добились такого совершенства, что смогли найти и установить контакты с другими цивилизациями, но границы этих цивилизаций так же ничтожны, как ничтожен бесконечный мир неживой и живой материи. Космос же, настолько велик и бесконечен, что его познание невозможно мыслящими существами. Те цивилизации, которые установили между собой контакты, выработали несколько основных правил, которые должны, безусловно, выполняться всеми членами космического сообщества. Это невмешательство в эволюционный процесс развития жизни на планетарных образованиях, передача

информации на планетарные системы, на которых существует разумная жизнь, о надвигающихся космических катаклизмах в локальных областях вселенной и, по возможности, оказание помощи в уменьшении влияния последствий таких катастроф, а также пополнения хранилища генов мыслящих существ.

В случае непредвиденных обстоятельств, или катастроф, в зоне нахождения планеты с похожими неорганическим, энергетическим и органическим составом, надлежит провести изучение эволюционного процесса развития этой планеты. Если на планете обнаружены зачатки цивилизации, проводится изучение эволюционной картины по установленной методике:

1. Оставить в труднодоступных местах основную информацию о способах достижения технического и социального прогресса;

2. Пришельцам произвести трансформацию в образ населяющих эту планету живых существ, и следить за развитием данной цивилизации. Если возникает необходимость, и только в экстремальных условиях, вмешиваться в ее ход.

Космический закон не мог быть нарушен, потому что катастрофические последствия, следовавшие в случае его нарушения, приводили к гибели многих цивилизаций. Свидетельства этой гибели были настолько ужасны, что все планетарные системы, входящие в пространство разумной жизни, нашли

способы безусловного выполнения этих законов - от простейших, командно-волевых с независимым дублированием и системой самоуничтожения, которая не могла быть заблокирована космонавтом, - до биологических, когда соблюдение закона было задано на генном уровне.

В начале XX века по данным, которые передавались в космос пришельцами - каким образом, об этом ничего не было сказано, - был получен прогноз о том, что в Европе и на территории Российской Империи в течение ближайших десятилетий могут возникнуть явления, нарушающие эволюционный процесс общественного развития. Одно из них, связанное с естественным развитием коммуникаций и стремлением к социальному совершенству, было естественным и вписывалось в рамки земной эволюции. Длительность этого процесса определялась в 100-200 лет, учитывая, что за это время человечество овладеет техническими достижениями, позволившие ему решить социальные и демографические проблемы, освоит близлежащий космос и получит первые сигналы о существовании во вселенной разумных существ. В этот же период родятся люди, чьи умственные и физические способности позволят сделать ряд открытий, инициирующих технический прогресс.

Другое явление было обусловлено ничтожной, но все же существующей вероятностью того, что

появятся люди, в генной структуре которых могут произойти мутации, связанные с утечкой генного материала при космической катастрофе. Информация, которой располагали в центре космического разума, свидетельствовала об исчезновении индикаторного поля трех ноогенов, находящихся в хранилище космического корабля НЕЕРБАТ, когда поступил сигнал о десантировании экипажа на Землю и самоуничтожения космического аппарата. Эта катастрофа не была чем-то экстраординарным в рамках анализа вероятности таких катастроф. Называлась цифра один к ста триллионам для случая, когда космический корабль после всеобъемлющего мониторинга и оценки цивилизационного состояния займет позицию на орбите обнаруженной планеты и станет ее искусственным спутником. Это может произойти лишь тогда, когда степень развития цивилизации этой планеты будет находиться не более чем на 3 уровне по классификации ЦКР (центра космического разума).

Этому уровню как раз соответствовала планета Земля в системе небольшой и средней по возрасту звезды под кодовым номером GTD243756/Y78. В планетарной системе этой звезды находилось 12 планет, на двух из которых существовала разумная жизнь. Правда, на одной планете она выродилась, так и не приняла формы первичной цивилизации. Вторая динамично развивалась по всем прогно-

тическим критериям молодой цивилизации с белковой формой органической материи. Уровень внутренних энергетических и гравитационных процессов не мог повлиять на стойкую, к такого рода воздействиям, генную структуру органической жизни. Космические поля и потоки энергии не могли проникнуть на поверхность этой планеты, вследствие существования мощных магнитных и электрических экранов, а также стратосферного экрана.

Катастрофа с кораблем произошла из-за внутренних дефектов и никак не была связана с каким-то внешним воздействием. Экипаж таких звездолетов состоял из одного разумного существа и нескольких десятков ноороботов, приспособленных к функционированию в самых жестких условиях исследуемой среды. Как правило, такой планетный разведчик был полностью автономным звездным кораблем, снабженный системой гравитационных двигателей, которые перемещали его в космическом пространстве.

Все такие корабли использовали энергию гравитационного поля космического пространства. Их движение было строго определено линиями космической гравитации, так как бесконечность материальных объектов в космосе создавала невообразимую картину гравитационных дорог, отличающихся плотностью энергии гравитационного поля. Движение кораблей должно было

проходить только по этим дорогам, особенно в тех случаях, когда требовалось добраться к дальним галактикам, где скорость движения такого корабля определялась только маневренностью звездолета, так как любой выход за пределы этой гравитационной “дороги” приводил к чудовищному взрыву и гибели.

В пространстве курсировали миллионы таких или подобных кораблей, составляющих карты звездных дорог, но принцип их движения оставался одним - гравитационным. Гравитационные дороги были как бы и проводами, по которым, как по телефонным проводам на Земле, посылались различные сообщения, причем скорость передачи этих сообщений была бесконечно большой и ограничивалась лишь информационной мощностью промежуточных гравитационных станций, в качестве которых использовались так называемые “черные дыры”. Они выполняли функции уплотнителей гравитационных волн, ибо на расстояниях миллионов световых лет гравитационный луч постепенно рассеивался и черная дыра, как линза, собирала его в пучки, и они следовали дальше.

Дальше приводились формулы и расчеты, в которых я ничего не смыслил. Заключение этого научного трактата было простым и неожиданным: космический пришелец находится на Земле. С корабля успели спастись три аппарата, в одном из

которых находился командир звездного корабля, а в двух других - ноороботы, что на земле находятся несколько труднодоступных и малозаметных точек, где эти аппараты базируются, и одна из них - на Тибете. Сообщалось также, что второй корабль с ноороботом самоуничтожился в Баварии, первый законсервирован в Антарктиде, а командир корабля, лишенный связи с ЦКР, - во время катастрофы вышел из строя гравитационный передатчик, - предоставил свой корабль для исследований фюреру, так как он оказался носителем одного из трех утерянных ноогенов. Носителем первого ноогена, около двух тысяч лет назад, стал один самаритянин, а третий нооген пока не нашел своего владельца.

Все прочитанное мной перемешалось невысказанным образом в голове, я не мог сопоставить все эти факты.

Уровень моих знаний был явно недостаточным, и выстроить все это в какую-то логическую линию не представлялось возможным, а внезапное превращение моей правой руки в невидимое чудовище никак не объяснялось почерпнутыми из этих материалов знаниями.

В любом случае, все, что со мной происходило в течение этих двух дней, было каким-то сном, наваждением, и если бы не ощущения реальности всех этих событий, я бы остался с воспоминанием этого необыкновенного сна на всю жизнь, и был

бы благодарен судьбе за столь щедрый подарок. Потому что я, несмотря ни на что, не потерял способность реально оценивать обстановку и логически мыслить. Происходящее, постепенно наполняло мою душу непонятной тревогой перед неизвестным, так как простому смертному Иоахиму Штальбергеру никто не организовал бы встречу с Адольфом Гитлером, и не позволил присутствовать там, где хранилась - а в этом я уже был убежден на все сто процентов, - самые большие секреты Третьего Рейха.

Воздействие личности фюрера было настолько сильным и всеобъемлющим, что страх простого немца, научного сотрудника лаборатории лингвистики Берлинского университета, попавшего в такую ситуацию, был легко преодолен чувством ответственности и долга, и сам этот факт вызвал в душе прилив необычного пафоса и непреодолимого желания выполнить все, что будет мне приказано великим человеком.

С этого момента мои мысли занимало только одно - в чем конкретно будет заключаться моя работа, а я уж постараюсь ее выполнить так, как и подобает настоящему арийцу.

Высокие порывы моей души нарушил голос Мартина.

-Иоахим, пора и подкрепиться, а то физическое тело, не получившее необходимых калорий для выполнения своих физиологических функций,

затруднит работу твоего мозга, а это как раз сейчас самое главное, что нам надо с тобой попытаться сделать.

- Спасибо, Мартин, - я никак не могу привыкнуть называть Вас просто по имени.

- И зря, Иоахим. За короткое время нашего с тобой общения, ты становишься все больше симпатичен мне и я был бы рад, если ты ответишь мне искренней взаимностью.

Мне стало приятно, и его слова вызвали у меня чувство домашнего уюта, как будто я сижу с отцом у камина, и мы рассуждаем о проблемах юриспруденции в условиях формирования новой германской государственности.

- Хорошо, Мартин. Я благодарен за теплые слова и, вправду, чувствую себя у Вас, как дома.

Мы прошли в небольшую комнату, где был сервирован стол на две персоны. Сбоку, на небольшом столике, стояли бутылки с разнообразными алкогольными напитками, а возле буфета на высокой подставке несколько небольших, литров на 15, бочонков.

- Иоахим, я знаю, что ты баварец, и в бочонках находятся три сорта самого популярного пива. Но, может, ты желаешь выпить что-нибудь покрепче?

- Спасибо, Мартин за внимание, я действительно люблю светлое пиво в отличие от многих баварцев.

- Я рад, что наши вкусы почти совпали, только я предпочитаю темные сорта.

Пиво было великолепным, овощной салат, холодная буженина, маринованный перец, гороховый суп и дымящаяся рулька с чесночным соусом доставили истинное удовольствие желудку, и после трапезы Мартин сказал:

- Вот та дверь - и он указал рукой в правый угол комнаты, - ведет в твою спальню на втором этаже. Отдохни после обеда, там есть радио и проигрыватель, телефон - можешь позвонить домой, - вообще, веди себя абсолютно свободно. Ты находишься в лаборатории и изучаешь древние рукописи и карты Таньского периода Китая. Все это лежит у тебя на столе. А мне необходимо еще заниматься общественными делами, так как наша партия готовится к выборам и приходится отдавать все время организации этого малоприятного, но жизненно важного для фюрера и партии дела. Второй телефон, который стоит на секретере без номеронабирателя, связан напрямую со мной. Ты можешь в любое время дня и ночи со мной связаться, если возникнет такая необходимость. Приятного отдыха, Иоахим.

Я поднялся к себе в спальню и сел на край мягкой, широкой кровати. Одеяло и простыни сохраняли еще аромат тела Кюльхен, и мне снова захотелось ощутить ее рядом со мной. Но уже какая-то новая сила в моем сознании руководила мной и сортировала целесообразность моих поступков и желаний.

Я принялся изучать бумаги, о которых говорил Мартин. Язык хоть и напоминал древнекитайский, однако смысл многих символов мне был непонятен, а то, что, как мне казалось, я осмыслил, больше относилось к области оккультизма. Название Тибет встречалось часто, а причина, по которой он упоминался, так и не была мной разгадана - отрывки того, что я понял, говорили о некоем влиянии духа на физическое состояние человека, и упоминалось о неких небесных силах, иницилирующих это влияние.

Несколько разочарованный их содержимым, я немного расстроился, и появилась досада - ведь так просто Мартин не стал бы их оставлять у меня, что бы потом узнать, как я на них отреагирую.

Я вспомнил, что можно позвонить домой, чем и воспользовался. Ответила мама, она не удивилась моему звонку и была осведомлена о моей научной командировке, а профессор Шрайдер звонил к нам домой, разговаривал с отцом и даже извинялся, что я так внезапно исчез, не успев предупредить родителей. По голосу мамы я понял, что она довольна моей работой и пожелала мне плодотворно трудиться на ниве научных познаний.

Не забывай, мой мальчик, вечером обязательно пить кислое молоко перед сном, и не ешь острого.

Теперь оставалось позвонить только Мартину и сообщить о результатах моего знакомства с рукописью, и заодно попросить, если это, возможно,

привезти мне кое-какую литературу по тибетской письменности и несколько копий оригиналов документов, относящихся к Тайскому периоду китайской истории. Не успел я поднять трубку телефонного аппарата и поднести ее к уху, как услышал знакомый голос.

- Отдохнул, Иоахим?

Да, спасибо Мартин, рукопись очень интересна, но для полного перевода мне необходимы ряд материалов, в том числе и копий древних тайских документов, о которых я слышал. Я не имею представления, есть ли они в Германии или где они хранятся. Тексты рукописей, которые я внимательно изучил, очень древние и моих знаний недостаточно для их понимания.

Все будет сделано, Иоахим. Напиши, что тебе необходимо для работы, выдвини верхний ящик столика, на котором стоит телефон и достань оттуда пенал, помести туда свое письмо и опусти в отверстие в стене за телефоном. Я получу твое послание через двадцать минут, и сразу займусь поисками материалов. А сейчас достань из нижнего ящика мое послание - и Мартин повесил трубку.

В письме Мартин извинялся, что не сможет меня посетить сегодня вечером, весь дом в моем распоряжении, я могу его осмотреть, а если надоест, съездить домой. Кнопка вызова автомобиля находится на столике перед телефоном, но перед тем, как выйти из дома, надо одеть на шею и

спрятать под рубашку небольшой брелок. Назначение этого брелка - автоматически передавать Мартину информацию о моем местонахождении, а в случае экстренной необходимости нажатием маленькой кнопочки на брелке я смогу вызвать Мартина.

* * *

Шли вторые сутки моего пребывания в этом необычном особняке, я никуда не хотел из него выходить, а предложение Мартина чувствовать в нем себя как дома, придало мне смелости, и я с интересом начал его изучать. Абсолютная, как мне казалось, безлюдность этого дома меня не пугала, он был спланирован так, что каждая комната, помимо своего функционального назначения, имела интерьер, создающий ощущение комфорта и безопасности. Окна дома всегда были зашторены, ровный мягкий свет создавал полную иллюзию естественного освещения. Цвет, оттенки и яркость этого света изменялись с течением дня, и казалось, что этот свет идет снаружи.

Лаборатория соединялась широкими раздвижными стенками с небольшим, метров 15 в диаметре, бассейном. В глубине второй лаборатории на полу лежала толстая бетонная плита в форме круга, толщиной сантиметров 30-40 и размерами превосходящая поверхность бассейна. Массивные цепи связывали ее с механизмами перемещения,

расположенными на потолке.

В третьем помещении находилось некое сооружение, напоминающее детскую карусель, только вместо сидений на массивном валу находился тонкий плоский диск из серебристого металла, а все вокруг было уставлено какими-то приборами.

То, что находилось в этих комнатах, было мне незнакомо. В технике я разбирался слабо, - кроме самых основных познаний в механике, математике, химии и физике, полученных мной в гимназии. Принцип действия самолета, который тяжелее воздуха и летает, до меня никак не доходил хотя мой учитель физике и пытался проиллюстрировать на всевозможных опытах понятие подъемной силы, устройство пропеллера и двигателя, который вращал эти лопасти. По физике я получал хорошие оценки, однако знания мои в этой области были поверхностные, и, отвечая на вопросы преподавателя, я механически повторял то, что вызубрил по учебнику.

Видимо, мой мозг был устроен таким образом, что я мог без труда запоминать любые тексты, их безошибочно повторять, легко усваивать звуки и символы чужого языка, не утруждая себя осмыслением этого процесса, а вот запомнить тригонометрическую формулу суммы синусов двух углов была для меня сущей мукой, не говоря о том, как это электрический ток протекает по метал-

лическим проводам. Это была тайна за семью печатями. Я так и не понял, как два провода, подсоединенные к банке, внутри которой находились какие-то химические вещества, могли зажечь маленькую электрическую лампочку, а электроны из банки лететь по проводам, да еще с огромной скоростью.

Библиотека была чисто технической, листы чертежей и математических формул совсем испортили мне настроение. Бесцельность моего пребывания в этом храме науки и техники привела, в конце концов, к меланхолии. Я ощущал, что от меня что-то требовалось – наверно, предполагалось произвести какие-то действия, проливающие свет на что-то, абсолютно неизвестное, непонятное и недостижимое. Я уже начал беспокоиться и волноваться, и в голову лезли всякие мысли - Иоахим, все это прекрасно, как сон, но зачем ты здесь находишься? Ведь не зря же фюрер встретился со мной, обычным немцем, хоть и знающим пятьдесят языков, да имеющим изуродованную неизвестной силой руку, которая, кроме неудобства, ничего не доставляла.

У такого человека не могло быть спонтанных встреч, не обусловленных какой то важной для него необходимостью. А то, что я был предоставлен сам себе, скорее походило на некий процесс, результата которого он ждал в первую очередь, и не знал, какой это будет результат.

Но чувствовал в силу своей информированности и свойств личности, что со мной связана разгадка какой-то тайны, пока недоступной ни ему, ни тем, кто одухотворял всю эту грудку предметов, которые, в конце концов, должны воплотиться во что-то, важное для него.

Эти мысли заставили мой ум отвлечься от всего, что меня окружало, и заняться обычным делом, только не с письменами и рукописями, а с логическим анализом того, чем я обладаю, и почему прозрачная ладонь имеет еще какие то необычные свойства. Голова вдруг стала ясной, и я четко представил план действий, который должен быть подчинен строгой логической схеме и выверенному в практике моих исследований принципу анализа - что это такое, есть ли аналоги, на что это похоже, как соответствует известным данным, как взаимодействует с реальным миром.

Заменить буквы и слова неизвестных языков и наречий, сравнение начертаний букв на древних письменах с известными, или поиск чего-то похожего, легко трансформировалось из статического состояния в динамический процесс и оставалось только в заданной последовательности производить операции, фиксировать результат и попытаться сделать выводы.

Имея вокруг много незнакомых предметов, связанных, тем не менее, какой-то общей закономерностью, мне предстояло найти эти логические

связи. Многочисленные провода, думал я, что-то соединяли, и по ним должен протекать электрический ток, этот ток должен что-то делать - вращать мотор, зажигать лампочку, создавать разряд и многое другое, а механические агрегаты должны что-то перемещать в пространстве.

Я решил своей невидимой ладонью приближаться к различным частям этих механизмов, рассматривая через нее светящиеся электрические лампы, касаться проводов. Конечно, убедившись в том, что они покрыты изоляцией, так как самым фундаментальным моим знанием электричества было то, что братья за провод, по которому течет электрический ток, голыми руками – опасно. Это знание было почерпнуто не из учебника по основам электричества, а от сильнейшего удара током, когда я, нечаянно коснулся проводов от Лейденской банки на практических занятиях по электричеству, в гимназии, а побелевший от ужаса учитель стал делать мне искусственное дыхание.

Выстроив план действий, я начал с самого простого - просмотра через ладонь окружающих меня предметов. Ничего необычного я не нашел - все, на что я смотрел как обычно, а затем закрывая глаза прозрачной ладонью, было одинаковым и ничем не отличалось, как будто между моими глазами и наблюдаемыми предметами ничего не находилось. Касаясь левой и правой руками различных механизмов, я не чувствовал разницы в

ощущении поверхности, температуры, формы и т.д. Тот же самый эффект наблюдался и в том случае, когда я надевал на правую руку перчатку и она становилась видимой. Я опять снял перчатку и стал читать надписи под многочисленными ручками, рубильниками, штурвалами, пытаюсь хоть как то понять их смысл и назначение.

К сожалению, разобраться с этим мне не удалось, так как слова, написанные на многочисленных бирках, были мне незнакомы. Все было непонятно и я уже стал злиться на себя за то, что я такой тупой, а прозрачная ладонь не помогает.

Случайно моя неловкость привела к тому, что я зацепился ногой за какой то толстый шланг, не смог удержать равновесия и непроизвольно вытянул руки вперед, пытаюсь защитить свое тело от падения. И тут произошло нечто, что удержало меня от падения на пол. Когда я судорожно взмахнул руками, ладонь правой руки вдруг сделалась упругой, как будто она оперлась о невидимую преграду. Я машинально оперся на нее и сохранил равновесие. Как только я принял вертикальное положение, все прекратилось.

Подняв правую руку и проведя по тому месту, которое несколько секунд назад было материальной опорой и не позволило мне грохнуться на бетонный пол, я не обнаружил никакой опоры. Я осмотрелся. Рядом не было никаких предметов, которые могли послужить опорой моей правой руки - я находился

на пустом месте и ближайšie столы и механизмы были, по крайней мере, на отдалении метров трех-четырёх от меня. Подняв голову, я посмотрел вверх, на потолок – какие то конструкции находились достаточно высоко, - высота помещения, в котором располагалась лаборатория, составляла не менее семи-восьми метров. Впереди был только...воздух.

Вывод был простой и мне на потребовалось делать логические построения и устанавливать причинно-следственные связи этого события. Все это случилось, когда я рефлекторно взмахнул руками. Я тут же несколько раз взмахнул правой рукой, пытаюсь ощутить какое-то противодействие среды, но ничего не почувствовал. Дальше оставалось сделать простое умозаключение и найти отгадку этой тайны. При падении скорость руки, вернее ускорение (это я ещё помнил из занятий по механике) было большим, так как происходило это перемещение за счёт рефлекторного физиологического механизма, и ускорение было намного больше, чем в случае простого махания рукой.

А раз так, подумал я, то было возможно и обратное явление - т.е. приближение моей прозрачной руки к материальному объекту, имеющему большое ускорение, должно вызвать аналогичный эффект с той лишь разницей, что моя рука должна стать той средой, которая будет создавать такую же опору, только движущемуся предмету. Меня настолько захватили эти мысли, что я стал искать

что-нибудь, что способно вращаться и провести опыт, подтверждающий мои умозаключения.

Интуитивно я чувствовал - среди всех этих приборов может и есть то, что мне нужно. Однако их конструкция и соединения были более сложными и малопонятными. Мне же требовалось очень простое устройство, и осматривая углы возле столов, ящики и стеллажи, я наткнулся на детскую игрушку, память о которой сразу подсказала - это как раз то, в чем я нуждаюсь для своего опыта. Обыкновенный детский волчок, разукрашенный различными красками в виде линий и спиралей, размером около 15 сантиметров, с мембраной. Эта мембрана издавала звук, тон которого становился выше при увеличении скорости вращения, за счет передвижения вверх-вниз спирального стержня. Я вспомнил до мельчайших подробностей, как мы забавлялись этим волчком, и соревновались, кто сможет сильнее его раскрутить и получить наиболее высокий тон звука.

Как он здесь оказался, меня уже не интересовало, и, поставив игрушку на стол, покрытый толстым стеклом, я стал его раскручивать левой рукой, нажимая все быстрее и быстрее стержень волчка, который издавал все более высокий тон. Когда звук стал пронзительным и резким, я отпустил руку, наблюдая за его вращением. Поверхность стола была очень ровной. Трение было маленьким и игрушка стояла на одном месте,

быстро вращалась и свистела.

И когда я поднес к волчку правую руку, произошло то, что я никак не мог понять, ни тем более, объяснить - волчок поднялся к моей руке и прилип к ней, продолжая вращаться уже сам по себе, а не вокруг оси внутреннего стержня, опиравшегося на стекло. Я свободно перемещал руку вверх и вниз, влево, вправо, переворачивал ладонь - волчок продолжал вращаться, не замедляя своего движения, так как звук не менял своего тона.

Это становилось уже любопытным, я сел на кресло, облокотился и продолжал наблюдать за этой игрушкой, которая никак не хотела удаляться от моей ладони. За этим занятием и застал меня Мартин, внезапно появившийся в лаборатории. Не проронив ни слова, он включил какие-то рубильники, раздались щелчки и звуки, зашумел большой мотор, а за ним постепенно стал раскручиваться узкий, круглый, как патефонная пластинка, металлический диск, разделявший надвое огромную чечевицеобразную конструкцию.

Когда все эти механизмы стараниями Мартина были оживлены и стали вращаться, он подошел ко мне и с неподдельным интересом стал наблюдать за продолжающейся детской забавой с волчком - а я уже воспринимал это как забаву, потому что более смешного зрелища в жизни не наблюдал. Вокруг ладони вращается детский волчок, не падая и следуя за движением руки, сохраняя свое положение в

пространстве.

-Ну что ж, Иоахим, поздравляю тебя с открытием. Не зря говорят, что все гениальное просто. То, что ты сейчас наблюдаешь, есть самое выдающееся открытие за всю историю человечества, а причиной, почему ты его сделал, является твоя рука. Прими мои поздравления и благодарность от нашей партии. А теперь возьми и просто затормози его ладонью левой руки.

Я так и сделал. Звук становился все ниже и ниже, через некоторое время волчок свалился на пол, издав жалобный стон. Сон завершился.

-А что дальше, Мартин? Я сделал кое-какие наблюдения и пришел к выводу, что моя рука обладает свойством взаимодействовать с любыми материальными объектами, которые имеют ускорение.

Вектор ускорения, Иоахим. И чем больше вектор ускорения и масса объекта, тем сильнее отдача энергии твоей руки, и при определенных значениях этих параметров может наступить состояние, при котором ты не будешь чувствовать веса своего тела.

-Мартин, хотя я и профан в физике, но на Земле это невозможно, так как она притягивает меня к себе с такой силой, что оторваться от нее живому существу невозможно.

-Да, Иоахим, ты прав. А теперь давай проведем один эксперимент, который ты уже проделал и осталось только проверить его на более массивном

объекте. Если ты не боишься, мы проведем опыт на тебе. Ты согласен?

-А ты в этом сомневаешься, Мартин?

-Сомневался, Иоахим, а после твоих слов сомнения исчезли. Давай попытаемся поэтапно смоделировать этот опыт, так как здесь все ново и таинственно, и я не хочу подвергать даже малейшему риску твое здоровье. Первое и главное: ускорение ладони твоей руки создает некую силу, компенсирующую массу твоего тела. Второе - вращающееся с большой скоростью маленькое тело прилипает к твоей руке, взаимодействует с ней, и этот эффект прекращается, как только скорость волчка уменьшается до определенной величины.

Из самого поверхностного анализа этих физических явлений можно сделать предположение, что твоя рука обладает неким свойством, способным компенсировать земное притяжение, будучи приведена в состояние контакта с поверхностью тела, имеющего достаточно высокую скорость. Значит, если мы раскрутим круглый диск в этой конструкции, которую ты видишь перед собой, то может возникнуть такая сила, которая будет достаточной, что бы поднять твое тело в воздух. Логично?

- Абсолютно, Мартин. Но что бы я не грохнулся на пол и не покалечился, давай привяжем к моим ногам страховочный трос - как в цирке у акробатов. В случае чего, ты можешь удержать меня от

падения.

-Умница! Это мы сейчас сделаем.

Мартину не составляло никакого труда найти тонкий трос, перекинуть его через блоки на потолке комнаты, благо, что там было множество деталей, приспособленных для такой конструкции, завести его на полиспаст и закрепить один его конец на массивной балке, а другой держать в руках. Мы вымерили расстояние от края диска. Подтянули трос так, что бы у меня оставалась возможность, в случае падения, сгруппироваться, а Мартину подстраховать меня, держа в небольшом натяжении всю эту эквилибристическую конструкцию.

-Ну что, Иоахим, ты готов? Я начинаю разгонять диск.

-Да, Мартин. Как только ты скажешь, что скорость достигла необходимой величины, я прикоснусь рукой к диску и буду молить Бога и фюрера, что бы остаться живым.

-Да благослови тебя Господь, Иоахим.

Диск вращался все быстрее и быстрее, звук становился все выше, перейдя в область писка, и Мартин махнул мне рукой.

А дальше свершилось обыкновенное чудо. Как только, я поднес руку к вращающемуся диску, неведомая сила подняла меня, ноги вытянулись к потолку, а все тело обрело совершенно необычное состояние. Я его не чувствовал! Не слышал я и того, что говорил мне Мартин, хотя по жестикеляции и

открывающемся и закрывающемся рту, я понял, что он мне что-то кричит. Я ему тоже пытался что-то прокричать, но звука собственного голоса не слышал. Страховочная веревка как-то неестественно болталась и хотя она не была натянута, Мартин со всех сил пытался удержать ее, но у него ничего не получалось. Я попытался согнуть ноги, и левую руку – тело слушалось меня. Но положение туловища определялось правой рукой, которая была плотно и крепко связана с вращающимся диском, и являлась как бы центром опоры.

По жестам Мартина я понял, что он будет останавливать диск, но он не знал, что делать со страховочным тросом. Мое тело было расположено вниз головой, и большой провис страховки тревожил Мартина, так как я мог грохнуться головой о пол или диск, а это не входило в наши планы. Я, наконец-то, смог принять положение человека, сидящего на низкой табуретке, когда руки достают до пола, а колени упираются в подбородок. Так я имел шанс спрыгнуть на пол, ибо высота от диска до пола была метра два. Мартин понял меня, мы по-прежнему не слышали друг друга, и он стал медленно уменьшать скорость.

Все оказалось прозаичней, чем мы ожидали. По мере того, как диск замедлял вращение, появилось ощущения собственного тела, через некоторое время я почувствовал возрастающую нагрузку на

правую руку, я на нее оперся, выкинул ноги вперед, как на гимнастическом коне, соскочил на пол, держа руку на диске. Когда он остановился, я спокойно подошел к Мартину и сказал:

-Я ничего не могу сказать и объяснить, но если бы мы с тобой показали этот фокус в Берлинском цирке, отбоя от зрителей не было бы.

Бледное лицо Мартина постепенно стало розоветь, и он громко рассмеялся.

Иоахим, твой юмор в подобной ситуации лишний раз подтверждает то, что сказал мне фюрер: этот юноша настоящий ариец, и не только настоящий ариец, а самый яркий представитель молодого поколения немцев. А сейчас по этому историческому случаю пойдем перекусим и выпьем пива, а потом мы еще раз все вспомним, зафиксируем, зарисуем и встретимся с фюрером. Он уже интересовался тобой и скоро встретится с нами.

Хмель быстро ударил мне в голову, и я жадно поглощал пищу. Я еще находился под впечатлением этого опыта и, наконец, я понял, что произошло и зачем я нужен вождям Третьего Рейха. Меня распирало от важности, а Мартин, каналья, подливал мне и себе пива и говорил:

-Тебе есть чем гордиться, Иоахим, и я думаю, - когда фюрер все узнает, он укрепитя в осознании того, почему всевышние силы дали сигнал Третьему Рейху на построение нового общества и его исторической миссии. За твоё здоровье,

Иоахим!

- И за твое, Мартин!

* * *

Вскоре Мартин предложил мне работать у него консультантом в лингвистическом отделе по совместительству. Профессор Шрайдер гордился тем, что его ученик получил такую престижную работу, а он - дополнительные средства для развития своих исследований в области лингвистики.

Кюльхен к этому времени уехала к своим родителям на север Германии, и когда я собирал свои бумаги при переезде на новое место работы, обнаружил конверт с ее письмом. Там было всего несколько предложений, и я запомнил их на всю жизнь: “Мой любимый Иоахим! Я буду всегда тебя любить, и ты единственный во всей вселенной, кому я безраздельно принадлежу. Я буду воспитывать нашего сына - и я молю Бога, что бы он родился похожим на тебя. Ты можешь не волноваться и быть уверенным в том, что я окружу нашего мальчика своей любовью, лаской и заботой. Твоя Кюль”.

При других обстоятельствах я бы все бросил и помчался к ней, хоть на край света. Но в моем мироощущении уже произошли большие изменения. Хотя, защемило сердце, а лицо любимой женщины возникло в моей памяти так явно, как будто она стояла рядом со мной, другое, более

сильное чувство уже поглотило меня, и все мои мысли и действия были подчинены одной цели, которая была превыше личных переживаний и эмоций.

Наступило 23 августа 1931 года. Как обычно, в четверть девятого я уже находился на рабочем месте в своем кабинете. Сегодня мне предстояло завершить отчет по разделу большой темы, связанной с трансформацией германской письменности и поиску символистических рядов, которые, по мнению фюрера, присутствовали в начертаниях готических букв. В одной из наших бесед, Мартин признался, что фюрер очень серьезно относится к оккультным наукам и пытается найти некие критерии, - материальные и нематериальные, - концептуально связанные с возможностью более глубокого анализа окружающего нас мира. Человеческий ум не только на физиологическом уровне, но и на уровне макроскопического подсознания обладает нереализованными возможностями. Мартин сказал, что он не понимал значения слов макроскопическое подсознание, и в одной из бесед с ведущими немецкими учеными, фюрер проронил фразу - "полевое воздействие".

Так или иначе, он обладал каким-то феноменальным свойством угадывать мысли на расстоянии. Эта способность не вписывалась в рамки существующих метафизических, материалистических и оккультных представлений о

способах передачи на расстояние мыслей человека, и не только мыслей, но и материи. Когда однажды я спросил Мартина, можно ли ознакомиться с трудами фюрера на эту тему, он улыбнулся и сказал:

-Иоахим, фюрер ничего не фиксирует на бумаге, все его знания сохраняются только в его голове и причем так, что он в любой момент может вспомнить любое событие, которое произошло с ним много лет назад. Это то, что касается его феноменальной памяти. А его философские и политические взгляды изложены в тех немногих книгах, которые читают большинство немцев. В отличие от марксистов, он не составляет планы социальных революций и этапов экономических преобразований. Партия, которую он создал, каждый ее член и функционер знает круг своих обязанностей, которые они безупречно выполняют. Все определяется только трудом во всех его проявлениях, будь то труд хлебопашца или инженера. Простота понимания этого фундаментального состояния свободного человека лежит в основе всей программы возрождения Третьего Рейха.

Вскоре я завершил часть работы и позвонил Мартину.

-Прекрасно, Иоахим. Послезавтра мы встретимся в лаборатории в полдень. Машина, будет ждать тебя во дворе канцелярии и не забудь принести с собой все свои материалы.

Утром за мной заехала машина, и в 9 утра я был в лаборатории. Мартин меня встретил в холле. Я передал ему папку с рукописью.

-Я не скрываю своего волнения, Мартин, так как Ваша оценка моей работы очень важна для меня.

-Не беспокойся, Иоахим. Я внимательно ознакомился с фрагментами твоего исследования и думаю, что фюрер будет доволен. Тем более, что нам предстоит сделать нечто важное, и твоя роль в этом деле будет не последней. Единственно, что я тебе могу сказать – состоится очень необычное и далекое путешествие. А все остальное – при нашей встрече с фюрером.

Как я упоминал, начиная с какого-то момента времени, моя воля была каким-то образом связана незримыми нитями с личностью Адольфа Гитлера. В какие-то моменты времени, у меня создавалось ощущение, что кто-то, поддерживал постоянно со мной некую связь и извлекал какую-то информацию из моей головы, причем это не вызывало каких-то неприятных ощущений.

Иногда мне казалось, что моими знаниями пользуются, как справочником. Более того, временами некто помогал мне и выступал в роли оппонента, и в такие моменты работалось особенно продуктивно. Я пытался анализировать такую необычную ситуацию с учетом моих ощущений и пришел к выводу, что это не было связано с неким гипнотическим воздействием. Наоборот,

восприятие окружающего мира было более полным и насыщенным по сравнению с тем, что я ощущал до того момента, как произошел со мной этот странный случай.

Итак, 23 августа 1931 года ровно в 10 утра в холле лаборатории появился фюрер.

-Здравствуй дорогой Иоахим, - и Гитлер обнял меня. – Здравствуй, дружище, - обратился он к Мартину. – Ты уже знаешь, что Мартин мой старший, верный друг и настоящий арийский боец. Я уверен, что и ты, Иоахим, имеешь все шансы стать таким же арийским бойцом, как Мартин.

Вспомним, что сказал Фридрих Ницше: “Обратимся к себе. Мы – гипербореи, мы достаточно хорошо знаем, как далеко в стороне мы живем от других. “Ни землей, ни водой ты не найдешь путь к гипербореям”, - так понимал нас еще Пиндар. По ту сторону севера, льда, смерти – наша жизнь, наше счастье. Мы открыли счастье, мы знаем путь, мы нашли выход из целых тысячелетий лабиринта... Нет ничего более нездорового среди нашей нездоровой современности, как страдание. Здесь быть врачом, здесь быть неумолимым, здесь действовать —это надлежит нам, это наш род любви к человеку, с которым живем мы философы, мы гипербореи. В единичных случаях на различных территориях земного шара и среди различных культур удается проявление того, что фактически представляет собой высший тип,

что по отношению к целому человечеству представляет род сверхчеловека. Такие счастливые случайности всегда бывали и всегда могут быть возможны. И при благоприятных обстоятельствах такими удачными могут быть целые поколения, племена, народы”.

Итак, друзья, мы отправимся в историческое путешествие. Там, очень далеко от фатерлянда, высоко в горах Тибета, находится первопричина зарождения арийской расы. Там, в недостижимом месте, скрытом от человеческих глаз, находится то, что дало жизнь на Земле. Много тысячелетий назад на нашей прекрасной планете космическими пришельцами была начата разумная жизнь. Подчиняясь законам космической цивилизации, просчитав на миллионы лет вперед эволюцию разумной земной жизни, Высший Совет дал рекомендации галактической экспедиции на Землю. Уже существовали бесконечное число галактик, в составе которых были планетарные образования, на которых была разумная жизнь. Иные цивилизации достигли пика своего развития, постигли тайны материальной и духовной жизни, и перед закатом и угасанием жизни, перебирались на другие планеты. Этот процесс бесконечен, – ему не было начала и конца. Только дух живых существ составлял определенную космическую среду, которая не уничтожалась, хотя материальная составляющая разумной жизни умирала и

рождались заново, повторяя рождение и угасание новых звезд. Галактический разум открыл тайну мироздания. После большого взрыва последовала эпоха создания новых галактик, рождение цивилизаций. Потом наступил период сжатия вселенной. Все материальное сожмется и образует НИЧТО, которое мгновенно взорвется и образует новое материальное вещество, из которого создадутся новые галактики, и так будет повторяться бесконечное число раз. И только разум живых существ, и их дух будут бесконечны и бессмертны, и в бесконечном поле разума и духа будет умирать и рождаться материя.

Все, что я услышал, было настолько необычно, что все мои прежние представления о земле, космосе, древних цивилизациях, были вмиг разрушены. Более того, больше интуитивно, чем логически, стройную законченность всех постулатов, излагаемых фюрером, и у меня возникло ощущение чего-то знакомого и ранее уже осмысленного.

- Вернемся к земной цивилизации, – продолжал фюрер. – Мартин по моему заданию привлек самые светлые головы Третьего Рейха, научную элиту, в том числе выдающихся ученых других стран, с целью получить от них ответ на один вопрос: хомо сапиенс - продукт эволюции, длившейся десятки миллионов лет, или пришелец из других миров? Где материальные свидетельства этого эволюционного

процесса, кроме останков неких существ, похожих на нас по внешнему виду, в то время как такие древние человеческие культуры, как ацтеков, египетская и, наконец, Атлантида, выпали из поля зрения современных философов и теологов? В этих древних цивилизациях не было религии, как таковой, но были свои Боги, которым преклонялись. И всегда, во всех дошедших до нас свидетельствах, присутствовали изображения тех, кого олицетворяли с божественными существами - небесными пришельцами. Задолго до появления религии как таковой, дух и мораль была основой человеческого существования, и только несовершенство мироустройства не позволили полностью реализовать эти фундаментальные качества homo sapiens. И теперь нам предстоит найти корни нашей арийской расы в исторических лабиринтах, и определить предназначение нашего народа в новом, более справедливом, мире. Тибет и есть то место, где я смогу получить ответы на волнующие меня вопросы.

Только два человека – Мартин и Иоахим, будут участвовать в этой экспедиции. Мартин подготовил техническую базу – по его заказу был выбран трех моторный Дорнье, приспособленный для дальних перелетов, а ты, Иоахим, поможешь мне побеседовать с теми людьми, которые мне нужны. Первая остановка будет в Ичкерии, а вторая - в труднодоступном месте Тибета, в 400 километрах

северо-западнее Лхасы, где по моим прогнозам, находится то, что я ищу. Вылет назначен на 3 часа ночи берлинского времени. А твою работу, Иоахим, обязательно прочту сегодня вечером.

И фюрер тепло распрощался с нами.

-Ну что, Иоахим, ты готов к дальнему путешествию? Вижу, вижу, сгораешь от нетерпения узнать подробности этой экспедиции, так же как и я. И хотя я занимался техническими вопросами организации этого полета, многое услышал впервые. Фюрер позволил сообщить тебе некоторые необычные подробности этого перелета, в котором нас будет сопровождать летательный аппарат, модель которого ты видел в лаборатории. Ты, наверно, догадываешься, что осуществить на самом современном самолете такой дальний перелет невозможно. Тот аппарат, который находится здесь, еще не готов для практического использования, хотя конструкция уже приобрела реальные очертания. Переоборудование Дорнье заключалось в герметизации салона и создания комфортных условий при полете. Управлять этим самолетом будут самые опытные пилоты третьего рейха, преданные фюреру. Ну а все остальное подвластно только ему одному, нам только остается оправдать оказанное нам доверие.

День быстро угас, наступил вечер, я еще раз проверил произношение языков, которыми я должен пользоваться, на электрическом звукозапи-

сывающем аппарате, который специально для меня изготовили по приказу Мартина, привел в порядок вещи в своей квартире, выпил стакан кислого молока, почистил зубы перед сном, лег в кровать и заснул безмятежным сном младенца.

Я, как солдат, поднялся в 2 часа ночи, быстро привел себя в порядок. Ровно в 2.15 раздался звонок в дверь. Это был Мартин.

-То ли доброй ночи, то ли доброго утра, Иоахим. Ты, я вижу, как заправский вояка, только и ждешь приказа быстрее в бой, не так ли?

Я смутился. Мартин, довольный своей шуткой, вышел из моей квартиры. Через минуту мы двинулись в путь на черном Хорьхе Мартина.

Аэродром находился в самом Берлине и мы уже через 30 минут были на месте. Дорнье был прогрет и мягкий рокот его моторов свидетельствовал о том, что пилоты находились в самолете. Мы вышли из машины и поднялись по приставной лестнице в салон. Вскоре появился и фюрер. Мартин похозяйски захлопнул входную дверь, заблокировал замок, как будто он уже не раз летал на этом самолете. Адольф Гитлер подошел к нам.

-Доброе утро, Мартин, доброе утро Иоахим. Располагайтесь в салоне поудобней.

Он нажал какую-то кнопку, двигатели стали набирать обороты, и через некоторое время мы почувствовали, как машина плавно отрывается от земли и набирает высоту. Салон скорее напоминал

служебный кабинет - по краям располагались мягкие диваны и кресла, обтянутые тонкой кожей светлых тонов, рядом находился письменный стол с креслом и другой, поменьше, ближе к хвосту самолета. Фюрер уже расположился за столом и жестом пригласил нас занять места в креслах напротив его.

Надо сказать, что с момента появления фюрера меня охватило волнение, и, видя мои попытки сконцентрировать свое внимание и заставить заглушить частое сердцебиение, фюрер произнес:

-Иоахим, не волнуйся и успокойся. Мы уже в пути, все идет по намеченному плану, и я как раз собирался обсудить с тобой некоторые аспекты твоей работы.

То, как он просто отвлек меня от моих беспокойных мыслей и перевел разговор в другое русло, свидетельствовало о том, что он был тонкий психолог, и я проникся еще большим уважением к нему, как человеку - необычному человеку.

-Ты проделал большую работу, мой мальчик (так иногда он обращался ко мне и в такие минуты мне казалось, что кто-то родной и близкий находится рядом со мной). И твой вывод о многообразии языков и культур народов, населяющих землю, является констатацией исторических фактов. Но червь сомнения точит твой разум - это разнообразие иррационально, ибо биологически можно предположить, что существует нечто общее и более

значимое, чем язык, характеризующий принадлежность народов к той или иной нации. И ты, правильно задаешься вопросом: когда возникло это великое множество языков? Если верить библии, то кто-то, кого называют Богом, смешал все языки, на котором общались народы, за некие прегрешения, и Вавилонское столпотворение явилось некой божьей карой. А что было до этого момента? На Земле обитали только твари, и вот Бог в наказание за грех в саду Эдема отправил туда Адама и Еву. Они сотворили по своему образу и подобию людей, которые говорили на одном языке, - не могли же дети своих родителей, и их внуки, правнуки и их потомки, общаться на разных языках. Или так разгневался Бог на детей своих, что каждый род и каждое следующее поколение говорили на разных языках, не понимая друг друга, а что бы еще больше наказать людей, разбросал их, как семена по ветру, во все уголки Земли - так же, как он поступил с растениями и тварями? А Сатана быстренько обосновался на Земле и только и делал, что сбивал с пути божьего людей? Наконец, сильно расстроившись, Бог послал на Землю Иисуса Христа, Мухаммеда, Будду, чтобы те, не только искупили все человеческие грехи, но наставили снова людей на путь истинный.

Его посланцы, вконец напуганные всесилием Сатаны, стали проповедовать божьи заповеди, и души благочестивых после смерти посылать в рай,

а души грешников - в ад. И почти 2000 лет и христиане, и мусульмане, и буддисты, и иудеи, и их пастыри, постепенно превратившись в единственных толкователей священных писаний, сами не раз нарушали божьи заповеди. А человечество постигало таинства той природы, бесконечным хозяином которой был Бог, вопреки его наставлением.

А теперь поразмышляем. Возможно, что в очень далекие времена кто-то обнаружил Землю – хотя вероятность такого события и очень мала. И этот кто-то, по неким высшим космическим законам, наблюдал за развитием органической жизни на Земле, время от времени посылая отчеты кому-то, кто образует коллективный разум вселенной. И когда созрели определенные условия, появился человеческий род, наделенный сознанием и подсознанием. И если сознанию была отведена роль медленно меняющегося процесса, - здесь и различные условия существования племен, и появление различных языков, и все остальное, - это тысячи раз проверялось, исследовалось, раскапывалось, находилось необъяснимое и так далее, - то подсознание было первичным и неизменным, через которое и осуществлялась взаимосвязь космоса и человека.

Ты абсолютно прав, Иоахим, когда в конце концов пришел к единственно правильному выводу: в человеке находится то, что неизвестно

современной науке. И тебе посчастливилось прикоснуться к разгадке этой тайны.

Высшие силы поручили мне, Адольфу Гитлеру, выполнить долг перед человечеством и арийская раса должна сыграть свою роль в этом историческом процессе. Я имею в виду то, что арийцы стоят выше национальных предрассудков и в каждой нации есть представители арийцев.

В то место, куда мы направляемся, расположено на северном Кавказе и там проживают представители одного древнего горного племени, связано историческими узами с арийцами. Этот народ – чеченцы, и на протяжении нескольких сот лет они ведут борьбу за свою независимость. Один из них, имя которого еще никому не известно, живет среди чеченцев, в горах, является наследником одной космической тайны, с которым я должен встретиться. Я должен проверить этого человека – действительно ли он выдает себя за того, кого я должен найти, и ты, Иоахим, будешь переводчиком.

К этому времени Мартин незаметно подготовил стол для трапезы и пригласил фюрера и меня перекусить. Я впитывал все, о чем говорил фюрер. Вся информация как бы двумя путями воспринималась мной.

Речевая часть информации, абсолютно строгая и логичная, воспринималась очень легко и четко.

Другая часть, воспринималась неизвестным мне способом - прямо, непосредственно, как будто она

давно находилась в моей голове, и ее объем, содержание, глубина, намного превосходили то, что я мог воспринимать путем языкового и понятийного механизма.

Воспользовавшись тем, что фюрер и Мартин о чем-то оживленно беседовали, я попытался восстановить в своей памяти все детали нашего полета.

Если во время взлета самолета я отчетливо слышал звук работающих двигателей, то теперь в салоне была тишина, как будто я находился в привычной обстановке рабочего кабинета, или в гостинной комнате лаборатории. Набор привычных мне звуков - звук поскрипывающего стула, звук набираемого ложкой супа, или скрежет по тарелке ножа, которым я отрезал кусок отварного мяса, звук наливаемого мной из бутылки вина в хрустальный бокал - присутствовали и в кабине самолета. Эти все звуки для меня были громче и отчетливее, так как объем этого пространства был ограничен салоном самолета и занимал площадь около 20 кв.метров и 2,5 метра в высоту. И опять же, никакого шума двигателей. Я совершенно определенно помнил, и в моей голове четко зафиксировались все детали начала полета: перед тем, как взлететь, моторы аэроплана набирали обороты, звук становился все выше и громче, потом через некоторое время сила звука и тон остался неизменным, и ровный рокот моторов становился привычным.

И только напоминание фюрера о том, что скоро мы совершим посадку, заставило меня прислушаться. Но я ничего не слышал! Ни звука работающих двигателей, ни чего-то иного, что напоминало полет в аэроплане. Я помнил свои ощущения в начале полета - небольшая вибрация самолета (я так думаю, это был шум колес, катящихся по взлетной полосе аэродрома), потом этот источник звука исчез и была слышна лишь работа моторов. Я забыл сказать, что еще перед полетом Мартин попросил меня оставить мои карманные часы дома, никак не объяснив этого - впервые за все время нашего общения с ним. Через некоторое время в салоне появился фюрер и Мартин.

- Ну, вот мы и добрались, Иоахим. Одевайся, потеплей, – в гардеробе найдешь все необходимое.

* * *

Пока я одевал кожаную, коричневую куртку, Альпийские ботинки и мокасины из прочной ткани, – а я знал толк в альпинистском снаряжении и должен заметить, что все это было отличного качества и подогнано под мой рост и вес так, как будто все это делали специально для меня, - Мартин открыл люк самолета, выдвинул легкую алюминиевую лестницу и мы, вслед за фюрером, спустились на землю. То, что я увидел, было восхитительно! Я стоял на совершенно плоской

базальтовой поверхности горного плато, окаймленной с трех сторон высокими горами, покрытыми голубым снегом. Солнце находилось над вершиной горы в юго-восточном направлении, прямо передо мной, и по его положению я вычислил, что было часов 10 утра. Плато упиралось в подножье высокой горы, круто уходящей вверх. Длина этого необычного природного образования составляла метров 500-800, и я смог примерно оценить высоту вершины по положению Солнца – она составляла не менее 2500 метров. Голубизна снега - как мне показалось, - свидетельствовала о ледниковом происхождении снежного покрытия.

Слева и справа находились горы, покрытые таким же голубым снегом. Все они образовывали какую-то нишу, открытую только с западной стороны - там плато обрывалось, внизу находились жилые постройки из камня, и еще ниже находилось большое, ровное ущелье, покрытое пышной зеленью. Потом горные отроги плавно поднимались в западном направлении и уже далеко виднелись величественные горы, ярко отражавшие солнечный свет и не резавшие глаза, ибо расстояние до них было километров 10-15, и только четкая граница между белыми вершинами и прозрачным голубым небом разрезала пространство на две половины, отчетливо и объемно воспринимавшиеся глазами.

Само плато находилось как раз на границе, где кончалась горная растительность. Луга, наподобие

тех, по которым я ходил еще в детстве, простирались ниже, а лес начинался с той гористой ее части, которая спускалась к ущелью.

Я исходил ту часть Альп, которую называют швейцарскими, очень любил суровую, и в тоже время, нежную красоту гор, буковые леса и мягкие луга, покрытые шелковистой травой - все это мне было знакомо.

Здесь же все было величественнее и ярче, краски были такими же, как в Альпах, но более контрастными, а голубые горы восхищали своей первозданностью. Спohватившись, я повернул голову в ту сторону, где стояли фюрер и Мартин – они тоже созерцали эту великолепную картину.

- Правда, похоже на нашу Баварию, Иоахим? Только здесь все так, как будто много веков все это великолепие ждало нас, и только сейчас открывает нам свои тайны - промолвил торжественным голосом фюрер. - И нам осталось только с трепетом прикоснуться к древности.

Тем временем к нам приближался какой-то человек - я был поглощен осмотром места приземления нашего самолета, и пропустил момент его появления.

Он шел к нам со стороны ярко светившего Солнца. Когда до незнакомца оставалось каких-нибудь 20-25 шагов, Гитлер пошел к нему навстречу, оставив нас с Марином вдвоем, они встретились и несколько минут стояли друг против друга, не

произнося никаких слов. Потом он повернулся к нам, и кивком головы подозвал к себе.

Мы приблизились к незнакомцу, он внимательно на меня посмотрел, приложил руку к груди и с достоинством наклонил голову. Я повторил жест горца и когда я поднял голову, глаза наши встретились. На миг мне почудилось, что я смотрю не в глаза человека, а куда-то далеко, бесконечно далеко, и там, вдалеке, открылся какой-то другой мир. Это ощущение было очень коротким и когда я пришел в себя, то увидел добрые глаза темного цвета.

Тонкие морщинки возле глаз свидетельствовали о том, что он обладал отменным зрением и видел далеко - я вспомнил сразу своего знакомого проводника, с которым мы часто ходили по Альпам и он всегда прищуривал глаз от яркого, отраженного от снежного покрова солнечного света, когда вглядывался вдаль. Сам взгляд этого человека был светлым и молодым, а его облик был полон достоинства и благородства.

Потом он повернулся к Мартину - и повторилась аналогичная процедура взаимного приветствия. Фюрер стал говорить о своих впечатлениях на земле древней Ичкерии. Я, незамедлительно, все переводил на чеченский язык (процедура синхронного перевода отработана была во время одной из встреч с фюрером, и он остался доволен тем, как я работаю), горец все понимал. Я это оценил по

удивленной реплике чеченца - “Ты как будто родился в наших горах”.

Далее фюрер коснулся истории Ичкерии и его народа, высказал свое суждение о происхождении чеченцев от Ноя, но сразу высказал свою версию того, как это описывается в религиозных книгах. По его мнению, это событие носило локальный характер и не имело катастрофических последствий для Земли. Всемирный потоп был просто невозможен на всей поверхности планеты, и в данном случае имело локальное, хотя и достаточно страшное событие, во время которого только часть межгорий, где располагался Арарат, Казбеги и другие вершины кавказского хребта, оказались во власти стихии и пострадали только те племена, которые населяли эту часть планеты.

В подтверждение своих слов он привел пример Гималаев, где находились самые высокие горы, и в тибетских священных писаниях этот факт даже не отражен. Незнакомец внимательно слушал о чем говорил фюрер, ни разу не перебил его, а сам не задавал никаких вопросов. Затем они медленно пошли вперед, фюрер повернулся ко мне и жестом показал, что я могу оставаться на месте, и как мне показалось, собеседники дальше в моих услугах переводчика более не нуждались. По мере того, как они удалялись, у меня появилось странное ощущение, что эти два человека понимают друг друга и без меня. Кто-то притронулся к моему плечу,

я вздрогнул – это был Мартин

-Пойдем в самолет, Иоахим, и отдохнем. Предстоит еще дальний путь и надо набраться сил.

Пока мы подходили к самолету, я успел обернуться. Увидел две удаляющиеся от нас фигуры, – они казались уже маленькими, так по моим подсчетам, они отошли от нас расстояние более 500-700 метров. Когда я отвернулся, то вдруг увидел в ярких лучах солнца необычный предмет, висевший над горизонтом, и чем-то напоминавший мне ту конструкцию, которую я видел в лаборатории. Мне показалось, что необычное сооружение плавно двинулось туда же, где находились фюрер и незнакомец, и в это время Мартин захлопнул люк самолета.

Я уже говорил, что еще при первой встрече с фюрером, мое сознание как бы раздвоилось. Я был психически и физически здоров, воспринимал мир, окружающий меня, во всем его многообразии и красоте.

Моя жизнь, как и миллионов немцев, складывалась из миллионов мелочей: от утреннего туалета до разнообразной работы, домашних забот и радостей, печалей и огорчений. Я находился внутри этой жизни и был, хоть и ничтожной, но все же частицей сообщества людей, составляющих немецкий народ. И я думаю, что и другие народы, сотни миллионов других людей другой национальности, также воспринимали этот мир,

как и я.

И параллельно, независимо, было восприятия мира тогда, когда я общался с фюрером. Тот, другой мир восприятия были частью более обширных по своему содержанию событий, чем могло показаться на первый взгляд. И если в первом случае я воспринимал все, как часть моего существа, с присущими человеку ошибками и заблуждениями, попытками анализа тех, или иных событий, как в личной жизни, так в их общественно-этическом контексте, то здесь логика восприятия мира, даже пространства, была иной и отличалась абсолютной четкостью наблюдаемых материальных и духовных явлений, их взаимосвязи с бесконечными процессами во вселенной, частицей которой являлась Земля и населяющие ее люди.

И если бы я был сторонним наблюдателем этих необычных событий на горном плато, в горах Северного Кавказа, меня бы заинтересовали совсем необычные вещи: и сам полет на самолете через всю Европу и Россию, и его приземление в Чечне, и характер самого полета, и встреча с необычным человеком, и наличие необычного предмета, перемещающегося в воздухе, и многое другое.

Но все это было чем-то второстепенным, не заслуживающего особого внимания. А то самое главное, ради чего все это было задумано, выходило на первый план - то, ради чего Адольф Гитлер со своим самым верным другом Мартином Борманом

и молодым немцем-переводчиком Иоахимом Штальбергером пустились в необычное путешествие, которое должно было дать ответ на какой-то очень важный для фюрера вопрос.

Я находился в каком-то умиротворенном состоянии и через некоторое время задремал, сидя на своем кресле, а когда очнулся, то увидел за столом фюрера, задумчиво рассматривающего плоский предмет, лежащий на столе. Мартин тоже пробудился, и мы оба виновато уставились на Гитлера, ожидая нагоняя.

- Ну как, отдохнули, потомки нибелунгов? Да не стесняйтесь, – ты-то Мартин меня давно знаешь, разве я похож на деспота и пожирателя младенцев? Присаживайтесь к столу и прикоснитесь к вечности.

С этими словами он подвинул к нам размером с книгу средней толщины серебристый предмет, напоминавший металлическую плитку. Его поверхность была абсолютно гладкой, причем при таком качестве ее обработки от нее должно было все отражаться, как от зеркала, и вместе с тем как бы внутри этого ровного куска металла было черно. От него ничего не отражалось!

- А теперь Мартин переверни его - он легкий, - и положи на стол. Ну, что ты видишь, а? Стол, да? Иоахим, посмотри и ты – переверни его сначала обратной стороной и убедись, что это не зеркало, а теперь переверни и положи его на ладонь Мартина. Видишь Мартин свою ладонь, да? Любой подумал

бы, что здесь какой-то фокус - наш самый известный физик мне говорил, что теоретически можно придумать как бы зеркало, от которого ничего не отражалось бы, в то время как его обратная сторона была бы прозрачной.

Но это еще не все - продолжал удивлять нас фюрер. - Если посмотреть в торец широкой стороны этой плиты - а высота, как Вы сами можете определить на глаз – не более 3-4 сантиметров, то там можно увидеть некие знаки, смысл и происхождение которых мне неизвестны, а их смена, как в кино, показывает что-то, не подвластное моему восприятию реального мира. Пока Вы отдыхали, я со своим чеченским другом посетил Ноев ковчег и он мне отдал то, что должно помочь мне открыть тайну, которая даст мне силы использовать эти сокровища во благо немецкой нации. А теперь, Мартин, открой шторы на иллюминаторах, и посмотрите вместе с Иоахимом на то что, расстилается внизу под нами.

А внизу находились величественные горы, покрытые бело-голубым снегом, и не было им ни конца, ни края. На чистом темно-синем небе они отчетливо выделялись. Под ними были облака, и казалось, что вершины парят в небесах, так, как бы они лежали на сплошном сером покрывале.

Я уже заранее знал, что мы направляемся в Гималаи, где самые высокие горы – кажется, около 8000 метров. Несмотря на свою необъятность, горы

казались маленькими, как на искусно написанной картине, на которую смотришь с расстояния нескольких метров. Я скорее ощутил, чем понял, что мы находимся очень высоко над землей, где уже небо приобретает иссиня-черный цвет.

Когда я перевел взгляд вверх, насколько мне позволял иллюминатор размером не более 40 см., то увидел нечто такое, что никак не могло быть крылом самолета, – я точно помнил, что крылья располагались внизу фюзеляжа. Вверху находилась плоская, серебристого цвета, часть большого диска, которая переливалась всеми цветами радуги. Убедившись в том, что все увиденное, произвело впечатление, и ошеломило нас, он снисходительно ухмыльнулся и сказал:

-Вот вы и увидели как раз то, что помогает нам в полете – ни один самолет не смог бы так быстро преодолеть такие большие расстояния и не смог бы так высоко забраться в небеса. Космические пришельцы помогли мне осуществить наше путешествие, но мы - увы! - еще далеки от того, что бы осуществить хотя бы ничтожную часть того, что уже осуществлено другими разумными существами. Сейчас мы уже приближаемся к тому месту, которое является целью моего путешествия. А теперь наберитесь мужества и посмотрите еще раз в иллюминатор.

Я повернул голову и посмотрел вниз. Все те же прекрасные горы и то же темно-синее небо. Когда

я поднял глаза вверх, серебристый диск изменил цвет, стал темнеть, и боковым зрением я увидел, как то, что я видел минуту назад, стало расплываться, как бы в тумане, потом постепенно пропадать в сером полумраке и наконец в иллюминаторе стало темно. Все исчезло, и только часть диска некоторое время еще излучала какое-то свечение, потом оно пропало и в иллюминаторе ничего не было видно. Время как бы остановилось, и наступила тишина. Через иллюминатор стали пробивались лучи солнца. Перед нами расстилалась, – если подходит такое сравнение – снежная (или ледяная) равнина, вдали виднелись горы.

* * *

-Это и есть вершина мира - сказал фюрер. - Это - Тибет, хранилище мировых тайн. А сейчас мы с тобой, Иоахим, направимся в то место, что является конечной целью нашей экспедиции. Мартин останется здесь – только мы с тобой, Иоахим, обладаем возможностью войти в космический аппарат, который расположен сверху нашего самолета – таково условие наших пришельцев. Мы являемся их гостями на этом необычном корабле, в который попадают люди, отмеченные космической печатью. Металлическая пластина, которую я привез из Чечни, явиться паролем для нашего

пребывания на нем.

С этим словами он прошел в соседний салон, приглашая меня следовать за собой, и по приставной металлической лестнице вслед за Гитлером я поднялся туда, где находилось таинственное сооружение. Я стоял в центре куполообразной комнаты, диаметром около 5-ти и высотой около 3-х метров, освещенной мягким светом зеленоватого оттенка. Возле меня размещался полукруглый стол с различными техническими предметами, назначение которых я не знал, но они чем-то напоминали приборы, находящиеся в той конструкции, которая была в лаборатории. Возле этих столов находились какие-то устройства, напоминавшие кресла, только с массой различным кнопок, светящихся циферблатов и матовых прямоугольных пластин. В аппарате находились только мы с фюрером. Люк, через который мы попали в этот аппарат, был уже закрыт и не было даже никаких следов того, где он находился.

- Располагайся поудобней в этом кресле - сказал фюрер, показывая рукой на крайнее кресло - а я сяду здесь, рядом с тобой. Теперь сними перчатку, положи ладонь в это углубление, расположенное сбоку впереди тебя. Смотри, я делаю тоже самое. Ладонь удобно лежит в углублении кресла, которое полностью повторяет ее очертания. Мы подключились к хранилищу галактической

библиотеки, и наш мозг стал непосредственно связан с ней. А сейчас, Иоахим, попробуй обратиться ко мне мысленно, не используя речь. Это будет сначала непривычно, так как ты используешь ее в качестве инструмента общения с подобными тебе людьми. Для тебя является естественным считать речь первичным звеном выражения твоего восприятия мира, – ты же помнишь свои первые слова, произнесенные в детстве: мутер, фатер, фатерлянд и т.д. Так как и весь мир, со временем появления письменности - а это считается как бы высшим проявлением прогресса цивилизации, - считает, что письменность, как и до этого речь, была единственным фундаментальным достижением человечества, сделавших людей теми, кем они стали. Постарайся задать мне мысленно вопрос - сначала простой - ну, например, как мое имя - а потом попытайся получить ответ не в виде звуков, произносимых мной, а в виде прямого восприятия смысла заданного вопроса.

Сначала я постарался так и сделать, но ничего не получилось. Я все время произносил как бы мысленно “мой фюрер”, а получалось, что я говорил про себя. Потом с третьей-четвертой попытки я наконец-то, ничего не поняв, не обратился, а подумал и в тот же миг я узнал и имя, и многое другое, что, как в калейдоскопе, пронеслось в моем воображении и остановилось. Необычность такого общения, отличалась от

обычного.

Когда создавалось ассоциативное восприятие мира, и с детства нас сначала обучали буквам, потом слогам, потом словам, потом мы научились выражать наши чувства и мысли, посредством слов и, наконец, способность черпать знания из книг, в которых таким громоздким способом человек пытался описать окружающий его мир чувств, ощущений, увиденного, услышанного по сравнению с тем, что сейчас я ощутил, было абсолютно новым. Это был совсем иной способ передачи информации.

Начиная с этого момента времени, общение с фюрером происходило мысленно, благодаря неизвестному мне механизму передачи мыслей, используя некую неведомую мне систему связи. При этом моя рука как бы являлась приемником чего-то такого, что позволяло не только осуществить это мысленно общение, но получать ответы на мысленно поставленные вопросы. А полученные ответы на мысленно поставленные вопросы были многогранны и велики. Общение между нами было независимым, и я мог самостоятельно получать всю информацию.

Сначала это было любопытство, – каким образом мы добрались до Тибета - и сразу возникла многомерная картина того, как проходил полет, как сверху самолета находился необычный аппарат чечевицеобразной формы. Получаемые ответы

имели четкую пространственно-временную четырехмерную картину, и по мере того, как я пытался конкретизировать какое-то событие в моей жизни, тотчас возникало как бы “изображение” этого момента моей жизни, а когда я вдруг вспомнил вкус гусиного паштета, то ощутил вкус, запах и другие, обычные в повседневной жизни запахи, звуки, цвета. Самое же фантастическое заключалась в том, что я все это воспринимал как некий посторонний наблюдатель, так как за столом в обеденной комнате находился... я сам, собственной персоной, вместе со своей семьей.

Мысли фюрера возвратились ко мне, и он предостерег меня от опасности, которая исходила из этого нового состояния, так как мой мозг мог не выдержать всего объема информации, которую я хотел получить, и что необходима длительная тренировка, прежде чем можно будет углубляться в этот новый способ человеческого общения.

Мы одновременно извлекли свои ладони из углублений, и мир стал обычным, как некоторое время назад.

-Ты теперь, Иохаим, понял, что мы находимся в космическом аппарате, который посетил много веков назад нашу Землю? И волей судьбы тебе предначертано познать много тайн. Только знай, мой мальчик, что только истинный ариец, – а ты, к моей радости, именно им и оказался, - может воспользоваться этим даром не во вред

окружающим и себе самому. Все это должно быть использовано во благо человека на его длинном и трудном пути самосовершенствования, ибо только личности будут являться проводниками новой цивилизации. А сейчас я отправлюсь туда, где я должен получить ответ на свой главный вопрос. А ты спускайся к Мартину.

Мартин был занят какими-то бумагами, и, увидев меня, не удивился, хотя по его хитрому взгляду я понял, что он что-то знает, хотя все время не уставал повторять, что он не обладает тем, что имею я - необычную ладонь, такую же, как у фюрера.

- Иоахим, у тебя, наверное, много впечатлений сегодня. Провизия на обычном месте, подкрепись и заваливайся отдыхать. А мне надо заниматься рутинной работой, так как дела партии требуют конкретизации, написания различных бумаг и прочих материалов, что бы осуществить задуманное фюрером.

С этим он уткнулся опять в бумаги, а я последовал его совету, перекусил и с удовольствием растянулся на мягком кожаном диване и сразу уснул.

Как я уже упоминал, временные измерения, начиная с момента моего пребывания в самолете, потеряли всякий смысл. Во-первых, у меня не было часов, во-вторых, – то количество событий, которые произошли, никак не связывались с моими обычными представлениями о пространственно-временном характере явлений повседневной жизни.

Так, я знал в котором часу я должен встать, потом в определенное время помыться, побриться, потом позавтракать, в 9 утра выехать на работу и т.д. Для этого всегда нужны часы, да и в их отсутствие, всегда текущее время можно определить по положению Солнца. Если оно закрыто тучами, ты знаешь, когда утро, а когда наступает вечер, в конце концов. Здесь же, с момента нашей остановки в кавказских горах, и дальше, когда мы уже находились на Тибете, время как бы удлинилось. В Чечне было Солнце где-то в зените, и здесь оно находилось примерно там же, что никак моими скудными познаниями в географии и астрономии объяснено мной не было.

Я проснулся и первое, что я увидел - это стол, а за ним сидели фюрер и Мартин, и каждый был занят своим делом - Мартин продолжал работать с бумагами, а фюрер рассматривал какой-то древний - как мне показалось - манускрипт. Мое пробуждение заметили, и Мартин, повернув ко мне голову, сказал:

- Молодость тем и чудесна, Иоахим, что нервные клетки еще растут, а здоровый молодой организм живет своей самостоятельной жизнью и можно только позавидовать твоему здоровью! Приводи себя в порядок, перекуси и присоединяйся к нам.

- Да, да мой мальчик – весело сказал фюрер, – тебя ждет интересная работа, и я уже поджидаю тебя, что бы озадачить.

Увидев, как я быстро поднялся со своего ложа, что бы как можно быстрее завершить все туалетные и кулинарные процедуры, фюрер вдогонку мне весело сказал:

- Не спеши, Иоахим. Почистить зубы и выпить чашку горячего чая не менее важно, чем постигать тайны природы. Все нужно делать основательно!

Я все так и сделал. Когда я подошел к столу и стал ждать приглашения, Фюрер поднял глаза, как-то очень внимательно посмотрел на меня и сказал:

- А ты мне все больше и больше нравишься, Иоахим. Присаживайся рядом и расскажи мне об этом манускрипте как можно больше.

* * *

Он придвинул книгу, предварительно закрыв ее. Она была заключена в массивный, вероятно, кожаный переплет, инкрустированный серебром, размером не более 30х40 см., и толщиной 5-6 сантиметров. То что я увидел, заставило меня заволноваться, так по внешнему виду, способу ее переплета, фактуре материалов - все свидетельствовало об очень древней книге, хотя сохранность вызывала удивление – она была как новая! С волнением, открыв обложку и потрогав пальцами пергамент, я понял, что передо мной древняя, очень древняя книга. На первой странице на старотибетском было написано: “Книга мудрости и терпения”. Орнамент, обрамляющий

страницу, был уже знаком мне по тибетским и тайским манускриптам, но был другим по начертанию.

- Мой фюрер, - я уже так обращался к Адольфу Гитлеру, засвидетельствовав тем самым свое уважение к старшему по возрасту человеку и получив разрешение именно на такое обращение, с которым к нему обращались очень близкие люди. - С вашего разрешения, я полистаю ее с конца, и попытаюсь определить сначала фактуру и структуру письма, а потом разобраться с ее содержанием.

- Конечно, конечно Иоахим. Она в твоём распоряжении, обращайся с ней по своему усмотрению. Владельцы этой священной книги доверили ее мне и тебе. Мы первые люди за многие тысячелетия, которым ее хранители разрешили вынести ее из священного места на Тибете, чтобы, почерпнув из нее высшие знания, возратить обратно. Хранители этой реликвии, включая Далай-Ламу, на Высшем Совете приняли такое решение, хотя к этой святыни могут прикасаться только руки Далай-Ламы и главного хранителя, который один имеет право заносить в нее то, что ему ниспослано от Будды. Ты увидишь часть пустых страниц - их немного, ты сам увидишь. Когда последний летописец и хранитель поставит точку в этой книге, наступит новое летоисчисление на Земле и человечество перейдет в следующую стадию своего

развития. Если сможет справиться с этой сверхзадачей.

Получив разрешение, я закрыл обложку и перевернул книгу так, что бы начинать листать ее с конца, тем более, что упоминание о пустых страницах заставило меня припомнить одно упоминание о священной книге фараонов, имеющей ту же особенность – наличие пустых страниц в конце книги. Тогда исследователи объяснили это тем, что некое событие помешало завершить работу над ней. Но это было еще во времена фараонов, да и все, что успело найти и разыскать в толще исторических времен человечество, было скорее загадкой, чем текущим описанием истории государства, религии, философии.

Сами каноны всех без исключения религий и их сохранение в письменном виде как бы остановились в каком-то отдаленном прошлом. Эти каноны оставили потомкам только описание событий, так или иначе связанных с историей становления цивилизации на Земле, а отнюдь не с религиозными и нравственными аспектами деятельности человека, как будто все остановилось после появления Иисуса Христа, Мухаммеда, Будды и других, почитаемых жившими и живущими народами.

Каково же было мое изумление, когда я увидел через ее прозрачную толщу стол! Стараясь

сдерживать свои эмоции и вспомнив металлический прямоугольник, имеющий аналогичный эффект при переворачивании, я успокоился и открыл книгу с конца. Цвет обратной стороны обложки был темным, я опять увидел светло-желтые страницы древнего манускрипта, и все стало на свои места.

Дальше я попытался не пролистать страницы, а быстро перебрать их, как толстую стопку писчей бумаги, с тем, что бы обнаружить различные по фактуре, цвету, плотности листы этой святой книги. Но все листы легко и равномерно проскользнули между моим большим и указательными пальцами. Как будто все они были вот-вот нарезаны, склеены и переплетены.

Это меня сбilo с толку, так как обычно такие книги, в которых излагаются события тысячелетней давности, происходящее на протяжении веков, многократно переписываются, дополняются и само понятие книги как таковой, исчезает. А здесь все было так, как будто ее начали писать очень давно, как дневник - простите меня за такое примитивное, но тем не менее именно такое ощущение, - и продолжали делать это на протяжении тысячелетий!

Когда я стал листать страницы, не вникая в суть написанного, то обратил внимание, что эту книгу не часто перелистывали. Все листы этой книги были одинаково деформированы, как будто тот первый, кто начинал ее писать перед тем, как закончить

первую страницу, листал все страницы одну за другой, и так каждый раз, завершая работу над очередным листом. Далее я просмотрел все страницы, пытаюсь выяснить, как менялись цвет краски и иероглифы, и пришел к выводу, что все было написано абсолютно одинаковым почерком, как будто это было написано только что.

С какого-то момента я почувствовал, что между мной и фюрером установился уже знакомый мне контакт, и он понимал без слов все, что я думал, и он воспринимал все мои мысли. Я чувствовал, что фюрер как бы экзаменовал меня, и все, что я пока сделал с этой книгой, полностью подтверждало его наблюдения, и это вселяло уверенность в что-то, чего я не знал.

Теперь, когда я приступил к конкретному изучению текста этой книги, он воспринимал все до мелочей, причем, одновременно следя за моей речью, когда я начал перевод, и затем, как я все интерпретировал, искал варианты перевода, - а это был древний письменный тайский и я знал только то, что нашел мне Мартин в Китае и Тибете.

Перед переводом я пересчитал все страницы книги, – сколько записанных и пустых (их всего оказалось 357, из них 37 было чистых), сразу попытался найти временные параметры занесения записей в священную книгу, прежде чем приступить к переводу. Первая страница сразу дала ответ на мой вопрос: “В полную Луну на закате Солнца посланец

небес посетил нашу обитель. Он вышел из шара, обрамленного диском, и обратился ко мне со словами приветствия, попросив на нашем языке описать его появление. Я принял из его рук книгу, открыл ее и на светло-желтом пергаменте прочитал: **СВЯЩЕННАЯ КНИГА МУДРОСТИ И ТЕРПЕНИЯ**. Я перевернул страницу и на чистом листе начал описывать то, что мне говорил и показывал пришелец. Они прибыли к нам давно, когда на Земле уже сменились миллион Лун. Они выбрали наши горы, самые высокие и чистые, что бы оставить то, что понадобится людям, когда они начнут постигать смысл своего появления на этой планете. Они появились среди племен, и их выносили в своем чреве женщины из этих племен, и они были похожи на них, пришельцев, и ничем не отличались от них, только их ум выделял из среды таких же, и как они сами, племен. И были они среди белых, желтых и черных по цвету племен, и те, кто смог победить стихию жизни, стали вождями, и к тем из которых, кто смог объединить племена, осознавшие заветы и правила их вождей, приходили пришельцы и помогали. И было их семь, и один из них был Будда”.

Я пытался, как можно более точно перевести смысл написанного, но фюреру было уже достаточно того, что я медленно переводил. Он получил ту информацию, которую хотел получить, и может быть, он уже обладал этими сведениями,

только теперь он больше уверовал в то, что было известно лишь ему одному.

- Хорошо, хорошо Иоахим, так и было, так и было - ты слышишь, Мартин? - я тебе говорил еще тогда, как мы встретились с тобой в Вене, а потом в Баварии.

- Это так, мой фюрер - дрожащим от волнения голосом произнес Мартин, - провидение тогда ниспослало немцам Адольфа Гитлера, и немцы возродят свой дух и терпение, униженные кровавой бойней, учиненной монархами. Они верят тебе, мой фюрер, и будут тебе верить всегда, а самые преданные тебе пойдут за тобой до конца.

- Продолжай Иоахим, продолжай.

Не знаю, сколько времени прошло, когда я прочитал последнюю страницу. До сих пор не стерлось в моей памяти и сохранилось как бы зримо: “ В год БЕЛОГО ДРАКОНА придет человек с прозрачной рукой и духом Будды, хотя он будет арийцем. Он откроет священную книгу, и впитает ее умом и сердцем. И отринет зло мирское, и заставит народы поверить ему, и будет послан он творцом, и попытается заставить людей поверить в себя и в свое предназначение, в совершенство духа. И ждут его на этом пути тяжкие испытания, и он пройдет через них снова, и снова.”

Все это время фюрер и Мартин внимательно слушали, а мной кто-то руководил - я бы не смог все так точно и быстро переводить.

-Спасибо Иоахим. А сейчас я верну эту священную книгу туда, где она хранилась века и будет храниться, пока существует Третий Рейх, ибо ее содержание осталось в моем сердце и в моей голове. Мы начали возрождение Германии и наша партия поведет за собой не только немцев, но и другие народы, заблудшие в тьме стремительного прогресса. Одни иудеи сохранили себя, не имея своей земли, и постигли то, чего не постигли другие. И они растворились среди других народов, и были, как мы. Но они предали Иисуса, а он совершил ошибку, простив Иуду, а погладив его голову своей ладонью, невидимую Иуде, передал ему через свою ладонь частицу космического разума. Они растворились среди нас, и путь им один - на свою землю, в Палестину, и пусть они живут сами, не смущая другие народы, пока Всевышний не простит им грех Иуды.

Фюрер надел теплую одежду, взял книгу, спустился по приставной лестнице и закрыл за собой дверь. В салон проник прозрачный и морозный воздух, стало прохладно, окошки постепенно покрывались инеем и сквозь них мы с Мартином увидели удаляющуюся фигуру фюрера, как бы растворившегося в морозном воздухе. Стекла окончательно заиндевели, а когда мы протерли их своими руками, то увидели безбрежный белый простор с огромными вершинами синих гор и больше ничего. Постепенно стекла оттаяли, стало

тепло, и мы стали ждать его возвращения.

Каждый был поглощен своими мыслями. Мартин, через некоторое время опять уткнулся в свои бумаги. А я находился в каком-то странном состоянии, как будто бы через меня прошла вся история Тибета.

Я не ощущал своего тела, и сотни стрел каких-то воинов поражали меня, а я ловил эти стрелы своими руками и пучками бросал их во врагов, и они были повержены; новые сотни воинов двигались на меня со всех сторон. Здесь, я снял свою перчатку, вытянул руку по направлению к множеству воинов, конных и пеших, окруживших меня плотным кольцом, провел ею по всем слева направо, и все они упали бездыханными. Потом появился огромный дракон. Стало жарко от огня. Подо мной стал таять лед и закипела вода. Я стал погружаться в горячую жидкость, и вскинув руку по направлению к страшному чудовищу, увидел, как из нее возник яркий и тонкий луч, и я этим лучом разрезал страшного дракона. Вода вокруг стала остывать. Через некоторое время я увидел, как все пространство, покрытое водой, стало замерзать. Постепенно вся она опять превратилась в прозрачный голубой лед, а я, выпрыгнув из маленькой ямки, заполненной водой, оказался на гладкой поверхности.

Ямка с водой мгновенно затянулась льдом, таким же голубым и прозрачным, как и все вокруг, а под

ним были видны зеленые долины, реки, в которых струилась прозрачная вода, передвигались люди, стояли постройки, находились животные и над всем этим как бы простиралось голубое небо. Потом я вдруг очутился в храме, где восседал на золотом троне огромный Будда, а в его больших руках лежала Священная Книга, и рядом находились буддийский монах и фюрер. А над его головой висел серебристый шар с диском, искрящийся всеми цветами радуги.

Свет от этого шара делался ярче и ярче. Будда постепенно таял в пространстве. Все вокруг стало прозрачным. Через некоторое время я очутился на склоне горы, покрытой мягкой, шелковистой травой с маленькими пахучими цветами, а вокруг были леса, горы, в долинах текли реки. На моем месте ничего не было, так как не было и меня, Некий человек в причудливой шапке с завернутыми, острыми краями, одетый в расшитый серебром и золотом сарафан, прошел мимо меня, не заметив моего присутствия, и только оглянулся, скрестил ладони и поднес их к голове, низко наклонившись.

На этом мой сон прервался, так как дверь самолета открылась, и появился фюрер.

- Друзья, я устал, и Вы отдохайте - мы возвращаемся домой, - и с этими словами он проследовал в свой салон.

Закрыв глаза, что бы вернуть чудесное видение, я стал постепенно погружаться в сон – все

стало расплываться, и последнее, что я успел ощутить – сладкую истому в теле.

* * *

Как я уже говорил, понятие времени как-то трансформировалось в новое измерение, и так как часов у меня не было, я мог ориентироваться только по Солнцу - какая часть дня сейчас “существует” в моем сознании. Сначала я ощутил физически легкую тряску, потом звук работающих двигателей, потом почувствовал легкое похлопывание по плечу, и когда я уже полностью проснулся и открыл глаза, то увидел Мартина, который улыбался.

- Вот, Иоахим, мы и прибыли к тебе на родину, в Баварию. Машина отвезет тебя домой, ты отдохнешь, и через неделю я с тобой свяжусь. Фюрер очень доволен твоей работой.

Мартин отворил дверцу, опустил лестницу, двигатели самолета продолжали работать, а вдали, в метрах 50-ти, меня поджидала машина, к которой я направился. Самолет вырулил на полосу, двигатели стали набирать обороты, и через минуту он взмыл в воздух. Возле машины меня встретил незнакомый, симпатичный и высокий белокурый человек, и приветливо улыбнувшись, спросил:

- Герр Штальбергер? Добро пожаловать на родину.

- Спасибо, с кем имею честь?

- Ганс, зовите меня просто Ганс. Вас уже ждут дома.

Перед тем, как сесть в машину, я посмотрел на небо. Солнце находилось на юге, – значит, был полдень, я отсутствовал ровно 9 часов.

Дома меня уже ждали. Профессор заранее оповестил родителей о моем приезде.

Не буду рассказывать о пребывании дома. Это Вам, будет неинтересно. Отмечу только одно, – мое поведение и мое восприятие всего, что было связано с моей личной жизнью, оставались такими же, как будто и не было этих 9 часов необычного путешествия. Я оставался таким же, как и раньше.

В 1933 году я успешно завершил обучение в университете и продолжил свою работу в лаборатории профессора Шнайдера. Через пол года по его настоянию я получил степень ассистента-профессора. Ученый совет признал мои исследования в области лингвистики крупным вкладом в германскую науку, и в виде исключения, как молодой ученый, был оставлен в университете на стипендии.

Шел исторический год в истории Германии - к власти пришли национал-социалисты, а Адольф Гитлер официально был избран лидером германского народа. За эти два года я дважды получал открытки с поздравлениями по случаю Нового года и в связи с моим днем рождения. Тексты были стандартные, открытки тоже, подписанные одной

буквой М., что дало повод Кюльхен подшучивать надо мной - мол, таинственная незнакомка меня помнит. У нас родился сын. Жена уехала к моим родителям. Они ее очень любили и приняли в дом, как дочь. Кюль занялась воспитанием нашего сына.

* * *

За эти два года я ни разу не был в лаборатории. Я был поглощен своей работой, и в какой-то момент забыл все, что произошло со мной, даже мою руку. И только однажды ночью у себя в берлинской квартире, которую арендовал недалеко от университета, - я, повинувшись какому-то внутреннему требованию, снял перчатку и снова увидел прозрачное запястье. Произвольно положил ладонь на голову и вдруг явственно услышал, почувствовал, ощутил материально фюрера, который сказал, - конечно же, не сказал, а опять неведомым мне способом стал общаться со мной:

- Иоахим, мой мальчик, я тебя не забыл и всегда помню о тебе. Тебе ничто не угрожает, и в скором времени мы встретимся. У меня много неотложных государственных дел и я целиком отдал себя строительству Третьего Рейха. Все, что мы сделали с Мартином и с тобой, окажет неоценимую пользу нашему отечеству. Скоро Мартин тебя навестит. До встречи, Иоахим!

Машинально опустив руку и надев перчатку на руку, я опять ощутил реальное время и мое

состояние в этом реальном времени.

Через несколько дней мне позвонил Мартин. Это был его голос - глуховатый, приветливый. – будто мы только что говорили и не прошло целых два года с момента нашей последней встречи.

- Иоахим, я рад снова слышать тебя и буду очень рад увидеть тебя снова. Машина прибудет на обычное место через пол часа.

Я подошел к знакомому перекрестку и увидел темный Хорьх. Из машины вышел Ганс и открыл дверцу.

- Я рад тебя видеть, Ганс!

- Я тоже, герр Штальбергер. Машина к Вашим услугам.

Ганс вел машину, а я сидел рядом с ним и смотрел по сторонам. Все тот же Хорьх, с тем же прозрачным ограждением, отделяющим водительское сиденье от салона, только на этот раз я мог рассмотреть свой Берлин во всей его красе.

По Унтер ден Линден мы проехали Бранденбургские ворота, свернули на Мольтке, затем по Мюллер штрассе мимо аэродрома и далее по Зайдель, Берлинер, Хайлензее выехали на Ганнингсдорф, в районе которого и находилась лаборатория.

Все было знакомо - и то, как мы въехали в ворота, как остановилась машина у входа в особняк, как открылись массивные двери и я попал в знакомый мне холл. Навстречу мне шел Мартин.

- Здравствуй, здравствуй дорогой Иоахим, – и Мартин крепко меня обнял. – Несмотря на пролетевшие годы, я будто бы, как в первый раз, ощущаю радость от нашей новой встречи! Хотя, по правде сказать, за эти два года мне пришлось изрядно попотеть - наша партия под руководством фюрера добилась больших успехов, и большинство немцев поверило в нас. Уверяю тебя, Иоахим, бумажная работа партийного функционера тоже важна для будущего Третьего Рейха. Ты и сам, наверно, увидел большие перемены в нашем обществе, хотя ученым мужьям, поглощенным своими исследованиями, свойственно все воспринимать иначе, чем простому человеку.

А ему надо создать условия для хорошей жизни, благополучия, счастья, что, в конечном итоге, дает гарантированная работа, и не только на личное благо - хотя это самое главное, - а и на благо общества. И я верю, что маленький Иоахим-младший, как истинный ариец, пойдет по стопам своего отца – в нем, как и в миллионах маленьких немцев, навсегда останется любовь к родителям, к своей Родине, к фюреру, несмотря на все невзгоды и потрясения.

- Спасибо Мартин за трогательные слова, я искренне растроган Вашим вниманием к моей семье и будущему моего сына.

Я уже привык к тому, что во время наших встреч мы всегда обсуждали какие-то проблемы,

связанные как с моей работой, так и с необычными свойствами моей руки, и никак не ожидал столь эмоционального проявления чувств к моей персоне и к моей личной жизни. Поэтому я был смущен подобным обращением ко мне человека, занимавшего одну из самых высоких ступеней в правительственной и партийной иерархии, и хоть портреты Мартина Бормана не красовались на стенах домов и на страницах газет и журналов, он был действительно был сам близким сподвижником Адольфа Гитлера по партии. Я все это знал не по наслышке, общаясь с Мартином Борманом во время наших встреч с фюрером. Но для миллионов немцев Мартин Борман оставался в тени общественного внимания. Хотя, признаться, меня эти проблемы интересовали только за воскресным обедом в кругу нашей семьи, где главным сторонником реформ фюрера всегда выступал отец, а я, как и полагается сыну, с уважением относился к его суждениям о будущем Германии, искренне поддерживая его взгляды, хотя глубоко и не вникал в их суть.

Фюрер появился, как и в прошлый раз, незаметно, и я сразу ощутил его присутствие. За эти два года само имя Адольфа Гитлера, вождя немецкого народа и главы государства, вызывали глубокое почтение и - не побоюсь этих слов - любовь большинства немцев. И я, повинувшись этому новому восприятию образа фюрера, замер от

почтения и робости.

- Иоахим, мой мальчик, я всегда для тебя твой старший товарищ и друг, хотя и понимаю твое состояние. Уверяю тебя, Иоахим, хоть и прошло два года, я с нетерпением ждал новой встречи - только вместе с тобой и Мартином я ощущаю себя свободным человеком, не обременным грузом государственных проблем, хотя - как ни верти, как не крути, - никуда от них не денешься - правда, Мартин? Ему ведь досталось больше всех в партийном строительстве, и за эти два года у него волос с головы выпало больше, чем у меня. Я рад, что у тебя растет замечательный сын, что твои родители в добром здравии, а Кюльхен растит Иоахима-младшего, настоящего немца. Рассказывай, Иоахим, как твои достижения в научной работе? Я знаю, как ты блестяще начал свою научную карьеру, Я рад твоим успехам.

Мы опять сидели за тем же большим столом, в центре в фарфоровой вазе стояли свежие цветы, на столе были те же фрукты, а возле камина - те же три маленьких бочонка пива.

- Мой фюрер, я безмерно счастлив, что Вы вспомнили обо мне, и я - если Вы позволите - выражу слова восхищения Вашей деятельностью во благо Германии. Мой отец и вся наша семья искренне верят Вам и преданы Вашим идеям.

Тут Гитлер перебил меня и произнес:

- Дорогой Иоахим, я ценю твою искренность и

понимаю твою робость, хотя я еще раз повторю тебе – ты хоть и самый молодой среди нас, но равный с нами. И храни тебя Господь от тех забот и той работы, которую ведем мы с Мартином, с моими сподвижниками, единомышленниками, и вынуждены волею судеб быть на виду у нации, на виду у всех народов земли. Поверь нам, мы храним тебя и любим, как самого близкого человека, и твое предназначение – исполнить волю твоего верного старшего друга тогда, когда в этом возникнет необходимость.

Наш путь тернист, Иоахим, и мы только в его начале, хотя первые итоги нашей работы по созданию новой Германии вселяют оптимизм. Твой отец, наверняка, рассказывал тебе о войне, о ее страшной природе, как она пожирает миллионы жизней, об унижении немцев, волей судьбы оказавшихся во власти растленных монархий. Не все монархи были настолько глупы, чтобы не заботиться о своих поданных, но то, что родилось на нашей родине в больной голове полу-немца, полу-еврея, смутило разум многих народов Европы, а революции, кроме страданий, ничего не дали.

А ядовитые зерна всеобщего равенства и братства нашли благодатную почву на огромной территории Российской империи, где сначала социалисты, потом коммунисты и их лидеры, большинство из которых были евреями, разрушили вековые традиции европейских народов и решили

построить мировое коммунистическое общество, в котором все должны быть равны. Господь спас Германию от этих благодетелей – сначала в середине 19 века, а потом в 1933 году, когда эта коммунистическая чума чуть было не заразила и наш народ. Но в России идеи “пролетарского интернационализма” и всемирного коммунистического общества нашли благодатную почву. Коммунистические демагоги преуспели в построении такого государственного строя, где идеи большевистской партии должны были стать главным в жизни народов, населяющих СССР. Надо отдать должное их таланту и азиатскому коварству - сами принципы организации власти и пропаганды коммунистической идеологии были настолько совершенны, что мы многое использовали и в построении нашей партии, не смотря на коренное отличие идеологических основ национал социализма и идей коммунизма. Мы никогда не губили своих сограждан, тем более тех, кто составлял цвет нации. Это делал Сталин в СССР. И если мы давали возможность уехать евреям из Германии и строить свое собственное государство, то Сталин уничтожил лучшую часть своего народа, а оставшиеся в живых, соглашались на все, лишь бы выжить. И мы, немцы, должны были показать пример того, как надо жить и работать, что бы все были равны в правах и одновременно заслужить не только уважение нации, но получить материальные

блага в соответствии с личным вкладом в развитие Третьего Рейха, что бы все немцы получили возможность трудиться на благо своей родины, что бы каждому обеспечить условия для счастливой жизни. И мы это сделаем, и сделаем быстро и основательно, показав пример всему миру. И твое место в этом процессе значительное, Иоахим.

Я ни разу с тобой не говорил о нашей партии, да и Мартин мне тоже посоветовал оградить тебя от наших земных дел. Правда, когда наша партия пришла к власти и ее поддержали большинство немцев, для нас важно было привлечь в ее ряды как можно больше граждан Третьего Рейха, – безусловно, сознательно, безо всяких предварительных условий - социального положения, происхождения и вероисповедания. Только одно - добровольное соблюдение ее принципов и идеологии.

Это партия единомышленников, хотя мы и сознаем, что человеческие слабости могут иметь место в жизни рядовых членов партии. И мы понимаем, что и в будущем, в руководстве партии, могут быть руководители, не преодолевшие эти слабости. И мы в каждом случае будем соизмерять дела члена партии и проявление его чисто человеческих слабостей, и в каждом конкретном случае это будет принципиальная критика своих товарищей.

Роль лидера партии, которому доверяет народ,

ведущая. И мы этого не скрываем, Иоахим. Ни в одной из партий, существующих в развитых странах, ответственность за судьбу народа, который доверился ее идеям, не определена - в так называемых парламентских или демократических странах никто из лидеров правящих партий не взял на себя смелость отвечать за судьбы миллионов граждан лично. Ни один из современных демократических лидеров или монархов, - где зачастую монархии превратились в декорацию или в пособников религиозных догм, - нет такого лидера, который взял бы добровольно на себя эту тяжелую ношу – отвечать за судьбы миллионов людей.

А я взял эту ответственность за судьбу всех немцев, и взял на себя их заботы и печали, оставляя им только радость бытия в Третьем Рейхе. И я бы хотел услышать от тебя, Иоахим - как ты сам чувствуешь, - насколько близки тебе идеи партии, готов ли связать свою судьбу с ее судьбой?

- Мой фюрер, я не идеолог и тем более не политик. Я простой немец, хотя судьба подарила мне счастье встретиться с Вами и Мартином. И если Вы считаете, что Иоахим Штальбергер достоин быть членом партии фюрера, для меня это будет великая честь. Я это говорю искренне.

Фюрер молча подошел ко мне и крепко обнял. - Что, Мартин, он достоин, быть членом нашей партии?

Мартин также молча обнял меня и сказал:

- Ну что-ж герр Иоахим Штальбергер, я с удовольствием выпишу тебе удостоверение члена партии. А фюрер лично подпишет его.

С этими словами Мартин открыл папку, извлек членский билет и положил на стол. Гитлер сел на стул, достал вечное перо и уверенно расписался в партбилете, подвинув его Мартину. Тот тщательно поставил печать и вернул его фюреру. Гитлер торжественно произнес:

-Поздравляю, Иоахим, с вступлением в наши ряды. Мы, правда, нарушили Устав нашей партии по процедуре приема, но это особый случай, когда мы сделали такое исключение из правил.

А сейчас, Иоахим, я задам один вопрос. Во всех разведках существуют способы пересылки секретных сообщений, составляющих государственную тайну. Это осуществляют шифровальщики. Для связи с нашей агентурой в других странах сейчас мы используем радиосвязь. Чем хитроумней будет шифр, который придумают специалисты, тем успешнее будут выполняться задачи разведки.

У нас есть очень хитрые коды, и пока мы ими довольны, хотя они должны обновляться. Но, нам нужен такой шифр, которым я, и мои ближайшие соратники, могли бы пользоваться в особых случаях и число этих людей ограничено, очень ограничено, Иоахим. Кроме меня, Мартина и тебя, еще нескольких членов партии.

Можешь ли ты, используя свои знания в

лингвистике и то, что усвоил из перевода Священной Книги Тибета, составить такой код? Я понимаю, что ты не специалист в области криптографии - это целая наука, но попытайся придумать такую системы кодирования сообщений, которая была бы абсолютно неразгаданной. Попытайся, Иоахим, я верю, что у тебя должно что-то получиться. Необходимые материалы по криптографии тебе подготовит Мартин. А сейчас пройдемся по лаборатории.

Гитлер взглянул на Мартина, и его глаза заискрились лукавством. Мартин направился к двери, за которой находилась лаборатория. Когда он открыл ее, я шагнул вперед и остановился, как вкопанный. Впереди находилась лужайка, аккуратно подстриженные газоны и деревья – все такое же, как и при въезде на территорию, где была расположена лаборатория. Больше ничего - ни огромного зала, заставленного приборами и механизмами, в центре которого располагалась чечевицеобразная конструкция, на которой мы с Мартином проводили опыт, ни других комнат. Всего этого не существовало. Видя мое смущение, Мартин засмеялся и сказал:

- Это маленький сюрприз, Иоахим. Теперь все находится в другом месте, поскольку по соображениям безопасности мы все перевезли в Баварию, поближе к твоему дому —как это тебе нравится? Это была идея фюрера.

Да, да Иоахим – рассмеялся Гитлер, - наша шутка удалась! А теперь пройдемся по этой чудесной кленовой аллее и поговорим серьезно. Ты уже догадался, что мы стараемся воссоздать аппарат, на котором появились у нас космические пришельцы.

И на Кавказе, и в Тибете я получил то, что поможет нам быстро, очень быстро, достичь прогресса в области науки и техники. Я говорил, что на каждом историческом этапе развития человечества космос через своих посланцев нам помогает делать открытия, и только тогда, когда созрели определенные условия для их появления. Это как бы осенение умов выдающихся ученых и инженеров, вызванное космическим разумом. Кроме этого, мы там нашли и конкретные технологии, осуществленные в материальных формах, и которые использовались много тысячелетий на Земле.

Наши ученые, инженеры, рабочие подняли технический прогресс в Третьем Рейхе на небывалую высоту и для этого потребовалось всего 5 лет! Пять лет, Иоахим! Мы как никакая другая страна - Америка, Британская Империя, - достигли таких высот технического прогресса, что позволяет нам не только создать высокий уровень жизни наших граждан, но и сильные вооруженные силы.

К сожалению, Иоахим, нас ждет тяжелая судьба, потому что мы находимся в окружении недружественных стран, которые под давлением

своих лидеров и партий делают из Германии пугало для народов Европы и Америки. Если Америка и Европа бояться нашего экономического могущества, то Советы через своих приверженцев во всех странах мира наносят вред европейской и мировой цивилизации. Коммунистическая демагогия лишает рассудка граждан многих стран, которые добровольно становятся коммунистическими агентами, забыв свою историю и культуру.

И Германия должна иметь достаточно сил, что бы отразить агрессию Советов. Немцам предстоит еще осознать свою роль в мировой цивилизации, хотя многие, уступив мещанским и бюргерским инстинктам, не понимают роли Третьего Рейха в формировании человека будущего. Здоровая и полнокровная нация, где женщины будут рожать здоровых детей, а мужчины будут обеспечивать свои семьи достатком и воспитывать себя и своих сыновей бесстрашными воинами Третьего Рейха! Любовь к Родине, порядок, достаток, дисциплина, свобода, здоровый образ жизни - вот что должно сделать немецкую нацию непобедимой. И мы все отдадим ради тожества наших идей национал социализма. И мы должны победить!

В эти минуты Адольф Гитлер олицетворял не только весь германский народ, но и вождя, который непоколебимо верил в будущее своей Родины.

- Для воссоздания такого аппарата, в котором мы

находились, необходимо еще многое сделать. Но самое главное - это заставить его перемещаться и в атмосфере, и в космосе. К сожалению, создать такое вещество, из которого сделан двигатель, пока невозможно, хотя сама идея гениально проста.

Как мне доложили наши ученые, любой диск, обладающий невесомостью, при вращении вокруг своей оси создает подъемную силу, и чем больше скорость его вращения, тем больше эта сила. Эта сила возникает только тогда, когда вещество, из которого сделан диск, лишено каких-то атомов, и тогда он способен перемещать материальные и биологические объекты в пространстве, используя огромные гравитационные силы, присутствующие в космосе.

Я не разбираюсь в таких вещах. Но, как я представляю себе, это будет плоский диск с отверстием посередине, с двух сторон закрытый как бы половинками яблок, а в месте разреза установлен некий двигатель, который будет вращать этот диск, и в силу его необыкновенных свойств это сооружение будет перемещаться в воздухе. И вот, здесь понадобятся наши руки, Иоахим, в которых содержится это необыкновенное вещество. Мы в течение длительного времени должны активировать этот диск, перенося по микроскопическим частичкам его на диск, и тогда он будет обладать необходимыми свойствами.

У меня всегда возникает ассоциация, с кистью,

которой пишешь картину. Я всего лишь любитель, но всегда это необыкновенное ощущение приходило ко мне, как только я начинал работу. Воображение материализуется посредством красок и мазков, и появляется на холсте то, что ты задумал. Ты, Иоахим, - если можно тебя сравнить с художником - будешь создавать техническую картину, одухотворяя будущий необыкновенный аппарат, который должен возвеличить Третий Рейх. Ну а Мартин покажет новое тебе новое место работы.

Фюрер подошел ко мне, пристально посмотрел мне в глаза. И в его взгляде я прочитал все, что я должен был делать. Он обнял меня и крепко прижал к себе. “Мы не скоро встретимся, мой мальчик, но я всегда буду с тобой рядом. Мне очень трудно – пытаться переделать мир и искоренить зло, построить за короткое время могучий Третий Рейх, которому суждено существовать тысячу лет, и объединить народы. Я надеюсь на помощь Всевышнего”. Он опустил руки, повернулся и молча пошел вглубь аллеи по выложенной красным кирпичам дорожке.

- Иоахим, поверь мне - то, что задумала наша партия, требует титанического труда, и в первую очередь, ее вождя. Я чувствую, что ты чем-то встревожен. Может тебе показалась непосильной задача, которую поставил перед тобой фюрер?

- Нет-нет Мартин, это совсем другое. Вы же

знаете, что я сознательно стал членом нашей партии, принял ее идеи и так же сознательно выполню все, что прикажет мне фюрер. Мне просто показалось, что он чем-то озабочен, по-человечески устал - я это прочитал по его глазам. А я ему ничем, кроме своей преданности, не могу ничего предложить!

-Дорогой Иоахим, фюрер очень сильный человек, он - сверхчеловек, и таких людей история еще не знала. Но, он, как и все мы - человек, и как все люди, так же принимает близко к сердцу все проявления жизни, ее радости и невзгоды. Только, мы ограничены достаточно небольшим кругом близких людей, друзей и знакомых, а у него - их во много раз больше, и больше ответственность за судьбы этих людей, ответственность за судьбы всех немцев. А сейчас такое время, что ему надо своей волей и властью, с помощью нашей партии, создать условия для хорошей жизни всех немцев, занять их работой, дать возможность заработать средства, обеспечить свои семьи всем необходимым, что бы каждый мог продуктивно трудиться и отдыхать. Тем более, что Германию окружают другие страны, с другой судьбой и другими нравами, населенные другими народами, и нам уже сейчас приходится испытывать трудности. Уверяю тебя, он ощущает твою любовь и преданность и ценит это.

А сейчас, Иоахим, я тебя ознакомлю с нашим планом и твоей ролью в его осуществлении. И все

это сделаем на месте, в Баварии. Лаборатория находится в 50 км. от Мюнхена и в 45 км. от твоего дома. Выезжаем туда завтра. Все формальности я уже уладил - профессор Шредер и твои сослуживцы знают, что ты будешь работать в Мюнхене.

* * *

Утром, как обычно, за мной заехал Ганс, и мы с Мартином двинулись в Баварию. В Мюнхене Мартин вышел, а я проследовал к своему дому. Мартин мне дал два дня отдыха. Я их с удовольствием провел в кругу семьи. Отец был очень доволен моим новым местом работы, а о Кюль не приходилось и говорить. Моей зарплаты хватало на все расходы, а оставшуюся часть денег Кюль откладывала на отпуск. Отец не расспрашивал о работе, – с тех пор, как я стал членом партии, он гордился мной еще больше и понимал, что я занимаюсь очень важным делом.

Два дня пролетели незаметно - и вот я направляюсь к месту моей будущей работы. На этот раз Ганс свернул на узкую проселочную дорогу, мы проехали небольшую горную речушку, далее по лесной дороге подъехали к горе, покрытой растительностью. Мы прямо уперлись в ее подножье, остановились, в горе стала образовываться щель, постепенно превращающаяся в большие ворота. Внутри было светло, горели яркие

электрические светильники. Ворота за нами закрылись. Мы проехали метров сто по широкому туннелю, затем Ганс выключил мотор. Мы вышли из машины.

Мартин молча открыл дверь. Пропустив меня вперед, он закрыл дверь и тотчас включилось освещение. Впереди находилось знакомое помещение лаборатории с теми же механизмами, приборами и чечевицеобразным сооружением с блестящим диском в центре. Все было и знакомым, и каким-то новым.

Во-первых, само помещение было просторное и намного больше того, что находилось на окраине Берлине в красивом двухэтажном особняке. За это время сама конструкция «тарелки» изменилась и ее очертания стали похожими на космический аппарат пришельца.

Комнаты были просторнее, двери были снабжены какими-то механизмами для открывания. Мартин молча подвел меня к широкой двери, нажал какие-то кнопки - и вот мы идем по широкому, ярко освещенному туннелю, длиной метров 50. В конце его Мартин проделал какие-то манипуляции с кнопками, и перед нами открылись на уровне груди две небольшие створки, через которые я увидел небольшое горное озеро, расположенное между скалами, окружающими его со всех сторон.

Мартин молча продолжал меня удивлять подземным “заводом”, как я уже про себя прозвал.

Мы опять подошли к какой-то двери – те же манипуляции с кнопками – и вот мы в лифте спускаемся вниз. Открыв очередную дверь, Мартин, наконец, остановился, и дал мне перевести дух.

В центре большого зала находилась вторая чечевицеобразная конструкция несколько большего размера. Потолок был плоским и, как мне показалось, был размером 40 на 50 метров. В центре были какие-то плоские плиты, механизмы, тросы. Высота этого помещения была не более 8-10 метров. Мартин продолжал удивлять меня дальше. Он подошел к какому-то ящику, который висел на стене, опять манипулировал с кнопками, ящик открылся и там опять я увидел десятка полтора кнопок, ручек, лампочек и приборов. Он что-то включил, раздался негромкий, глухой звук, как будто бы потекла вода по большой трубе. Через минуты три-четыре шум прекратился, Мартин нажал очередные кнопки-ручки, замигали лампочки, помещение стало постепенно светлеть, вернее, к электрическому, искусственному освещению добавилось другое, более яркое.

Когда я обернулся, в центре потолка зияло круглое отверстие диаметром метров 15 и все вокруг залилось ярким солнечным светом. Пораженный, я медленно приблизился к необычной конструкции и, подняв голову, увидел синее небо, белые редкие облака и яркое солнце в небе.

- Мартин, Вы хотели менять поразить? Вы

добились своего!

-Иоахим, извини, что я все это тебе демонстрировал - эти чудеса техники сотворили немцы. Это - самая секретная лаборатория в Третьем Рейхе. Есть еще несколько других исследовательских центров, в других местах, но эта - самая секретная. О ее существовании знает очень ограниченный контингент - абсолютно проверенные и честные люди, члены нашей партии. Уверяю тебя, что здесь соблюдены все предосторожности, чтобы этот объект - Мартин впервые назвал все это объект - никто никогда не смог обнаружить. Даже случайно. Вот здесь и придется тебе трудиться, Иоахим.

* * *

Первую часть своей работы я закончил через год. Когда месяцем позже я встретился с Мартином, он был в приподнятом настроении и сказал, что шифр, который я придумал, уже проверил фюрер.

- Ты представляешь, Иоахим, когда зашифрованный текст был передан нашим самым крупным специалистам в области криптографии, то те через некоторое признались в том, что разгадать его невозможно. После этого, по моему указанию, были отправлены сообщения с таким расчетом, что бы разведки ведущих стран мира и, конечно, СССР, могли обнаружить их и попытаться дешифровать.

Результат превзошел все ожидания - по нашей информации, работы над этим шифром уже ведутся в этих странах, и я думаю, они будут вестись еще много-много лет.

А теперь, Иоахим, я познакомлю тебя с теми, кто вместе с тобой будет осуществлять этот проект. Эти пять молодых немцев, членов нашей партии, являются цветом нашей молодой научной мысли и олицетворяют ее будущее. Это истинные арийцы и служат делу фюрера душой и телом, и никогда не предадут.

Впервые за все время нашего знакомства Мартин заговорил о преданности и верности. Я подумал, что у него есть на это свои причины. Ведь до сих пор, кроме Фюрера, Мартина и меня, никто не был посвящен в дела, которым уделял первостепенное значение Адольф Гитлер. Это было связано не только с необычным летательным аппаратом, который нас сопровождал, но и с той информацией, которой располагал только он, и которую он добыл на Кавказе и Тибете.

- Да, да - как-бы читая мои мысли, продолжал Мартин. - Настало время, когда именно в этой работе ты будешь постоянно общаться с этими молодыми учеными, которую знают тайну твоей необыкновенной ладони, Иоахим, и именно им - лично им - он доверил часть нашей тайны. Я думаю, что ты в скором времени сам почувствуешь потребность общения с этими немцами и уверяю

тебя, Иоахим, ты не обманешься в своих ожиданиях. Ты будешь среди своих сверстников равным им по интеллекту и человеческим качествам.

Когда мы вошли в большую, светлую комнату, за столом нас уже ждали пять молодых людей, среди которых я узнал... водителя Ганса, который встречал меня на аэродроме и потом, позже, привез в Баварию. При нашем появлении все встали - это приветствие старших по возрасту мне было знакомо еще со студенческой скамьи.

Садитесь, друзья. Настало время представить Вам Иоахима – члена нашей партии. Вместе с ним Вы будете работать над самым необычным проектом, в детали которого Вы уже посвящены. Иоахим вместе со мной сопровождал нашего фюрера в его историческом путешествии и сейчас настало время продолжить большую работу, которая возвеличит нашу нацию.

Обращаясь ко мне, Мартин представлял сидящих за столом молодых людей.

Это Ганс, ты его уже знаешь, хотя, наверняка, и не представлял, кто он на самом деле.

Ганс подошел ко мне, я поднялся, мы посмотрели друг другу в глаза и крепко пожали руки.

Я счастлив, Иоахим, что мы будем вместе работать, и я надеюсь, что мы подружимся. Я закончил Гейдельберг по курсу теоретической физики, вторая специальность - теология. Надеюсь,

что мои скромные знания помогут нашему отечеству.

- Ганс, это для меня сюрприз! Если все молодые физики будут похожи на тебя, Ганс, немцы начнут заниматься только физикой, а германские женщины почтут за честь иметь похожих на тебя детей!

Последняя фраза, произнесенная мной, сразу сделала обстановку менее официальной, и я понял, что нахожусь среди друзей. Мартин улыбнулся и произнес:

- Я рад, что Вы сразу установили контакт, и необходимость моего присутствия отпадает. Знакомьтесь, мои молодые друзья, а я покидаю Вас.

А дальше все шло, как в добрые студенческие годы.

- Меня зовут Гюнтер, закончил, как и Ганс, Гейдельберг, только двумя годами раньше, химик, вторая специальность металловедение.

- Иоахим, Берлинский университет, лингвистика. Лаборатория профессора Шредера.

- Меня зовут Карл, Дрезденский университет, радиофизик, стажировка в Кембридже.

- Иоахим, Берлинский университет, лингвистика. Лаборатория профессора Шредера

- Меня зовут Герман, Гейдельберг, математика и матфизика, вторая специальность философия.

- Иоахим, Берлинский университет, лингвистика. Лаборатория профессора Шредера.

- Вильгельм, Берлинский университет,

астрономия и астрофизика, вторая специальность история.

- Иоахим, Берлинский университет, лингвистика. Лаборатория профессора Шредера.

- Я помню Ваш доклад, Иоахим, когда Вы заканчивали университет. Самое большее, на что я был способен, так это выучить английский и латинский.

А дальше мы стали вспоминать общих учителей, знакомых, однокурсников, рассказывали друг другу о своих родных и близких. Остаток дня прошел незаметно и я для себя отметил, что находиться в обществе этих людей мне приятно и интересно.

- Иоахим, поскольку ты один из нас семейный человек, и твоя Кюль растит твоего сына, ты можешь в любое время бывать дома. Я буду довозить тебя до последнего пункта нашей лаборатории, откуда ты сам сможешь добраться домой. Управление автомобилем тебе знакомо.

В дороге тебя будут сопровождать специально подготовленные, для обеспечения твоей безопасности, люди. Ты их присутствия даже не заметишь, а медальон, который уже у тебя есть, поможет нам всегда знать, где ты находишься.

Эти меры предосторожности приняты по личному указанию фюрера. А мы будем постоянно находиться в стенах, – если их можно назвать стенами, - нашей тайной обители. Здесь созданы все условия для плодотворной научной работы, и

комфортные условия жизни.

-Ганс, спасибо за предложение, но я не хотел бы извлекать определенные выгоды для себя из-за того, что я семейный человек. Я буду работать так же, как и Вы, и если дело, ради которого мы здесь собрались, требует моего постоянного присутствия, то я полностью в Вашем распоряжении.

Я думаю, что члены моей семьи согласятся со мной, тем более, что благодаря стараниям Мартина, никаких материальных проблем у моей семьи не будет - да их не должно быть, так как моей зарплаты вполне достаточно для обеспеченной жизни моих близких. Так что, Ганс, вынужден тебя огорчить - Вам не удастся так просто от меня избавиться!

Ганс с восторгом принял мое предложение и провел меня в комнату, где предстояло мне провести многие годы. Комната была большая, примерно 7 на 8 метров, разделенная перегородкой. В одной ее части, меньшей, находилась спальня, а в другой, большей, - располагался кабинет и ванная комната. Стены были облицованы твердыми породами дерева, несколько картин придавали уют моему кабинету. Все было подобрано так, что бы максимально создать иллюзию того, что это часть моего прежнего жилища. Все тона были подобраны так, что я ощущал себя как бы в родном доме, и хотя сюжеты на картинах были отличными от тех полотен, которые были у меня дома, они очень близко напоминали о нем.

Еще больше удивило меня оформление спальни - там на туалетном столике находились фотографии моих отца, матери, сестер, жены и сына, а на тумбочке стояла очень дорогая мне фотография, на которой мы втроем сфотографированы в Альпах, когда сыну исполнилось три года. Я был тронут таким вниманием и, конечно же, догадался, что ко всему этому приложил руку Мартин.

Освещение было естественным, – светильники располагались под потолком, можно было при помощи пульта, встроенного в стену, изменять яркость и окраску света, а возле кровати стоял большой торшер и у изголовья – настенное бра. Воздух в комнате был чистый и прозрачный, как будто я находился в лесу. Я понял, что здесь я надолго, и мне натерпелось как можно скорее начать работу.

Шел 1936 год. К этому времени Германия порвала оковы репараций и подготовленная фюрером промышленность заработала на полную мощность. Немцы поверили Адольфу Гитлеру - он выполнил все обещания, данные им народу. Все имели работу, был достаток в семьях, каждая семья имела, как минимум, двух детей - государство оказывало социальную помощь молодым семьям, а новые рабочие места росли, как грибы после дождя. Университеты выпускали высококвалифицированных специалистов, которые быстро адаптировались к новым направлениям

технологического прогресса.

Уже было ясно, что в лице Германии ведущие капиталистические страны увидели серьезного конкурента. Германия стала участвовать и в колонизации Африки, расширяя зоны своего влияния – до сих пор только Англия, Франция, Италия и, в меньшей степени, Америка, пользовались богатыми ресурсами колоний и дешевой рабочей силой.

Правда, в условиях, когда величайшая Британская империя уже начала ощущать на себе проблемы, связанные с началом национально-освободительного движения, она имела еще достаточно сил и хорошо отлаженную машину для подавления стихийных выступлений. Несмотря на бойкот некоторых стран, в Берлине состоялись Олимпийские Игры, которые еще больше подняли дух немцев и авторитет Германии. Униженные Англией, Францией и Россией с молчаливого согласия Америки, немцы, наконец, показали всему миру пример динамичного развития 70-ти миллионной нации, и избавились от комплекса побежденного народа.

Теперь успехи Третьего Рейха не столько удивляли, но и порождали определенный страх перед возродившейся нацией. Некоторые направления технологического прогресса были доступны только Германии, особенно в радиотехнике, химии, металлургии, моторостроении. Я

понимал, что фюрер во время путешествий на Кавказ и Тибет получил нечто, что помогло сделать рывок германской промышленности и положить начало развитию некоторых научных направлений. Это было тайна, к которой я имел счастье прикоснуться.

Дальше была повседневная напряженная работа, результатом которой стала действующая модель летательного аппарата, напоминающего корабль космических пришельцев. Могу только сказать, что мои друзья все-таки смогли осмыслить тайну прозрачной ладони и использовать ее свойства для активации основной части аппарата - диска.

Я ежедневно, по несколько часов в день, с небольшими перерывами, прикасался ладонью к диску – пока небольшому, диаметром около 70 см. – и он медленно вращался, соприкасаясь с моей ладонью. Ганс объяснил мне популярно - я совершенно не разбирался в формулах и схемах - что он смог найти объяснение эффекту прозрачной руки, а Гюнтер и Карл смогли разгадать принцип действия двигателя на основе полученного эффекта. Герман создал математическую модель, а Вильгельм связал антигравитационные эффекты со свойствами космических гравитационных полей.

Результатом всей этой работы, помимо чисто практического значения, являлась то, что, как мне объяснил Герман, теория Эйнштейна в части объяснения гравитационных явлений, требует

пересмотра, и возникает опять актуальность первых гипотез о существовании эфира, но только в более глобальном понимании.

Все мы находимся под влиянием гравитационных космических полей и, вообще-то, свойства материальной и нематериальной составляющей жизни на земле определяется космическим веществом. Эта космическая материя содержит антигравитоны, что дает возможность необыкновенно расширить наше восприятие не только реального, окружающего нас на земле, мира, но космоса в целом. Как объяснил мне Ганс, достаточно одного антигравитона, что бы через определенное время в веществе происходили необратимые процессы. Регенерация антигравитонов может занимать продолжительное время. Если бы в нашем распоряжении был образец такого материала, то все было бы проще, хотя, как заметил Вильгельм, имея достаточно массивный образец, мы оказались бы перед лицом абсолютно неизвестных и таящих огромную опасность эффектов. Так, любые работы с таким веществом таили произвольное высвобождение огромной энергии с роковыми последствиями. Все эти научные толкования были для меня малопонятны, хоть я уже смог ориентироваться в общих вопросах физики, химии, астрофизики. Однако то, что открыли мои друзья, не поддавалось моему разумению.

Как бы там не было, к концу 1938 года модель была готова, и мы приступили к ее испытанию. Самая главная проблема заключалась в управлении этим устройством. Наличие гравитационного поля полностью исключала использование радиоволн для дистанционного управления, так как оно экранировало аппарат и электромагнитное излучение полностью поглощалось, и никак не могло воздействовать на элементы управления перемещением аппарата. Причем это происходило как раз тогда, когда начиналось вращение диска. Сначала при неподвижном диске все сигналы воспринимались исполнительными механизмами, но по мере раскручивания диска сигнал пропадал, и аппарат не слушался никаких команд.

Выход нашел Герман - для первых опытов было достаточно заставить аппарат производить простейшие операции – вперед, назад, вверх, вниз, пуск и стоп. Были разработаны специальные программы и, наконец, аппарат был готов к испытаниям. Он был полностью автономным и мог самостоятельно все осуществлять. Карл придумал хитроумную систему управления перемещением аппарата, используя маленькие электромагниты, установленные по периметру диска.

Когда Мартину сообщили о завершении подготовительного этапа пуска, он немедленно к нам прибыл.

- Друзья – Иоахим, Ганс, Гюнтер, Карл, Герман

и Вильгельм! Я от имени фюрера поздравляю Вас всех с завершением главной стадии работы. Он все время следил за Вашими научными исследованиями и просил отложить на сутки испытания – фюрер лично хочет присутствовать на этом историческом событии.

- Мартин - обратился к нему Ганс, - Вы понимаете, что этот опыт связан с использованием космической гравитационной энергии, и хотя мы просчитали все детали этого эксперимента, мы не можем рисковать Вашей безопасностью, тем более безопасностью нашего вождя. Мы не можем предвидеть все последствия того, как поведет себя диск, в составе которого есть антигравитоны. У нас нет пока никаких данных о действии возникающего поля на организм человека - теоретически мы смогли только создать математическую модель этого процесса в реальном масштабе времени, и только для низких скоростей вращения диска. Еще раз повторяю, дорогой Мартин, в непредвиденных обстоятельствах мы не имеем права рисковать жизнью фюрера и Вашей, Мартин. А мы просто обязаны быть здесь до конца, несмотря ни на что – ведь это наша профессия. Мы проектировали эту лабораторию с расчетом на чисто динамические нагрузки, хотя и приняли все необходимые меры предосторожности в случае появления радиационного излучения.

Вы сами организовывали эту работу.

Специальные армированные стекла толщиной 50 см в состоянии выдержать огромные нагрузки, сама комната представляет бронированный куб, толщина стенок составляет более метра – пятисантиметровая броня вперемежку с десятисантиметровым слоем железобетона с высоким содержанием графита, способна выдержать взрыв тысячекилограммовой бомбы. Но мы не знаем, защитит ли она от неизвестного воздействия, порожденного неземными силами.

- Знаю, знаю дорогой Ганс. Однако, положишься на интуицию фюрера. Все пройдет успешно, и уверяю тебя, Ганс, и Вас всех, мои друзья, фюрер никогда не станет рисковать Вашими жизнями, даже ценой отмены этого эксперимента. То, чего Вы достигли, составляет тайну, известную только фюреру, мне и Вам, друзья. Ваши исследования направлены в будущее и будут служить народу Третьего Рейха.

Утром приехал Адольф Гитлер. Он тепло со всеми поздоровался, для каждого из нас у него нашлось несколько теплых слов, которые трогали самые сентиментальные струны души, и, пригласив всех к столу, сказал:

- Я не любитель высокопарных слов - публичная политика заставляет использовать ораторское мастерство и ободрять слабых духом словами надежды, давая им новые силы. И все же: то, что Вы все сделали, направлено в будущее, в будущее

нашей Великой Германии, и потомки оценят это по достоинству. Вы прикоснулись к космической тайне и с честью выдержали испытание. У нас все закончиться успешно! Приступайте.

Мы направились в специальное помещение, где находился основной пульт управления. Ганс закрыл массивную дверь, потом она автоматически закрылась, и наступила тишина.

-Наш фюрер, мы ждем Вашей команды - торжественно произнес Мартин.

-Да поможет нам Провидение! Включайте, Ганс!

Ганс нажал кнопку, в динамиках раздался негромкий шум набирающего обороты диска, потом звук постепенно становился все выше и громче.

Ганс произвел какие-то манипуляции с многочисленными ручками и выключателями, Гюнтер и Карл уткнулись в приборы, Герман включил скоростную кинокамеру, позволяющую фиксировать на пленку очень быстрые перемещения, а Вильгельм наблюдал за двумя шарами, стоящими недалеко от аппарата. Когда звук превратился в почти неслышный писк, Ганс обратился к фюреру:

- Сейчас по программе аппарат должен сначала подняться над платформой и преодолеть земное тяготение, потом он должен переместиться вперед на несколько метров, остановиться, вернуться на прежнее место, остановиться, повернет сначала вправо, затем влево, остановится и с уменьшением

скорости вращения диска опустится на платформу. Обратите внимание, мой фюрер, на прибор справа - он показывает, что сигнал от радиопередатчика мощностью в 1 Ватт на частотах 10 МГц и 100 МГц полностью отсутствует, а вместо них радиоприемник улавливает шумовое излучение в широком диапазоне электромагнитных колебаний – от единиц до тысяч мегагерц.

Аппарат плавно оторвался от платформы и повис в воздухе. Увеличив обороты, аппарат сам поднялся еще выше, уменьшив их - опустился и почти коснулся платформы. Фюрер с напряжением наблюдал за полетом аппарата, как бы мысленно передавал ему какие-то свои, неизвестные нам, команды.

Как только аппарат стал перемещаться в правую сторону лаборатории, круглый корпус вдруг стал излучать голубые заряды и в находившихся поблизости шарах стали проскакивать голубые молнии. При следующем маневре аппарата все находившиеся поблизости металлические конструкции покрылись голубыми искрами. Когда последний маневр завершился и аппарат опустился на платформу, Ганс нажал кнопку стоп.

Чудо исчезло. Все молчали. То, что только что произошло, настолько поразило всех, что даже фюрер, задумчиво смотревший на диковинную конструкцию, не смог некоторое время ничего произнести.

Потом он обвел нас всех ясным взглядом, глядя каждому прямо в глаза, и сказал:

- Я Вами горжусь, герои Третьего Рейха. Как бы не сложилась судьба каждого из Вас, в какие исторические катаклизмы не попадет наша Родина, запомните навсегда: то, что Вы сейчас совершили, откроет человечеству двери в космос. Мартин, все, абсолютно все, что в наших возможностях, предоставить этой группе. И еще. В этом районе создать 3-5 аналогичных подземных строений-близнецов, только пустых внутри. И снаружи они должны быть близнецами. До завтра, друзья.

И Адольф Гитлер с Мартином Борманом покинули нашу лабораторию. Сразу после их отъезда напряжение спало, все ликовали. Мы закатили хорошую пирушку - Герман оказался отличным кулинаром, и стол был заставлен всякой вкуснятиной.

- Только не будем говорить о работе, – предложил Ганс. - Давайте дадим мозгам отдохнуть, а завтра подумаем, что же за сияние возникло вокруг аппарата?

- Вот видишь, Ганс – заметил Карл – ты сам сказал, что завтра подумаем, а значит, и ты, и все мы уже начали думать и ничего с этим не поделаешь. Хотя я полностью с тобой согласен, что надо отдохнуть.

Тут и я вставил свое слово:

-Я могу засвидетельствовать только факт,

очевидцем которого являюсь: аппарат, который сопровождал наш полет, тоже был покрыт каким то свечением, которое меняло свой цвет – от голубого, до оранжевого.

- Да, да, Иоахим, это очень интересный факт. Я уже в уме прикинул, что электрический потенциал нашего аппарата, – а диаметр составляет около 70 сантиметров, – составляет не менее 700.000 Вольт. Если Вы помните, расстояние между шарами составляло около 70 сантиметров, значит, при пробивном напряжении 1000 Вольт на миллиметр в обычном воздухе потенциал шаров составлял не менее 700.000 Вольт!

- Друзья – предложил Вильгельм – Ганс прав. А то мы так скоро свихнемся. Надо дать мозгам отдых. Главное, что опыт удался. А значит, мы все сделали правильно.

Ганс с Гюнтером еще что-то обсуждали, а я направился к себе в комнату. Слишком много впечатлений и переживаний переполняли меня. Я чувствовал - произошло что-то великое, смысл, которого в полной мере я не мог сейчас оценить.

* * *

Летом 1939 года была завершена работа по созданию первого опытного образца летательного аппарата в натуральную величину. Он повторял размеры той летающей тарелки, которая сопровождала нас в полете на Тибет. Диаметр

активированного кольца составил около 7 метров, размер эллипсоидной кабины, состоящей из двух половин, составил 5 на 4 метра.

При весе в состоянии покоя 750 кг, аппарат при максимальных оборотах диска мог поднимать до 20.000 кг груза, что почти в 30 раза превышало его массу! Возникли проблемы чисто технического характера - как укрепить корпус внутри корабля, что бы помещенные в него свинцовые болванки не деформировали нижнюю полусферу, хотя этот эксперимент носил чисто демонстративный характер. Все уже знали, что понятие подъемной силы, как таковой, не существовало для гравитационных двигателей.

Гюнтер смог разгадать секрет специальной смазки, которая практически ликвидирует трение и основана на сверхпроводимости биополимеров, которые покрывали поверхность диска в месте его соприкосновения с щелью в эллипсоиде вращения. Ганс разработал теорию, а Карл придумал хитроумную систему вращения диска за счет электромагнитных сил, возникающих при высоких скоростях. На первой стадии он использовал простой электрический двигатель за счет токов Фуко, а дальше сам диск создавал огромный электромагнитный потенциал, который и раскручивал диск.

Я не разбираюсь во всех технических тонкостях конструкции корабля и могу лишь подтвердить, что

17 августа 1939 года аппарат, в котором находился я, Ганс и Карл, впервые поднялся в воздух.

На этот пробный запуск прибыл Адольф Гитлер и Мартин Борман. Поскольку радиосвязь с кораблем отсутствовала - она была принципиально невозможна, - Вильгельм придумал простую оптическую систему связи в инфракрасном спектре с использованием сигналов, наподобие азбуки Морзе, но гораздо сложнее. Правда, в ясную погоду мы могли обмениваться сигналами на расстоянии до 10 км. и передавать простейшую информацию о полете. Мы знали, что за нами неотступно следует космический пришелец на своей летающей тарелке, и я ощущал его присутствие не только визульно, но и физически, непосредственно, как будто бы я находился внутри корабля пришельца, дублируя все действия моих друзей.

Ганс и Карл управляли аппаратом, мы довольно быстро поднялись на большую высоту. На этот раз у нас был точный механический и электрический хронометры, и я мог определить, что по виду, открывающемуся в круглом окне в нижней части корпуса, мы поднялись на высоту не менее 10.000 метров за 10 секунд! Ганс и Карл ликовали, объясняя, что при таких ускорениях нас должна раздавить перегрузка, а мы преспокойно перемещаемся в воздухе, не ощущая никакого дискомфорта! Мы тут же получили запрос с земли и сразу ответили о нашем положении в

пространстве и параметрах полета.

Только один раз, когда перед нами вдруг показалась часть земного шара, и мы отчетливо увидели ее кривизну, я по какой то команде, исходящей от космического пришельца, снял перчатку и приложил к тому месту, где находилась внутренняя часть диска, и аппарат плавно стал опускаться вниз.

Ганс и Карл увлеклись полетом и, опомнившись, стали подавать аппарату команды на спуск, но аппарат уже подчинялся только действиям моей руки. Они поняли, что наш полет мог закончиться катастрофой, и только вмешательство инопланетянина нас спасло. Через некоторое время опять возобновилась связь, на тревожный вопрос о нашем самочувствии мы ответили, что все в порядке, аппарат опустился до высоты 1000 метров, Ганс и Карл могли управлять кораблем сами.

Мы благополучно приземлились, и наш аппарат плавно «заплыл» в подземный ангар. За нами сразу закрылись огромные ворота, забурлила вода и через некоторое время на месте взлета и приземления необычного летательного аппарата простилалась водная гладь. Исторический полет был завершен.

Когда мы вышли, то увидели Фюрера, Мартина, Гюнтера, Германа и Вильгельма. Не успели мы подойти, как попали в объятия Фюрера и всех присутствовавших в зале.

- Это великая победа немцев в космосе - сказал

он. Это Ваша победа, мои дорогие друзья! Это и твоя победа, Мартин! И я молю Провидение только об одном - что бы плоды этого исторического открытия были использованы только на благо людей, во славу Третьего Рейха! И я с радостью и волнением вручаю каждому из Вас самую почетную награду немецкого воина “Железный Крест” 1-ой степени, хотя Вы и не служили в действующей армии. Поздравляю еще раз, мои друзья!

В Европе уже шла война. Работы по созданию летающей тарелки продолжались с еще большей интенсивностью. Часто приезжал Мартин, решая вопросы производственного характера. В последний приезд, в июне 1941 года, Мартин пригласил меня в свой небольшой кабинет. За эти несколько лет он изменился, погрузнел, усталость выдавали его глаза, обычно искрящиеся весельем. Он крепко меня обнял.

-Дорогой Иоахим, фюрер попросил тебя крепко обнять и передать, что он всегда с тобой. Я рад тебя видеть полным сил и энергии. Ты знаешь, Иоахим, что случилось: самое страшное - война. Нас коварно предали сначала Советы с их азиатским коварством, а сейчас предает Запад, хотя мы начали войну с коммунизмом, что бы защитить западную цивилизацию. Если бы не мудрость фюрера, Советы напали бы на Германию еще в 1937 году.

К сожалению, наши генералы, привыкшие

строить стратегические планы, зачастую недооценивают интуицию Фюрера. И хотя он не кончал военных академий и не изучал трудов Клаузевица и Мольтке, он точно предвидит развитие событий на войне. Пока все развивается по нашим планам. Мы нейтрализовали Европу и нанесем упреждающий удар по Советам. Но генералы зачастую не вникают в то, с кем им придется воевать.

Фюрер все время повторял, что это будет не классическая война, к которой привык генеральный штаб, а война идеологий. И солдат, который идет под страхом смерти в бой и знает, что ему некуда, оказывается между нами, немецкими солдатами, и своими - частями НКВД. И ему все равно придется погибнуть или от пули солдата вермахта, или от пули своего же НКВДэшника. И тогда инстинкт самосохранения удесятерят его силы, и воевать с таким солдатом очень трудно. Здесь может наступить такой момент, когда большие людские ресурсы могут сыграть решающую роль в этой войне.

Если гнилые демократии Британской Империи и Америки не станут помогать Советам, мы выиграем эту войну и навсегда искореним коммунизм в Европе, Азии и Америке. Но Третий Рейх слишком сильно надавил на колониальные мозоли Британии и напугал Америку, потому что мы их намного опередили. Йоахим, я делюсь с

тобой рассуждениями Фюрера и он разрешил тебя ознакомить с его тревогами и заботами о судьбе Третьего Рейха. И еще раз попросил Вас всех настойчиво работать над нашим проектом. Это будущее Германии, какой бы она не вышла из этой войны! Успехов тебе, Иоахим!

* * *

Осенью 1941 летающая тарелка полностью была испытана в стенах лаборатории. Она включала сложную систему управления для полетов в беспилотном режиме для того, что бы совершить по заданной программе полет на территорию Советов и вернуться на базу. Перед этим все полеты над территорией Европы прошли успешно. В сентябре 1941 года было получено разрешение Фюрера на полет автоматического аппарата над южной частью России, где уже находились войска вермахта. Аппарат должен был долететь до города Ростов-на-Дону и вернуться назад. К тому времени были изготовлены по чертежам Карла специальные радиоприёмники для приема сигналов в широком диапазоне радиоволн, которыми оборудовались радиопеленгаторы вермахта и позволяющие отслеживать траекторию полета аппарата. Секретной директивой Фюрера работать на этих радиопеленгаторах допускались только специальные подразделения СС. Им была

поставлена задача - следить за секретным самолетом Сталина, который сейчас испытывается. Этот самолет якобы был оборудован специальной радиотехнической системой, предупреждающей пилота о приближении противника на расстоянии 200 километров. Таким образом, была соблюдена абсолютная секретность этой операции.

Но произошло непредвиденное. Аппарат потерял управление и упал на остров Зеленый, находящийся на русской реке Дон возле города Ростова. Отборные подразделения СС в течение нескольких часов подошли к острову, но встретили ожесточенное сопротивление русского гарнизона. Бой длился в течение пяти часов, и когда противник был уничтожен, тщательно обследовался каждый метр острова. К счастью, были найдены остатки летательного аппарата. Мы попросили Мартина, что бы собирались не только остатки аппарата, но и всё, что находилось вокруг обнаруженных фрагментов корабля. Контейнеры незамедлительно были отправлены в Мюнхен, а оттуда доставлены в лабораторию. Гитлер держал постоянную связь с нами, пользуясь шифром Йоахима, и просил сразу сообщать ему результаты наших анализов и возможную причину катастрофы.

Когда мы восстановили по фрагментам доставленные части аппарата, то обнаружили в нижней полусфере рваную пробоину, контуры которой точно соответствовали предмету черного

цвета неправильной формы. Гюнтер сделал первые химические и металлографические анализы вещества, и результаты, полученные им, были настолько неожиданны, что он срочно предложил нам всем собраться.

- Друзья, я не знаю даже с чего начать, поскольку то, что я успел только поверхностно изучить, не поддается никакому объяснению с точки зрения современной науки. Спектральный анализ показал присутствие веществ, не существующих на земле.

- И даже не совпадающих с веществом метеоритов? - спросил Ганс.

- Это, смущает меня больше всего – ответил Гюнтер.

- Я предлагаю провести простой опыт, хоть он может показаться абсолютно абсурдным с точки зрения здравого смысла. Если это нечто привело к катастрофе нашего аппарата, и маловероятно, что какой-нибудь русский взял да швырнул “булыжник” массой 10 килограмм в летящий неизвестный летательный аппарат, то самый простой способ проверить эту гипотезу будет состоять в следующем: нам необходимо, поместить этот предмет под нашей летающей тарелкой и, медленно увеличивая скорость диска, создавать гравитационное поле. Если, этот неизвестный предмет неземного происхождения, то тогда мы сможем просто убедиться в причинах катастрофы – заключил Вильгельм.

Все согласились с предложением Вильгельма. Мы передали предварительное заключение Мартину, который незамедлительно прибыл в лабораторию.

- Я полностью согласен с гипотезой Вильгельма и предлагаю приступить к испытаниям. Фюрер попросил как можно быстрее сообщить о результатах Вашего опыта.

Неизвестный предмет был помещён внизу корабля, и мы начали увеличивать обороты диска. Каково же было наше удивление, когда черный предмет уже при малых оборотах вдруг стал подниматься и прилип к днищу корабля. Ганс сразу начал снижать обороты, ибо никто не мог предугадать поведение этого черного предмета. По мере того, как Ганс плавно снижал обороты, таинственный предмет стал плавно опускаться, причем это движение вниз было синхронизовано каким то образом со скоростью вращения диска, и когда тот остановился, и лег на бетонный пол под нашим аппаратом.

Результаты этого опыта породили больше вопросов, чем ответов. Мартин связался с Фюрером и через 5 часов он прибыл к нам.

- Я знаю, - сказал Фюрер, - в каких местах нашей планеты произошли катастрофы кораблей космических пришельцев. Самая крупная была в 1908 году в Сибири. Тогда, три небольших корабля успели спастись перед тем, как головной корабль

потерял управление и начал сгорать в атмосфере Земли. Хотя сам космический корабль мог совершать полеты в атмосфере Земли, экипажу стало понятно, что спасти корабль не удастся, и он самоуничтожился.

Хотя в научных кругах до сих пор идут споры о природе этого космического явления, большинство специалистов склоняются к тому, что это был гигантский болид. Правда, Вильгельм убедил меня в том, что это не мог быть огромный метеорит или болид наподобие Аризонского, тем более, что к этому времени астрономия обладала довольно совершенными телескопами и приближение к Земли такого космического тела, да еще на траектории, проходящей через Землю, не могло пройти незамеченным. И ты был совершенно прав, Вильгельм, что это было что то другое. Этот объект не мог быть обнаружен с Земли, но его появление проявилось в таком грандиозном взрыве.

Да, это был корабль космических пришельцев. Оставшиеся в живых члены команды открыли мне тайну этой катастрофы. За это время потерпели катастрофу два их трех спасшихся космических аппаратов - один на острове Зеленом на Дону, а другой в Тибете. Третий корабль нашел то, что позволило ему установить гравитационную связь и сообщить о катастрофе, а так же и о том, что он по приказу Высшего Космического Совета может открыть некоторые секреты, позволяющие ускорить

технологический прогресс на Земле. Вот как раз в первый полет на Кавказ мы обнаружили то, что помогло нашему космическому собрату осуществить эту связь. Загадочная пластина была как раз тем самым гравитационным средством связи, что погибло при катастрофе их корабля. Причины катастрофы в России мы не знаем, хотя мы использовали все ресурсы нашей разведки, что бы получить хоть какую-нибудь информацию. По сообщению оставшегося члена экипажа, это могло быть неизвестное излучения, исходящие из земных недр, а могли быть и остатками межзвездных кораблей, погибших на Земле миллионы лет назад, и состоящих из неземных материалов, обладающих антигравитационными свойствами. Я думаю, что Советы там что-то долго и упорно искали, и тот предмет, который нам удалось там захватить, и был причиной катастрофы нашего автоматического корабля. Я беспокоюсь, что бы изучение этого предмета не принесло Вам вреда, тем более что и состав, и структура вещества, которые изучил Гюнтер, неизвестны на Земле, и тем более неизвестны их свойства. А то, что это необычный объект, мы продемонстрируем Вам с Иоахимом, если он согласится.

- Но, мой фюрер - вдруг возразил Мартин, - мы не можем подвергать Вашу жизнь малейшей опасности, тем более, что мы имеем дело с неизученным предметом и предварительные

анализы показали, что этот предмет может быть опасен для Вашего здоровья.

- Провидение нам поможет и оградит нас от опасности, Мартин. Да я и не вижу пока выхода из создавшейся ситуации, ибо под угрозой срыва находится осуществление проекта. Так как, Иоахим?

- Мой фюрер, моя жизнь принадлежит Вам. Вы полностью можете ею распоряжаться, если возникнет такая необходимость. Но я, если позволите, полностью согласен с Мартином. Если Вы меня проинструктируете, я готов один провести этот опыт.

- Это приказ, Иоахим. Все должны находиться за пределами помещения, а мы с Иоахимом осмотрим таинственный предмет. Наблюдайте за происходящим через бронированные окна.

Мы подошли к предмету черного цвета, и фюрер сказал, что бы я снял свою перчатку. Он сделал то же самое

- Мы должны одновременно прикоснуться к нему, Иоахим. На счет три мы должны это сделать.

Как только мы притронулись к этому предмету, он стал постепенно изменять свой цвет. Становиться светлым, излучая сначала слабое, а потом все более интенсивное свечение. Он стал прозрачным, похожим на кусок льда. Моя ладонь ощутила легкую вибрацию, предмет стал произвольно подниматься вверх и мы еле

удерживали его своими ладонями.

- Опускай ладонь, Иоахим! Он будет сам парить в воздухе.

Так оно и произошло. Фюрер жестом пригласил следовать за собой, и мы опять были в бронированной комнате.

Теперь мы все наблюдали за происходящим внутри “ангара”, если можно было так назвать то место, где находился наш летательный аппарат и неизвестный предмет. Постепенно светящийся прозрачный объект плавно “подплыл” к диску летающей тарелки и как бы сел на него.

-Я начинаю понимать назначение этого предмета и что должно дальше произойти – вдруг сказал Ганс. - Если Вы прикажете, мой фюрер, я начну медленный разгон диска и надеюсь, что это будет то, что должно активировать сам диск, и он получит новые свойства.

- Действуй, Ганс! Только сначала приоткройте ворота ангара - загадочно произнес фюрер. Каждый из нас знал свое место за пультом управления. Вся команда четко и слаженно стала выполнять необходимые операции. Через десять минут все было готово и вот уже диск начал медленно вращаться, набирая обороты.

Невидимая сила удерживала кусок неизвестного вещества и вот уже вместо привычных, известных каждому из нас звуков, добавился новый, похожий на звук вращающегося наждачного колеса, на

котором точат нож. В отличии от наждака, никаких искр не было, и только свечение корпуса корабля стало более интенсивным, а между шарами стали проскакивать искры при оборотах, на несколько порядков меньше, чем прежде.

Ганс не стал их увеличивать, и через час с небольшим, предмет плавно отошел от корабля, и направился через щель в воротах.

-А сейчас можно закрыть ангар – сказал фюрер, так как всё это время мы находились в беспокойном ожидании. - Теперь этот “предмет” нашел своего владельца. А причина катастрофы, я думаю, Вам уже совершенно ясна, мои друзья. Но зато эта катастрофа автоматического аппарата помогла нам получить новые свойства корабля и помочь нашему космическому другу вернуться к себе в свой галактический дом. До скорой встречи.

И фюрер в сопровождении Мартина покинул нашу лабораторию.

* * *

В начале 1942 года была завершена модернизация летательного аппарата, скорее, его полная реконструкция. Мы дважды побывали на корабле космических пришельцев - один раз с Гансом, а другой раз с Карлом. Первый раз мы посетили космическую базу в Антарктиде, которая находилась на глубине 3500 метров в толще

материкового льда, а второй раз мы направились в Амазонскую сельву, где, судя по нашими наблюдениям, присутствовало излучение, аналогичное тому, что привело к катастрофе нашего автоматического аппарата.

Уровень интеллекта Ганса и Карла был протестирован, и они получили, наконец, то, что теоретически обосновали, но не смогли воспроизвести в земных условиях. Это сверхпроводящий материал для диска и система управления кораблем для космических полетов. Для ближнего космоса, до высот 200 км., система управления позволяла управлять кораблем пилотом класса 1 по градации пришельцев. Ганс и Карл прошли обучение и получили соответствующие знания и стали пилотами 1 класса.

Для дальнего космоса управление кораблем могло осуществляться только пилотом 2 класса, имеющим прозрачную ладонь. В этом случае управление осуществлялось от космического центра нашей Галактики, и необходимые знания передавались непосредственно в мозг пилота. Процедура моего обучения заключалась в подключении через мою ладонь к космическому центру, и в мой мозг вводилась необходимая информация для управления космическим кораблем.

За два полета мы доставили необходимое оборудование. Внутренность нашего аппарата стала

напоминать звездолет пришельцев, который мы посетили с Фюрером в Тибете.

После монтажа и настройки всего оборудования корабль был готов к новым испытаниям, и я, с Гансом и Карлом, в феврале впервые поднялись в космос. На этот раз мы достигли высоты 200 км, облетели земной шар и благополучно прилетели на объект. Ганс и Карл с восхищением наблюдали за тем, как я управлял кораблем. Они сообщили, что у них появились определенные идеи, связанные со свойствами моей ладони.

На следующей неделе к нам приехали Адольф Гитлер и Мартин Борман. Мы уже ждали высоких гостей. Как всегда, фюрер и Мартин тепло приветствовали нас и фюрер пригласил нас к большому овальному столу, у которого мы собирались только по особым случаям. Вид у нашего вождя был усталый, Мартин заметно похудел.

- Дорогие друзья! Я всех Вас поздравляю с выдающимся достижением в истории человечества. Вы первые люди Земли, поднявшиеся в космос.

Я верил, что это произойдет, и произойдет благодаря Вам. Вы, конечно, догадывались, что мы осуществляем ряд военных проектов на основе ракетных двигателей. Руководитель этого проекта фон Браун добился замечательных успехов, и его реактивные двигатели могут достигать военных объектов на расстояниях до 2000 км и нести заряды

до 500 кг. Он настаивал на моем согласии подготовить к запуску мощную двухступенчатую ракету, способную вывести на околоземную орбиту человека. Я с тяжелым сердцем вынужден был отказать ему, так как не смог раскрыть ему нашу тайну. Фон Браун великий конструктор, но сейчас его знания нужны для боевых военных ракет.

Не скрою от Вас, тревога за будущий исход войны с Советами посещает меня все чаще. И только Вам, мои молодые и преданные друзья, мы можем говорить правду.

Провидение дало мне силы возродить Германию, но победить военным путем Советы сейчас нам не удастся. Тупоголовые американцы и чопорные британцы объединяются с Советами против нас, не понимая до конца, что мы единственные, кто бросил вызов коммунистической чуме. И когда они это поймут, будет поздно, - Европа попадет в рабство, которого еще не знала за всю свою многострадальную историю. Война с Россией затягивается, ее ресурсы безграничны, а десятки миллионов советских людей готовы отдать свои жизни за “светлые идеалы коммунизма на всей планете”.

Америка и Англия, не смотря на наши предложения придерживаться нейтралитета, будут помогать Сталину – это самый большой парадокс современной истории. К сожалению, наши генералы так и не поняли до конца сути войны на территории СССР. Комиссары под страхом смерти

загоняют в партизанские отряды часть населения, а те, кто поддерживал нас, не имели достаточно сил для противодействия партизанам. Затяжная война для Германии губительна, хотя мои генералы рапортуют о новых победах. Ноша настоящего арийца оказалась не по плечу многим высшим чинам Третьего Рейха и это тревожит меня больше всего.

А, сейчас пользуясь тем, что Вы создали аппарат, о котором я мечтал, мы еще раз посетим святые места. Со мной отправятся Иоахим и Ганс. Если у Вас все готово к полету, сегодня же ночью, не откладывая, мы отправимся в путь. Если весь полет пройдет так же, как и в первый раз, то через 7 часов мы возвратимся на базу. А сейчас отдыхать!

Мы, конечно же, были под впечатлением речи Фюрера и разделяли его тревоги. Иногда, слушая радио, мы верили победным репортажам Геббельса. Но мы были озабочены результатами военных действий на территории Советской России, и пытались осмыслить возможность создания некоего оружия, которое должно помочь нашим войскам.

Ганс был в курсе теоретических разработок атомной бомбы, но по его мнению, реализация этого плана потребует слишком больших затрат и ресурсов, что для военного времени достаточно проблематично. В одном разговоре со мной он сказал, что разработал пока только принцип более мощной по своей разрушительной силе бомбы,

основанной на делении дейтерия, и что он докладывал об этом фюреру. Но он повторил снова, что такими ресурсами пока Германия не располагает.

Когда наша группа обсуждала возможности нового летательного аппарата, основанного на космических принципах, использовать его физическое взаимодействие в качестве оружие никак не просматривалось. Да и Гитлер предостерег от любых попыток использовать это для поражения живой силы или техники, так как такое условие поставили пришельцы. Он сказал Гансу, что космические корабли инопланетян имеют очень мощное оружие, они продемонстрировали ему, как превращается в пыль огромный метеорит. Но землянам его запрещено применять, даже если и найдется гений на земле, который откроет его секрет. Этот вопрос больше не ставился.

Но Карл однажды показал нам на бумаге, как можно использовать торсионные силы, возникающие в антигравитационном диске, причем высвобожденная энергия может привести к уничтожению части населения земли. К счастью, все это было только теоретическими размышлениями и не более того, тем более, что фюрер запретил даже думать о том, что бы использовать открытые нами механизмы взаимодействия гравитационных и планетарных полей для создания какого-то оружия.

В три часа ночи 24 августа 1942 года прибыл Адольф Гитлер, и мы стали готовиться к отлету. Как я уже говорил, организовать радиосвязь на нашем летательном аппарате было невозможно, по принципиальным соображениям, хотя генерируемая электромагнитная энергия была очень велика. Весь спектр изучения был распределен в широком диапазоне частот и по сути дела, мы имели очень мощный шумовой генератор, который экранировал сам аппарат. Тем менее, никто из нас не выражал беспокойства по поводу отсутствия связи между нами.

Мартин сказал, что при необходимости, он в любой момент может общаться с Фюрером, где бы он ни находился. А то, что такой возможностью обладает Гитлер, никто не сомневался.

В 3.27 ночи я открыл люк, расположенный в нижней части аппарата и по приставной лестнице, пропустив вперед фюрера, мы зашли в аппарат. Я закрыл дверцу люка, мы заняли свои места. Ганс в кресле первого пилота, а Гитлер занял место второго пилота, дублирующего все функции управления кораблем. В третьем кресле расположился я. Автоматически включилось внутреннее освещение и по мере того, как возрастали обороты диска, корпус корабля становился сначала матовым, потом стали просматриваться детали нашего зала и через некоторое время корпус стал прозрачным. Мы медленно поплыли к выходу. Искусственное озеро

уже было опорожнено. Аппарат плавно взмыл ввысь, а через некоторое время мы взяли курс на восток. Впереди уже засветлел горизонт. Фюрер попросил подняться повыше, и вот мы уже видим восходящее светило.

- Недалеко то время, когда все люди будут перемещаться в воздухе и космосе на таких вот летательных аппаратах - задумчиво произнес фюрер, как бы обращаясь, скорее сам к себе. - Но это время наступит не так быстро, как бы нам того хотелось. Опустись ближе к земле, Ганс. Видите сполохи взрывов и пороховой дым? Там внизу гибнут немецкие солдаты, там внизу гибнут русские солдаты. Увы! - такова цена этой страшной бойни. А теперь Ганс и Иоахим сделаем небольшой крюк и посмотрим на Москву. В предрассветной дымке она увешана большими воздушными колбасами, что затрудняет действия нашей авиации. Ты говорил, Иоахим, что Гюнтер установил особые свойства возникающего поля вокруг нашего корабля и снаряды зенитных орудий или пулеметов не могут повредить аппарат, не так ли, Ганс?

Нас застал врасплох вопрос фюрера и Ганс, немного задумавшись, ответил:

- Мой фюрер! Нашими жизнями распоряжаетесь Вы, и мы готовы умереть по первому Вашему приказу. Но Вашей жизнью мы рисковать не имеем права. И хоть мы и производили испытания и убедились, что любой снаряд, содержащий

взрывчатку, не может повредить наш аппарат - слишком велико гравитационное поле и все материальные объекты будут отскакивать от корабля, как теннисный мячик от земли - тем не менее, рисковать Вашей жизнью мы не имеем права.

Фюрер внимательно слушал Ганса и думал о чем-то своем, а потом, обратившись к нам, сказал:

- Мартин временно снимает свой приказ, и я отвечаю за последствия того, что я хочу Вам предложить. Эти колбасы висят на высоте 2 - 3 км. Заполнены они, кажется, водородом, не так ли Ганс?

- Это так, мой фюрер.

- Увы, мои друзья, Москву взять нам не удалось, так давайте же передадим пламенный привет Сталину. Вперед, Ганс!

Воздушные колбасы стали быстро приближаться, когда мы подлетели к ним. За нами тянулись ослепительные огни взрывающихся баллонов.

* * *

Солнце уже взошло, когда мы приземлились на Горном плато, где были одиннадцать лет назад. Нас встречал то же чеченец, они обменялись приветствиями. Я переводил то, что говорил горцу Гитлер:

- Мой друг, силы сравнялись, и нам пока не удалось пробиться к Каспию и помочь Вам обрести свободу. Среди Вашего народа есть человек,

который предаст чеченцев. Готовьтесь к беде, да поможет Вам Аллах! Спрячьте женщин и детей далеко в горах, найдите тайные тропы и пещеры, о которых не знают люди Берия, и сохраните свою нацию. Рано или поздно Вы добудете свою свободу! А ты, Иоахим, подожди меня в аппарате. Я скоро вернусь.

И снова как в первый раз, они с горцем пошли вперед, где их ждал корабль, повторяющий по очертаниям нашу “летающую тарелку”. Ганс напряженно всматривался вдаль и когда космический аппарат взмыл ввысь, он мне сказал:

- Иоахим, это настоящий космический пришелец, и наш летательный аппарат игрушка по сравнению с ним. Ты обратил внимание, с каким ускорением он взмыл ввысь? И какой характер свечения его полусфер? Энергия корабля космического пришельца в миллиарды больше того, чего мы смогли достичь.

- Ганс, то что Вы сделали, является вершиной технического прогресса. Настанет время, и ты сможешь постичь эту тайну. А пока будем готовиться к полету - наш фюрер подходит к кораблю.

- Летим дальше, мои молодые друзья. Иоахим знает путь, а я отдохну. Будь так добр, подай мне плед.

Если для меня картина величественных гор Гималаев была уже знакома, то Ганс с нескры-

ваемым интересом всматривался в гигантские горы, покрытые голубым снегом.

- Я теперь понимаю - сказал Ганс, обращаясь ко мне, - почему космические пришельцы выбрали Тибет. Это действительно Вершина мира и разума, сохраненная в необъятных просторах голубых гор. Наверно, здесь человек должен ощущать свою принадлежность к космическому разуму.

- Это так, Ганс. Я не думаю, что твои ощущения этого мира будут другими. Более того, Ганс, твой интеллект поможет тебе осмыслить тот мир, который недоступен мне.

Солнце уже стояло достаточно высоко, когда наш корабль опустился на голубую поверхность плоскогорья. Фюрер открыл глаза и произнес:

- На тот раз мы все посетим это священное место. Вы останетесь в корабле, а я отправлюсь туда, где получу ответы на вопросы, которые тревожат мою душу.

- Мой фюрер, я не знаю, куда мы должны направиться - впереди только безмолвные синие горы!

- Не беспокойся, Ганс. Иоахим знает, кто нас туда поведет.

Когда мы поднялись над серебристой гладью голубого льда, впереди нас уже находился корабль космических пришельцев. Мы вслед за ним двинулись к огромной горе, в чреве которой было скрыто то, что когда-то я видел либо во сне, либо

наяву.

Мы находились в огромной нише в глубине горы, где стояла гигантская статуя Будды. Перемечающийся в глубине этого храма космический аппарат пришельцев казался игрушечным на фоне величавого изваяния, и когда он остановился вверху, как бы завис над головой, поверхность головного убора святого засветилась ярким светом. Фюрер опустил наш аппарат на ладони святого, остановил диск и открыл люк.

-Я скоро вернусь, а Вы попытайтесь вобрать за это время как можно больше знаний и ощутить дыхание вечности, мои друзья.

Фюрер направился в глубину статуи, где была уже открыта большая дверь, как будто его уже ждали. Мы с Гансом безмолвно созерцали фантастическую картину. Величина статуи Будды и происхождение этого искусственного или естественного образования, вызывало благоговейный трепет. И хоть мы были христиане и знали наши великие соборы, Будда олицетворял величие, таинственность и бесконечность человеческого бытия. Ганс быстро подсчитал, что высота сидящей статуи, на которой находился наш корабль, составлял около 100 метров, а размеры самого храма овальной формы составляли, по меньшей мере, 500 на 700 метров. Непроизвольно я произнес:

555 на 777 метров, Ганс - и сам удивился тому, как я смог так точно определить эти размеры.

Иоахим, так ведь, это, как раз те каббалистические цифры, которые определяют характеристики галактики, откуда прилетели космические пришельцы!

И не только это, Ганс. Обрати внимание, что между ними находится число 666, а это число дьявола или черных сил, сдерживаемых космическим разумом.

Постепенно, по мере того, как мы пытались рассмотреть все, что здесь находилось, ее стены стали светлыми, потом матовыми, полупрозрачными и наконец, исчезли совсем. Мы находились в ладонях Будды, а вокруг были безбрежные величественные горы Тибета. Каждый из нас, вдруг стал частицей этого бесконечного мира. Какие-то лучи исходили из определенной точки неба, и каждого из нас поглотил космос. Постепенно мы стали возвращаться в реальный мир, очертания храма стали приобретать знакомые формы, через некоторое время появился фюрер и вошел в наш аппарат.

- Ну что же мои друзья, я надеюсь, каждый получил, то, что ему суждено Всевышним, и наша миссия завершена. Я оставил свой след в священной книге, но завершать ее будут наши потомки, которые продолжат строительство тысячелетнего Рейха. А на Вашу долю останется сохранить то, что Вы узнали, и передать свои знания нашим потомкам. Эллипс на короткое время разорвался,

но пройдет совсем немного времени и число коммунистического дьявола будет надежно закрыто на века. И тогда восторжествуют те идеи, за которые отдают свои жизни немцы Третьего Рейха!

Возвратились мы около 4 часов пополудни, в лаборатории нас ждали. Фюрер сразу уехал с Мартином, а мы направились в свои комнаты. Друзья не стали задавать вопросов, так как поняли, насколько мы устали. Нам необходимо было отдохнуть.

* * *

К концу 1943 года мы приступили к сборке второй летающей тарелки. Конструкция уже была проверена, и оставалось только завершить некоторые работы. Но к этому времени военные действия приблизились к границам Германии, возникали проблемы с поставкой необходимых деталей для корабля. Мартин проявлял чудеса изобретательности. В декабре 1944 года второй летательный аппарат был поставлен на испытания, а в январе 1945 года был совершен первый испытательный полет.

Мы безвыездно находились в “стенах” нашей лаборатории и понимали, что наше присутствие здесь должно завершиться эвакуацией. Но куда?

9 января 1945 года Мартин появился у нас. Мы ждали его приезда. Всех волновала судьба

летающих тарелок и всех документов, которые являлись итогом многолетней работы, и представляли огромную ценность для человечества. “Группа пяти”, как я называл моих друзей, были великими учеными. Даже краткое перечисление того, что им удалось открыть, меняло не только все представления об истории человечества, но и объясняло многие события на Земле, которые являлись до сих пор тайной. Ганс и Герман не без помощи космического разума смогли воссоздать эволюционный процесс появления хомо сапиенес и трансформацию ранних цивилизаций. Их выводы были однозначны - человек являлся плотью космических пришельцев, а самок приматов использовали для созревания плода будущего человека. Почитаемые верующими, Будда, Магоммет и Иисус были космическими пришельцами и должны были укреплять нравственность все увеличивающегося населения Земли, так как к тому времени стали появляться развитые цивилизации, принимающие космические символы веры для своего развития.

Однако процесс их становления оказался слишком сложным и тяжким для людей, и спасение верой часто приводило к обратному результату. Эволюция человеческого разума, его огромные потенциальные возможности не использовались для создания справедливого общества, так как корыстные интересы и темные инстинкты

порождали вражду между людьми. К началу 20 века, пришельцам стало ясно, что морально-этический прогресс отстает от технического, моральные принципы человеческого общежития попираются самими людьми и, в конце, должна появиться новая мессия.

Увы! - эти надежды не оправдались, - и человечество подошло к роковой черте в своем развитии. Заложенный в человеческом мозгу потенциал развития, оказался не востребуемым, а физиологические инстинкты все больше и больше поглощали человеческую природу. Религия как таковая стала становиться все больше инструментом власти, чем потребностью человека. Человечество подошло к роковой черте.

Карл разгадал тайну, которую оставил Никола Тесла, и теоретически разработал основы левитации в гравитационных полях. Гюнтер раскрыл секрет черного прямоугольника и разработал технологию бионеорганической мономолекулярной структуры, которую можно использовать для создания искусственного разума и на этой основе создать приборы, помогающие человеку в его деятельности и в управлении современными технологиями. Вильгельм, вернувшись к теории виртуального эфира, доказал существование гравитационных турбулентных труб, по которым можно перемещаться на бесконечно большие расстояния в течение очень

коротких временных импульсов.

Мы впервые все вместе задумались, - а как все эти открытия, сделанные нами, сохранить? Ведь все теоретические исследования, опыты, испытания, чертежи и схемы были зафиксированы на бумаге, на пленке, в макетах и, наконец, эти две летающие тарелки, что со всем этим делать? Ведь тайну подземной лаборатории знали только Фюрер, Мартин, я и пять моих друзей. Видимо, Мартин ждал этого вопроса и своим ответом развеял наши сомнения.

-Мои друзья и соратники, по поручению фюрера я сегодня должен сделать важное сообщение.

Видно было, что Мартин уже имел четкий план того, что необходимо сделать в случае чрезвычайных обстоятельств - да ведь по другому не могло быть, так за все время нашей совместной работы по осуществлению этого проекта, Мартин располагал всей мощью Третьего Рейха для того, чтобы ничего не досталось врагу, и не только не досталось врагу, но и абсолютно было исключено появления любой информации о работах в Баварии, в подземной лаборатории.

Фюрер просил меня поблагодарить еще раз всех Вас за то, что Вы сделали для Германии, и сказал, что судьба подарила ему Иоахима, Ганса, Гюнтера, Карла, Вильгельма, Германа, которых он любит, как своих детей. Как бы не завершилась война - а война, к сожалению, завершается не в пользу Германии, -

то, что сделано, должно быть достоянием немцев, и придет время, когда немцы используют все эти открытия во благо Германии. Пока нам удавалось сохранить в полной тайне все, что связано с этой работой. И в этом заслуга нашего Фюрера. Но материальные свидетельства, о которых Вы все знаете, скрыть намного труднее того, что в Вашем уме. К этому времени ситуация складывается так, что “союзники” Сталина поняли, что советы не остановятся, пока не займут всю Германию. И хоть их всех объединяла одна ненависть к фюреру, к нашему движению, Америка, Британия, Франция поняли, что, не останови коммунистическую чуму, всем им придется в будущем иметь дело со Сталиным, а чем все это для них закончится, предугадать легко. Они еще вспомнят немцев. Фюрер сейчас перебрасывает все силы на восток, чтобы сохранить для Германии будущее. Судя по всему, переговоры с Америкой и Британией о капитуляции перед ними сорвутся, поэтому мы будем сражаться до конца. По прогнозам, Баварию, скорее всего, займут американцы. Это дает нам хороший шанс реализовать наш план. По моему указанию самые верные подразделения СС произведут захоронение всех научных отчетов вместе с другими документами, представляющими государственную тайну Третьего Рейха. Специальные контейнеры по внешнему виду будут неотличимы, большая часть из них будет содержать

малозначимые документы.

Часть этих контейнеров будут содержать внутри еще герметические сейфы из специального сплава, который не подвержен влиянию влаги, температуры и давлению в течение сотен лет. В них находится то, что нам необходимо спасти. Только несколько офицеров из этой команды, которых лично знает Фюрер и я, будут знать, какие контейнеры необходимо спрятать. Часть их них будет опущена на дно нескольких высокогорных озер на границе с Австрией. Остальная часть будет захоронена внутри горных массивов в Баварии, где уже подготовлены специальные штольни. После того, как контейнеры будут там оставлены, взрывом будут засыпаны штольни, и найти эти контейнеры без знания координат этого места будет невозможно. В озерах на месте затопления контейнеров были найдены такие места, где илистые отложения достигают 10 метровой толщины. А эти данные будут храниться у нас.

И последнее. Сама форма этих сейфов напоминает очертания валунов, что делает невозможным их поиск.

Что касается всего оборудования лаборатории, то необходимо привести его в такое состояние, чтобы не возникло никаких подозрений об истинном их предназначении. Как это сделать, Вы знаете лучше меня. Тяжелое оборудование будет по частям вывезено, а все остальное будет уничтожено.

Когда Вы завершите полную подготовку к эвакуации, наши специалисты так спроектируют взрыв, что найти следы того, что здесь было, окажется невозможным.

Мы были готовы выполнить все распоряжения, но в силу многолетней совместной работы, каждый из нас эмоционально был подавлен сообщением Мартина.

Конечно, мы обсуждали между собой положение на фронте, но мы не были военными и политиками, и наши дискуссии касались научных, прогностических и экономических аспектов состояния экономики военного времени. И здесь наше мнение совпадало с тем анализом, который давал Мартин, комментируя ход войны. Мы все понимали главное, ради чего судьба свела нас вместе в предгорьях Альп, в Баварии, в секретной лаборатории, выдолбленной в толще гранитных скал, где Фюрер начинал возрождения духа и силы немецкой нации. И мы знали, что-то, что мы делаем, направлено в будущее Германии, какие бы испытания не пришлось пройти немцам в этой жизни и как бы не сложилась судьба нашего народа, населявшего центр Европы - его предназначение определено историей.

- Дорогой Мартин - после некоторой паузы начал свою речь Ганс, так как мы негласно, каждый для себя, выбрали Ганса своим лидером. - Вы должны сделать скидку на наше эмоциональное состояние,

и не обращать внимание на ту подавленность, которая владеет нами. Но это скоро пройдет, и мы сможем с ясным умом все осмыслить. Ваш план безупречен и внутренняя логика тех мер, которые предприняты Фюрером и Вами, полностью соответствуют цели, которую Вы перед нами поставили. Мы не только все выполним, как дисциплинированные члены нашей партии, но и как ученые. Еще и еще раз, проанализировав детали этой операции, мы постараемся найти способы сохранить результатов нашей работы. Причем, мы постараемся сделать так, что самое главное будет недоступно ученым, которые захотят ознакомиться с этими исследованиями. И, если у нас возникнут какие то новые идеи, мы сразу Вам доложим об этом.

- Хорошо, Ганс, - сказал Мартин. - И я перейду сейчас к главной теме - судьбе летающих тарелок. Вы уже знаете, что мы подготовили несколько баз в Парагвае и других странах Южной Америки, где будут скрыты часть архивов Третьего Рейха. Но главное, там будут созданы поселения, где верные идеям нашей партии немцы, настоящие немецкие воины, смогут пережить наше поражение. Там же и будет база летающих тарелок, но знать о ней будем знать только мы. В экстренных случаях можно будет воспользоваться базами пришельцев на Тибете, в Антарктиде и в северной Сибири. Эти места они выбрали сами и оборудованы так, чтобы

мы были защищены от любых незваных гостей.

Фюрер определенно знает, когда наступит конец этой страшной войне, он настоящий борец и вдохновляет немецких воинов на битву с нашими врагами. Но это будет пиррова победа советов. Ее результаты очень скоро скажутся на развитии послевоенной жизни, и мир еще содрогнется оттого, что ему придется пережить. Мы можем только сохранить то, что мы создали. И ждать того момента истории, когда немецкая нация будет готова это принять.

Но возродить дух поверженной нации очень трудно. Дано это не всем, далеко не всем. И здесь винить немцев ни в чем нельзя. Они выполнили свой долг до конца. И они знают, что каждый немец, погибший в этой войне, не забыт. Каждый. И многим немцам будет очень трудно пережить это историческое время. Все они такие же люди, как и те, которые населяют цивилизованные страны.

Но лишь немногим из них суждено оставаться гиперборейцами, и они, в конце концов, возродят дух нибелунгов. Я думаю, что время это наступит не так быстро, как хотелось бы. Наверно, я не доживу до него. Но Вы моложе и полны энергии и сил. А если случится так, что и Вы не дождетесь возрождения Германии, то все должно перейти к продолжателям нашего дела, которых выберете Вы сами.

- Дорогой Мартин - произнес Карл. - Конечно

же, мы далеки и от политики, и от войны, хотя каждый из нас готов с оружием в руках защитить Родину от врагов и отдать за нее свои жизни. Мы не из робкого десятка, Фюрер и Вы это знаете.

- Да, Карл, мы это знаем и тем более мы ответственны за Ваши жизни, которые дороже тысяч вражеских солдат, самолетов и танков. Такие же преданные делу партии немцы, как и Вы, только обученные военному ремеслу, готовы умереть, защищая Вас, если возникнет такая необходимость.

- Да, да, Мартин, мы все понимаем. Но последние результаты наших исследований показывают, что возможно создание лучевого оружия, способное поражать живую силу противника и его технику, особенно самолеты.

- Дорогой Карл, мои друзья! Все это необходимо осуществить в металле и, поверьте моему опыту, у Германии просто нет ресурсов для этого. Просто нет ресурсов. Да и самое важное – Фюрер категорически запретил применять то, что Вы сделали, для военного использования. Видимо, у него есть для этого веские причины. Да и в этой войне - тут Мартин сделал небольшую паузу, - даже в этой войне фюрер не разрешал использовать такое страшное оружие массового поражения - химическое, хотя мы его имели. Даже советы, зная это, не рискнули тоже применить отравляющие вещества. И самое важное. Фюрер убедился в том, что для Вас идеи нашей партии превыше всего. Вы

уже давно отдали, отдаете и будете отдавать все силы и знания для продолжения исследований, для продолжения нашего дела. Ваши семьи будут в безопасности и лучше всего, если Вы сами им сообщите, что Вас переводят служить на Западный фронт. Нам будет легче обеспечить безопасность Вашим семьям, если они прислушаются к Вашим советам переехать в Баварию, поселившись в пригороде Мюнхена или в одном из городов на западе Баварии.

- Спасибо, Мартин, за добрые слова. Мы сегодня же напишем домой письма, и узнаем их мнение.

Мартин сказал, что приедет к нам через два дня, если не возникнут неотложные дела. В любом случае, он даст знать о любых изменениях его планов.

С начала войны по предложению Мартина мы все числились солдатами вермахта, у нас была форма, звания, мы периодически посылали нашим родным письма и получали от них ответные послания. Несколько раз каждый из нас навещал свои семьи. Нам оформляли соответствующие документы на краткосрочный отпуск за образцовое выполнение заданий командования. Эта нехитрая система работала абсолютно надежно, так как все письма проходили через Мартина, все отправлялось именно с той части, где мы “служили” и наши письма проходили все этапы цензуры.

Каждый из нас был готов к такому развитию

событий, и то, что сказал Мартин, прибавило нам сил и уверенности в том, что наши родные будут в относительно большей безопасности.

Мы подготовили письма, Мартин приехал на следующий вечер и все забрал. Действовало положение военного времени и, тем не менее, в начале 1945 года почта работала безотказно. Через неделю Мартин привез нам письма, а так же детали плана эвакуации. Каждый из нас получил совершенно одинаковые, по сути своей, ответы - наши родные полностью доверяют нашим рекомендациям, и оставались чисто бытовые проблемы с переездом на новое место жительства.

В начале марта мы получили разрешение на очередной испытательный полет второй тарелки, но Карл и Гюнтер с нашего согласия решили негласно проверить идею Карла об использования мощного электромагнитного и электрического полей для поражения средств связи самолетов и экипажа. К этому времени налеты американской авиации становились все интенсивнее, особенно на Балтийское побережье Северной Германии и “летающие крепости” методически уничтожали вместе с военными объектами близлежащие населенные пункты. А идея Карла была до смешного проста. Надо прикрепить к днищу аппарата небольшой трос, длиной 2-3 метра, и коснуться им самолета. Мы благословили Карла и Гюнтера, хотя каждый знал, что все мы получим

большую взбучку от Мартина.

Через час тарелка возвратилась, и по сияющим лицам Карла и Гюнтера мы поняли, что все удалось.

-Эта американская «летающая крепость» рухнула вниз, как подбитый вальдшнеп - с восторгом рассказывал Карл. - Сначала перестали работать двигатели, а потом весь самолет засиял, как новогодняя елка! К сожалению, мы не рассчитали мощность излучения, и трос просто обгорел и отвалился.

Эта новость нас вдохновила, и мы уже мечтали, как будем сжигать вражеские самолеты.

Нагоняй мы получили быстрее, чем могли себе представить. Уже через пять часов в лаборатории был Мартин и его вид не сулил ничего хорошего.

-Здравствуйте, защитники Германии! От гнева фюрера Вас спасло только то, что донесения наших летчиков, и данные радиоперехвата американских бомбардировщиков одинаковы - “летающую крепость” поразила шаровая молния, неизвестно откуда появившаяся в абсолютно ясную погоду при видимости 10 километров.

Дорогие Карл и Гюнтер! Поймите, даже двумя летающими тарелками поразить сотни самолетов противника не удастся, тем более, что достаточно небольшой облачности, чтобы сделать малоэффективным такое оружие, если его можно назвать оружием. Я ценю Ваши патриотические чувства, но это не тот случай, чтобы рисковать

Вашиими жизнями и нашим аппаратом. Его ценность выше не только всего военно-воздушного флота наших врагов, но и всего того, что создала до настоящего времени мировая техническая мысль. Фюрер Вас прощает за эту “шалость”. И больше никаких полетов. Фюрер и я понимаем Вас, но Ваша судьба и предназначение - для другого, более важного для Германии, дела. И не огорчайте больше его - ему и так очень трудно. Как и всем нам.

Действительно, всем было стыдно, и каждый из нас переживал из-за того, что этот нелепый случай мог иметь катастрофические последствия для всего проекта. Как бы там ни было, случившееся еще больше объединило нас, заставило еще раз осознать нашу роль и ответственность в этой работе.

2 апреля мы упаковали 11 контейнеров с нашими бумагами, а 5 апреля Мартин отдал распоряжение об эвакуации.

К сожалению, нам снова придется на время расстаться. Вы совершите перелет в Тибет и остановитесь в храме. Там Вы будете ждать приказа Фюрера о Ваших последующих действиях. Карл подготовил коротковолновую радиостанцию, с помощью которой мы будем поддерживать радиосвязь. Каждый день, в 5 часов вечера, Карл будет слушать определенные частоты, и при устойчивом приеме сигнала с территории Германии он установит с нами радиосвязь. Параллельно, в

случае нарушения радиосвязи, фюрер будет иметь контакт с Иоахимом и передаст всю информацию. При радиосвязи мы будем использовать код Иоахима. Да поможет нам Бог!

С этими словами Мартин крепко обнял каждого из нас, а мы начали подготовку к отлету. 7 апреля 1945 года, в 3 часа ночи две серебристые тарелки покинули родную Баварию и направились в Тибет.

* * *

Мы приземлились в том же месте Тибета, перед нами была та же огромная ледяная гора, а впереди - тарелка пришельца. Мы последовали за ней, - и вот мы снова в фантастическом храме Будды, который впервые предстал перед Карлом, Гюнтером, Вильгельмом и Германом. Мы опустили на ладони Будды. К нам вышел человек, с которым встречался Фюрер. Он приветствовал нас поклоном, сложив руки на груди, и мы так же ответили на его приветствие. Он сказал мне, что бы мы следовали за ним, и он покажет нам наш новый дом, в котором мы будем жить.

Мы вошли в гигантскую статую. По широкому коридору, напоминавшему своими размерами подземный переход в горе, где располагалась наша баварская лаборатория, мы прошли около 100 метров, и очутились в большом зале. С двух сторон находились двери. Буддийский монах (я уже так про

себя назвал его) подошел к первой, открыл ее, жестом пригласил следовать за ним. Мы вошли в комнату, размерами напоминавшую наши жилые комнаты в лаборатории.

- Располагайтесь здесь со своими друзьями - вдруг неожиданно обратился монах ко мне. - Здесь имеется минимум того, что необходимо для нормального функционирования тела. А дух не нуждается в удобствах.

С этими словами он поклонился и вышел. Мы остались одни. Комната имела площадь около 17 квадратных метров, высота комнаты составляла 3-3,5 метра, стены и потолок, как мне показалось, были из базальта. Температура внутри помещения была комнатной, видимо, около 20 градусов, воздух был чистый и сухой. С правой стороны стоял широкий лежак, покрытый шкурой какого-то животного, в голове были валики из такой же шкуры, напоминавшие обычные подушки, у ног лежал сложенный в несколько раз широкий шерстяной плед. Возле «кровати» стоял деревянный стул с высокой спинкой, а под ногами лежала толстая, ворсистая и мягкая циновка. Рядом стоял простой стол с тремя стульями, а в противоположном углу находился маленький столик, на котором стояла большая каменная чаша с водой, глиняная кружка, глиняный кувшин и белое матерчатое полотенце, висевшее на прямоугольном гранитном выступе. Широкая металлическая миска

внизу “туалетного” столика предназначалась, видимо, для мытья. Здесь же, рядом, была узкая дверь, за которой находился туалет. Негромкое журчание воды свидетельствовало о том, что вся эта система полностью заменяла нам обычные аксессуары современного европейского туалета, включая стопку мягких, тонких листов, напоминавших бумагу, с приятным и непривычным ароматом. Мы пытались найти какие-то отверстия, или щели, через которые мог поступать чистый воздух и осуществляться вентиляция, но ничего не обнаружили.

- Но откуда идет этот мягкий свет, освещающий комнату? - воскликнул Гюнтер.

Вопрос Гюнтера застал всех врасплох. Все привыкли к тому, что в наших спальнях комнатах и в помещениях лаборатории было электрическое освещение и, осматривая наше новое жилище, мы как-то не обратили внимания на то, что так удивило Гюнтера. И действительно, стены и потолок излучали мягкий свет, не отличный по яркости и цвету от обычного солнечного света, когда небо покрывает неплотная пелена облаков. Такое же свечение было и в туалете.

- Если это флуоресценция, то мощность светового потока в тысячи раз превышает ту величину, которая достигнута только теоретически. Кроме того, что является возбудителем этого необычного свечения, какая энергия и ее вид? -

завершил свой вопрос Гюнтер.

- Тебя ожидает еще много сюрпризов, Гюнтер, - сказал Ганс, - как и нас всех. Поэтому я предлагаю, прежде всего отдохнуть, сверить часы и решить чисто физиологическую, так сказать, проблему. Как мы будем добывать пищу?

Упоминание о пище пробудило аппетит, и наши желудки активно заработали, сообщая нам о необходимости их наполнения. Мы собрались уже приступить к извлечению наших скромных съестных припасов, явно рассчитывая на их пополнение неизвестным пока способом, как следующий вопрос Вильгельма опять отвлек наше внимание от кулинарной проблемы.

- Мой хронометр-анероид показывает, что мы находимся на высоте около 5500 метров над уровнем моря. Я тоже одно время увлекался альпинизмом - обратился ко мне Вильгельм, - и что-то не припомню, что бы в окрестностях Монблана свободно дышалось даже на той высоте. А здесь целых пять с половиной километров и мы не ощущаем никакого дискомфорта и дышим чистым, ароматным воздухом. Что ты об этом скажешь, Иоахим?

- Дорогой Вильгельм, я только повторяю то, что сказал Ганс, - займемся поисками провианта, а все остальное придет после того, когда состояние материального, - я имею в виду наши желудки, - и духовного сольются в гармонии.

Мы вышли из первой комнаты и обошли остальные пять, в которых повторялась такая же обстановка. К этому времени мы уже расположились в своих новых апартаментах, раскладывая личные вещи, и как раз в тот момент, когда мы собирались направиться на поиски провизии, появился монах и сказал мне, что все находится в седьмой, от начала, комнате, где мы и будем кушать. Это была как раз последняя в правом ряду дверь, которую мы открыли. Там стоял, вернее, находился, являясь частью каменной комнаты, большой гранитный стол овальной формы, вокруг которого были расположены семь стульев. Герман тут же заметил:

- Знакомая форма с соотношением перигея и апогея 5 к 7 не правда ли, Вильгельм?

На столе стояли широкие металлические тарелки, справа находились нож, вилка и ложка. Стол был сервирован различной свежей зеленью, в большом казане находилась еда, напоминающая гуляш с обильным содержанием бобовых. Лепешки серого цвета издавали знакомый всем запах свежего хлеба. На отдельной тарелке лежала мороженая рыба. Мяса на столе не было, что дало повод хмыкнуть Карлу. Он был самый представительный из нас - под два метра ростом, мощного телосложения, - и отсутствие мяса обрекало его тело на вегетарианские муки. После завершения трапезы, когда мы всё попробовали, Карл

философски изрек:

- Действительно, история древнего Тибета дает повод задуматься над тем, как обычный немец плотного телосложения может так основательно набить своё чрево различными травами и мороженой рыбой, что бы почувствовать себя сытым.

После трапезы, Карл спросил у меня, как ему вывести наружу провод для подсоединения антенны к радиостанции. Еще ни разу он не осуществлял прием радиосигналов, находясь внутри горы. Радиоволны обычно поглощаются самой породой, из которой она состоит. Я ничего не ответил Карлу, вспоминая прозрачность горы, и сказал ему, что пусть он попробует расположить антенну прямо в комнате, подключить её к радиостанции и послушать, как будет работать приемник. Хотя мое предложение с точки радиоспециалиста Карла было абсурдным, он, тем не менее, прислушался к моему совету, вспоминая мои рассказы о горе, которая вдруг становилась прозрачной. Я вышел, а Карл стал заниматься подключением батарей, проводов и прочих деталей, чтобы запустить радиостанцию. Не помню точно, сколько прошло времени - полчаса или час, - у меня появляется Карл с горящими от восторга глазами, и произносит:

- Иоахим, если есть чудеса на свете, то я сегодня стал свидетелем одного из них. Ты представляешь,

у меня такое чувство, как будто радиоволны проникают через толщу горы, не испытывая никакого поглощения, а сигналы радиостанций, расположенных в различных частях света, принимаются так отчетливо и ясно, как будто их кто то усиливает неизвестным мне способом. Чудеса!

И действительно, в назначенное время мы с первого раза установили радиоконтакт с Мартином и отправили ему первую шифровку. В ответе Мартина содержалось указание строго выполнять намеченный план и подтверждалось продолжение радиообмена. В конце сообщения он передал, что его радиоцентр принимает сигналы с направления, соответствующему местоположению радиопередатчика... в Антарктиде! Карл ничего не понял, подумав, что это, какое то зашифрованное сообщения, касающееся только меня одного, и не стал задавать вопросов, а я решил, что эта информация предназначена Карлу.

Мы ежедневно принимали по радиоприемнику сводки военных событий, передававшихся как Германией, так и нашими противниками. За несколько дней мы привыкли к нашему необычному положению, и каждый из нас невольно уходил в свои мысли, проводя большую часть времени в одиночестве. После того, как мы на следующий день направились в нашу “столовую”, - там все было прибрано, на столе находились

чистые тарелки и столовые приборы, - мы поняли, что за всем этим кто-то следит и у нас отпала необходимость в организации нашего питания. Утром и вечером в емкости из какого-то темного материала, или из керамики, находилась очень горячая вода. Мы деревянным черпаком из санталового дерева наливали эту воду себе в кружки, и наслаждались ароматным чаем, которого было несколько десятков сортов. Чай находился на полке, в керамических банках с конусообразными отверстиями, которые закрывалось притертыми керамическими крышками, и каждый из нас уже выбрал себе по вкусу тот или иной сорт чая.

Сводки боевых действий в Германии становились все тревожнее, и мы понимали, что скоро наступит развязка. 17 апреля 1945 года мы все собрались в моей комнате и подвели некоторые итоги нашего десятидневного пребывания в буддийском храме. Следуя приказу Мартина, никто не делал никаких записей. Все, что мы могли сообщить друг другу по тем направлениями научной работы, за которые отвечал каждый из нас, разрешалось делать только в устной форме. И впервые за долгие годы совместной работы мы впервые задавали друг другу больше вопросов, чем получали ответов. И это касалось, в основном, натурфилософских, чем исторических или теологических тем. Многие из того, что мои друзья

открыли или теоретически обосновали, вдруг получило практическое подтверждение в этом храме и породило новые вопросы, которые переваривались в головах Ганса, Гюнтера, Карла, Вильгельма, Германа. И хотя каждый из них знал о наличии какого-то поля, исходящего от нашего космического пришельца, и неких космических сил, помогающих постигать то, что прежде казалось плодом необузданной фантазии, глубина и объем знаний, получаемых в результате этой умственной работы, потрясли всех. Я своевременно вспомнил слова фюрера, когда мы вступали в контакт с инопланетянином, что мозг человека в середине 20 века не способен воспринять эту информацию, и без соответствующей подготовки эти знания могут повредить нашему здоровью. И тут же я мысленно принял это предостережение фюрера: “Береги своих друзей, Иоахим, и передай им мой приказ остановиться, ибо любой ученый будет идти до конца в раскрытии той тайны, которая поглощает все его существо, а нам пока приходится думать о сегодняшнем дне и о нашем деле, которому мы посвящаем нашу жизнь”. Когда я передал это послание, все вдруг посмотрели друг другу в глаза и как бы очнулись от необычного сна.

- Это так, мои друзья - первым заговорил Ганс. – Это, действительно так. Как будто пелена сходит с твоих глаз. Перед тобой открывается необъятный мир, который был недоступен твоему зрению, и ты

начинаешь постигать то, что казалось невозможным. Ясные и четкие мысли связывают несовместимые прежде события и процессы, и вот ты уже нашел ответ на вопрос о сути этого неизвестного мира, не подчиняющегося нашим представлениям о причинно-следственных связях во вселенной. И возникают новые вопросы в твоей голове. И дальше и глубже начинаешь постигать тайны материи. И в какой то момент ты с удивлением обнаруживаешь, что все это в тебе самом, в твоём существе, в его бесконечной принадлежности вселенной, и все земные заботы становятся мелким и малозначащими. Хотя по земным меркам происходит глобальная война, гибнут миллионы людей, сотни миллионов работают над созданием все новых и новых орудий самоуничтожения человечества, поставляя этому незримому молоху все новое и новое сырьё для его ненасытного чрева.

Да, нам надо остановиться, и открыть людям то, что мы узнали. Боюсь только, что будет уже поздно, ибо само мироустройство, которое возникнет после поражения Третьего Рейха, бумерангом ударит по победителям и породит новые проблемы на Земле, с которыми придется столкнуться всем народам. И здесь, как во всех религиях, сатана будет править свой бал.

Все молча выслушали Ганса, и каждый из нас согласился с ним.

От Мартина приходили лаконичные радиোগраммы, наполненные скрытой тревогой: Фюрер находится в Берлине, Фюрер отказывается покинуть Берлин, ждите указаний и выходите на радиосвязь каждый час, начиная с 28 апреля. Мы знали из радиопередач, что в Берлине идут уличные бои, русские стремительно занимают центральную Германию, войска “союзников” спешат продвинуться в глубь Германии навстречу русским. Мы поняли, что война завершается, Германия терпит поражение и будет разделена между Советами, Америкой, Англией и Францией. Третий Рейх разрушен. Мартин остался верен себе, и 27 апреля сообщил в очередной радиোগрамме, что наши семьи, слава богу, живы и здоровы. 30 апреля утром была получена последняя радиোগрамма Мартина: “Находится над Берлином двум тарелкам. Одной под управлением Ганса и Карла оставаться над Берлином на высоте 50 км, а второй под управлением Иоахима приземлиться во дворе Рейхканцелярии, где расположен подземный командный пункт Фюрера, в 18.35 Берлинского времени, и открыть входной люк. Операция продлится не более 10 минут, после чего аппарат должен курс взять на Южную Америку. В случае непредвиденных обстоятельств закрыть входной люк и через 10 минут взлететь. В случае успеха всей операции, Ганс и Карл возвращаются в Тибет, ждут дальнейших указаний. Мартин”.

Еще в лаборатории Мартин подробно ознакомил меня с расположением подземного командного пункта управления, и мне были знакомы все детали того места, о котором говорил Мартин. Площадка была закрыта со всех сторон зданиями и имела размеры 10x10 метров, что было достаточно для того, что бы опустить аппарат на этот участок. Так как в районе Рейх канцелярии шли ожесточенные бои, спуск аппарата на площадку должен быть очень быстрым, что бы уменьшить риск столкновения с минами и снарядами, сотнями разрывающимися вокруг.

Я все выполнил точно так, как приказал мне Мартин. И вот, тарелка с вращающимся диском стоит во дворике. Ровно в 18.40 открылся люк бункера и из него вышел Фюрер, Ева Браун и Мартин. Через две минуты Мартин закрыл люк аппарата и в 18.45 берлинского времени, 30 апреля 1945 года, огненный шар взмыл над Берлином, и исчез в небе.

Иоахим сделал паузу, а я повернул голову в сторону бара, чтобы пригласить официанта к нашему столику. Когда, я посмотрел на Иоахима, на его месте никого не было.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Что это: бред, фантазия или реальность? Я выбрал некоторые факты, которые, как мне показалось, подтверждают, или, по крайней мере, не противоречат тому, что я услышал от человека с прозрачной ладонью по имени Моахим Штальбергер. И пусть читатель попытается сам ответить на те вопросы, которые, я надеюсь, возникли при чтении этой истории.

1. Верил ли Гитлер в свое величие? Еще во время оккупации Рейнских земель в 1936 году Гитлер, характеризуя свою линию поведения, воспользовался весьма неординарным риторическим оборотом. Он сказал так: «Я следую своим курсом с точностью и уверенностью лунатика». Уже тогда весь мир был потрясен необычным признанием бесспорного лидера 67-миллионного народа, находящегося на пороге межнационального кризиса. Гитлер хотел с помощью этого высказывания успокоить тех своих недоверчивых сторонников, которые сомневались в здравой направленности его курса. (Фундаментальное исследования психоаналитика Вальтера С. Лангера «Душа Адольфа Гитлера», Нью-Йорк, 1972, далее С.Лангер)

2. Историк Оушнер утверждает: «Он чувствует,

что никто другой в истории Германии не был в состоянии привести германскую нацию к могуществу, о чем, конечно, мечтал каждый немецкий государственный деятель, но чего он так и не смог достичь» Такое отношение не ограничивается лишь нивой государственной деятельности. Гитлер верит, что является величайшим военным гением. Так, в разговоре с Раушнингом звучит: «Я не играю в войну. Я не позволяю «генералам» отдавать мне приказы. Войну веду я. Точный момент наступления будет определен мною. Это будет единственно правильный и благоприятный момент, и я буду ждать его с непоколебимой решимостью. Я не пропущу его...» (С.Лангер)

3. Впечатления американского дипломата: «Когда я первый раз увидел Гитлера, то его логика и чувство реальности потрясли меня...»

4. Гитлер был убежден в том, что в каждой области человеческого знания он является бесспорным авторитетом. Он также гордился своей суровостью и жестокостью. «Я один из самых суровых немцев последних десятилетий, а может быть, и веков, который обладает величайшим авторитетом из всех немецких лидеров... Но более того, я верю в свой успех. Я верю в него безусловно». (С.Лангер)

5. Кажется очевидным то, что Гитлер верит - он послан Германии Провидением для выполнения

особой миссии. Возможно, он не совсем ясно представляет себе масштабы этой миссии и не предполагает ничего, кроме того, что он избран для освобождения немецкого народа и передела Европы. (С.Лангер)

6. Показания Гитлера на суде после провалившегося пивного путча в 1923 году. «Можете быть совершенно уверены в том, что я не считаю портфель министра тем, за что стоит бороться. Я вовсе не думаю, что для великого человека, который хочет оставить свое имя в истории, министерское кресло - это достойная цель. С самого первого дня я тысячу раз повторял себе: я хочу быть тем, кто сметет марксизм с лица Земли. Я непременно сделаю это, а когда дело будет сделано - получить титул министра будет просто тривиально. Когда я, впервые стоял перед могилой Рихарда Вагнера, мое сердце было переполнено гордостью. Здесь покоился прах человека, о котором просто невозможно было бы написать: «Здесь лежит тайный советник, главный дирижер. Его Превосходительство барон Рихард фон Вагнер». Я гордился тем, что этому человеку - так же, как и очень многим другим немцам - было вполне достаточно оставить потомкам свое имя, а не свой титул. Во все не скромность подвигла меня на роль «барабанщика». Именно эта роль - роль величайшего смысла, а все остальное - пустяки». После пребывания в Ландсберге Гитлер более не

относил себя к «барабанщикам». Изредка он отзывался о себе словами апостола Матфея «глас вопиющего в пустыне», или же называл себя Иоанном Крестителем, прокладывающим дорогу тому, кто должен придти и повести народ к силе и славе. Однако, чаще всего он называл себя «Фюрером». (С.Лангер)

7. Обзор всех имеющихся свидетельств заставляет признать, что Гитлер верил в то, что ему предназначено стать избранным богом бессмертным Гитлером, новым Освободителем Германии и Основателем нового социального порядка на земле. Он твердо верил в это, и совершенно очевидно, что, несмотря на все испытания и несчастья, которые выпали на его долю, он достиг своей конечной цели. (С.Лангер)

8. Об острове Зеленом, разделяющем реку Дон на два рукава близ города Ростова-на-Дону, давно ходят холодающие кровь слухи. Его даже прозвали “чутьочку Бермудским”. Перед Великой Отечественной войной остров заняли войска НКВД, и что-то по ночам вывозили оттуда на грузовиках. Но не успели. Уже осенью 1941 года фашисты прорвались к Ростову. Целый полк НКВД стоял насмерть, защищая пустынный остров, но погибли почти в полном составе, дав возможность, и время специалистам вывезти отсюда в тыл нечто таинственное. О “странных неземных” явлениях местные жители рассказывают немало историй. В

большинстве из них фигурирует некий виртуальный черный камень. Почему виртуальный? Потому что ни нам, ни множеству научных экспедиций обнаружить его не удалось. Между тем “свидетели явлений” утверждают, что не только видели этот камень, но и ощущали на себе его воздействие, как правило, нервно-психического свойства. (Людмила Карамышева, Сергей Турченко, электронная версия газеты “Факты”)

9. На Зеленом действительно есть мемориальная плита. Она установлена в память о 230-м полке НКВД, стоявшем здесь в годы войны насмерть. Алексей Прийма утверждает, что он в свое время ознакомился с воспоминаниями одного бывшего сотрудника НКВД. В них шла речь о том, что перед войной на острове произошла аварийная посадка “летающего устройства без крыльев”. Сюда сразу перебросили энкавэдэшников, поскольку приняли НЛО за секретный фашистский самолет или ракету. Части этой “штуковины” пытались вывезти в тыл до прихода немцев. Мы обратились в Центральный архив ФСБ с просьбой дать официальную информацию об “уфологической” деятельности 230-го полка НКВД. Там не подтвердили, но и не опровергли такой вероятности ввиду отсутствия каких-либо документов о работе органов с НЛО. Как сообщил директор архива, все эти материалы еще до 1991 года были переданы в один закрытый украинский НИИ, а после развала СССР попытки

возвратить их не увенчались успехом. Тем не менее, нам удалось получить архивный документ “Характеристика боевых действий 230-го полка НКВД” за подписями начальника штаба 56-й армии генерал-майора Арушаньяна и военкома штаба 56-й армии полкового комиссара Брансбурга. В нем, в частности, отмечено: “Полк в течение 7 суток вел ожесточенные бои за о. Зеленый, куда противник направлял наиболее яростные удары. Несмотря на явное превосходство противника в силах, огневых средствах, а также выгодные условия местности, полк мужественно и упорно защищал занятый им участок обороны. Потери полка убитыми и ранеными составили более 90 процентов”. В документе ничего не сказано об иных задачах полка и “летающих тарелках”. Но он от этого не менее важен и интересен, ибо свидетельствует о великом чуде подвига людей, до последней капли крови защищавших каждую пядь родной земли. (Людмила Карамышева, Сергей Турченко, электронная версия газеты “Факты”).

10. 4 мая 1945 года рядовой И. Д. Чураков обратил внимание на бомбовую воронку слева от входа в бункер фюрера. На дне воронки лежали полуобгоревшие трупы мужчины и женщины, засыпанные слоем земли. (Из архивов ФСБ).

11. Вот выдержка из документа, который хранится в Центральном архиве ФСБ: «... 5 мая 1945 года, в г. Берлине, в районе рейхсканцелярии

Гитлера, вблизи мест обнаружения трупов Геббельса и его жены, около личного бомбоубежища Гитлера были обнаружены и изъяты два сожженных трупа - один женский, второй мужской. Трупы сильно обгорели, и без каких-либо дополнительных данных опознать невозможно. Трупы находились в воронке от бомбы, в трех метрах от входа в гитлеровское убежище, и засыпаны слоем земли».

12. Переводчик группы контрразведчиков Е. Ржевская, которыми командовал полковник В.И.Горбушин (группа входила в состав 5 армии, охранявшей рейхканцелярию) описывает эти события: «На рассвете, в четыре часа утра, капитан Дерябин с шофером, пробравшись в рейхсканцелярию, похитили, завернув в простыни, трупы Гитлера и Евы Браун, и в обход часовых, через забор, перебрались на улицу, где их ждали два деревянных ящика и машина».

13. 8 мая 1945 года в морге ХППГ (хирургического подвижного полевого госпиталя) № 496 комиссия в составе главного судебно-медицинского эксперта 1-го Белорусского фронта подполковника медицинской службы Ф. И. Шкаровского, и еще четырех медиков произвела судебно-медицинское исследование трупа мужчины. Вот что они обнаружили:

Возраст трупа около 50-60 лет, рост 165 сантиметров (измерение неточное вследствие

обугливания тканей). Крышка черепа частично отсутствует. Имеются мелкие множественные трещины носовых костей, и костей верхней челюсти. Во рту обнаружены кусочки стекла, составляющие часть стенок и дна тонкостенной ампулы. Половой член обуглен: в обожженной, но сохранившейся мошонке, обнаружено только правое яичко. По ходу пахового канала левое яичко не обнаружено. От трупа исходит явный запах горького миндаля. По мнению медиков, основной анатомической находкой, которая могла быть использована для идентификации личности, являются челюсти с большим количеством искусственных мостиков, зубов, коронок и пломб. Сразу же после вскрытия желто-металлический мост верхней челюсти с 9-ю зубами и обгоревшую нижнюю челюсть с 15-ю зубами медики передали в отдел «Смерш» 3-й ударной армии, то есть группе Горбушина. Сейфа поблизости не оказалось, и Горбушин спрятал вещественные доказательства в темно-бордовую коробку из-под дешевых духов и отдал ее на хранение переводчице Ржевской и непьющему майору. (Архивы ФСБ).

14. Уполномоченный НКВД И. Серов направил весь комплект документов (тринадцать актов, протоколы допросов и фотографии) на имя Л. Берия. В сопроводительной записке он указывал, что «...перечисленные документы и фотографии подтверждают правильность наших предпо-

ложений о самоубийстве Гитлера и Геббельса. ...Не вызывает сомнения то, что предполагаемый нами труп Гитлера является подлинным. Это удалось установить на основании показаний зубного врача и медицинской сестры, лечивших Гитлера, которые начертили расположение вставных зубов Гитлера. Их показания подтверждены судебно-медицинской экспертизой». После судебно-медицинской экспертизы все трупы - Геббельсов с детьми, начальника Генерального штаба германской армии генерала Крипса, вероятного трупа Гитлера и его жены, а также двух собак - были «закопаны в районе города Бух». (Из архивов ФСБ).

15. В связи с передислокацией отдела контрразведки «Смерш» 3-й ударной армии трупы были изъяты и перевезены сначала в район города Финов, а затем 3 июня 1945 года - в район города Ратенов, где и закопаны окончательно. Трупы находятся в деревянных ящиках в яме на глубине 1,7 метра. Местонахождение закопанных трупов - Германия, Бранденбургская провинция, район города Ратенов, лес восточнее города Ратенова по шоссе с Ратенова на Штехов, не доходя деревни Ной Фридрихсдорф, что 325 метров от железнодорожного моста. Закопанная яма с трупами сравнена с землей, на поверхности ямы высажены из мелких сосновых деревьев числом III». (Из архивов ФСБ).

16. Судебно-медицинский эксперт профессор

Семеновский, опираясь на акт № 12 от 8 мая 1945 года, сделал заключение, что куски черепа, возможно, отпали от трупа, изъятых из ямы 5 мая 1945 г.

17. В конце октября 1945 года по результатам допроса лиц, попавших в руки англо-американских служб, союзники сочли нужным сообщить прессе о том, что «Гитлер вне всяких сомнений мертв». Однако, по мнению союзников, изложенному в английском меморандуме от 1 ноября 1945 года, единственным решающим доказательством смерти Гитлера было бы «нахождение и определенное опознание трупа». Кроме того, по английским данным, Гитлер покончил с собой, выстрелив себе в рот. Бригадный генерал США Э. Дж. Форд направил развернутый вариант меморандума спецслужбам союзников. Наиболее важным было предложение обсудить вопрос об обстоятельствах смерти Гитлера на заседании Союзного комитета по разведке. (Архив ФСБ).

18. Первоначально нарком внутренних дел Берия не возражал против обмена сведениями между союзниками об обстоятельствах исчезновения Гитлера. В проекте письма на имя И. Серова он даже предполагал, что, «кроме того, союзники могут обратиться с просьбой о допросе некоторых лиц, находящихся у нас: Гюнше, Раттенхубера, Баура и других», и соглашался с этим. Однако в конце ноября на стол Берии лег документ, содержащий

согласие Меркулова, Круглова, Кобулова на проведение совместного с союзниками расследования и категорическое возражение Абакумова. (Архив ФСБ).

19. 13 февраля 1946 года НКВД, принял решение о начале нового официального расследования. Была создана следственная бригада под руководством помощника начальника 1 отдела Оперативного управления ГУПВИ НКВД СССР подполковника Клаусена. Но попытки получить в свое распоряжение трупы закончились провалом. Естественно, ведь они были целенаправленно перезахоронены на территории отдела «Смерш» в Магдебурге, куда представители МВД не смогли получить доступ. Скорее всего, представители МВД в 1946 году на территории рейхсканцелярии искали не доказательства смерти Гитлера, а, наоборот, признаки того, что Гитлер остался жив, ушел потайным ходом из бункера, улетел самолетом или прорвался на танке в Испанию, Аргентину или еще бог весть куда. (Архив ФСБ).

20. В 1970 была произведена секретная операция “Архив”. Глава КГБ Юрий Андропов предложил руководству страны простое решение вопроса, связанное с темой останков Гитлера: «В настоящее время указанный военный городок, исходя из служебной целесообразности, отвечая интересам наших войск, командование армии передает немецким властям. Учитывая возможность

строительных и других земляных работ на этой территории, которые могут повлечь обнаруженные захоронения, полагал бы целесообразным произвести изъятие останков и их уничтожение путем сожжения. Указанное мероприятие будет проведено строго конспиративно силами опергруппы ОО КГБ 3-й армии ГСВГ и должным образом задокументировано» (Письмо в ЦК КПСС от 13 марта 1970 года № 655/А). На документе имеется резолюция «Согласиться. 16 марта» и подписи «Л.Брежнев, А.Косыгин, Н.Подгорный». Останки изъяли, и сожгли на костре на пустыре в районе города Шенсбек в одиннадцати километрах от Магдебурга. То, что осталось, было истолчено в пепел, собрано и выброшено в реку Бидевиц.

21. В “Комсомольской правде” в июле 2000 была напечатана небольшая заметка под названием “Люди будут летать, как птицы!”. В ней сообщается, что российский ученый Евгений Подклетнов обнаружил эффект антигравитации во время обычных испытаний сверхпроводящего диска из высокотемпературной керамики. Три электрические катушки создавали магнитное поле, в котором этот диск вращался со скоростью 5000 оборотов в минуту. И вдруг исследователь заметил, что дым от сигареты, тянувшийся струйкой через комнату, почему-то над прибором исчезал. Выяснилось: в том месте возникла область с пониженным давлением атмосферы. Стали

проверять, почему. И вот тогда обнаружилось, что быстро вращающийся диск уменьшает гравитационное поле, и предметы, подвешенные над экспериментальной установкой, теряют в весе. Это открытие, если оно будет подтверждено другими специалистами, грозит в корне изменить серьезные фундаментальные научные теории. А вот мнение Бориса Вейцмана (Центр космических исследований имени имени Годдарда, НАСА): Не думаю, что “эффект Подклетнова” шарлатанство. Видно, что ученый умеет работать и с низкими температурами, и со сверхпроводниками. Но я бы не торопился с утверждениями о том, что средство для достижения антигравитации найдено. Ученые в Англии и Индии, занимающиеся работами Евгения, считают: результаты, полученные русским специалистом, могут быть объяснены неучтенными в эксперименте эффектами.

22. До сих пор нет никаких свидетельств смерти Мартина Бормана. Никто из осужденных на Нюрнбергском процессе высших руководителей Третьего Рейха не знал, куда исчез из бункера Борман после 18.30 местного времени 30 апреля 1945 года.

23. Согласно легендам, Топлицзее входит в число четырех австрийских озер, избранных гитлеровцами в качестве хранилища ценностей и секретных документов, когда дни Третьего рейха были уже сочтены. По слухам, в конце войны

эсэсовцы затопили там около 130 ящиков и водонепроницаемых контейнеров. Особенностью этого расположенного в Альпах озера является то, что в течение шести месяцев в году оно покрыто льдом. “Но если контейнеры с золотом действительно покоятся там, то мы их достанем”, — заверяет Элбо. В прошлом уже не раз снаряжались экспедиции на Топлицзее, причем нередко в глубинах озера гибли люди. Только по официальным данным, пять аквалангистов нашли там свою смерть. И, тем не менее, кое-что удалось найти. В 1959 году со дна, местами глубина достигает там 100 метров, были подняты контейнеры с британскими купюрами достоинством 1 фунт стерлингов, с помощью которых нацисты намеревались внести хаос в экономику Великобритании. Там оказались и документы, имеющие отношение к операции “ODESSA” по эвакуации руководителей нацистской партии эсэсовцев из Европы в Латинскую Америку. В 1963 году было обнаружено еще 38 ящиков, однако австрийское правительство не стало предавать огласке их содержимое. Летом 2000 года американской экспедиции, ищущей золото нацистов на дне австрийского озера Топлицзее, удалось зафиксировать до 200 предметов, которые по очертаниям напоминают контейнеры. Об этом эксперты компании *Oceaneering Technologies*, осуществляющие поиск, поведали телекомпаниям

АВС. Они с помощью мини-подлодок вели видеосъемку дна озера и сканирование с помощью сонаров. По словам одного из руководителей компании — Риджли Элбо, все полученные данные заносятся в компьютер и тщательно анализируются, поскольку на поверхность предполагается поднять лишь часть зафиксированных предметов. На все остальные не хватит ни средств, ни времени. Представитель всемирно известного Центра Симона Визенталя, занимающийся розыском и привлечением к ответственности нацистских преступников, заявил: “Мы надеемся, что помимо возможных сокровищ на свет будут извлечены и документы, в частности, списки имен или счетов, из которых станет ясно, где главари Третьего рейха спрятали деньги”. По мнению сотрудников Центра, авуары, припрятанные нацистскими бонзами в банках Швейцарии, существенно превосходят не востребованные со времен войны вклады погибших евреев. Ранее называлась, в частности, такая сумма: от 7 до 10 млрд долларов.

24. В 1945-1946 годах СССР вывозила из Германии промышленное оборудование, а США охотились за «мозгами», которые создавали основу технического и военного могущества Третьего Рейха.

25. Уже в конце 1946 года союзники по антигитлеровской коалиции стали врагами и началась «холодная» война.

26. В 1949 году создается государство Германия, пока еще называемое «Западная Германия». Там осуществляется при помощи США, Англии и Франции возрождение экономики по плану Маршалла. Естественно, капиталистической

27. В «Восточной Германии» под названием ГДР строится коммунистическое государство рабочих и крестьян.

28. В 1980-е годы ФРГ входит в десятку крупнейших капиталистических стран мира.

29. В конце 80-х происходит мирное объединение Германии. После 45 лет появляется единая Германия.

30. В конце 80-х мирным путем разрушен СССР, военная сверхдержава. Правопреемником СССР становится Россия.

31. В конце 20 века происходит объединение Европы, наиболее экономически развитых стран. Германия играет ведущую роль в этом процессе.

32. Бывшие страны социалистического лагеря порывают все экономические связи с бывшим СССР и стремятся попасть в Евросоюз.

33. Фактически денонсированы Ялтинские и Потсдамские соглашения.